

W. J. Johnson (Beau)

Полное собрание сочинений в 55-ти томах

Владимир Ленин (Ульянов)

**Полное собрание
сочинений. Том 30. Июль
1916 – февраль 1917**

«Public Domain»

Ленин (Ульянов) В. И.

Полное собрание сочинений. Том 30. Июль 1916 – февраль 1917 / В. И. Ленин (Ульянов) — «Public Domain»,
— (Полное собрание сочинений в 55-ти томах)

В тридцатый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные за время с июля 1916 года до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года в России.

Содержание

Предисловие	6
1916 г	16
О брошюре Юниуса {1}	16
Итоги дискуссии о самоопределении	25
1. Социализм и самоопределение наций	25
2. «Осуществима» ли демократия при империализме?	28
3. Что такое аннексия?	29
4. За аннексии или против аннексий?	31
5. Почему социал-демократия против аннексий?	33
6. Можно ли противопоставлять колонии «Европе» в данном вопросе?	34
7. Марксизм или прудонизм?	36
8. Особое и общее в позиции голландских и польских социал-демократов интернационалистов	40
9. Письмо Энгельса к Каутскому	42
10. Ирландское восстание 1916 года	43
11. Заключение	46
О рождающемся направлении «империалистического экономизма» {32}	48
Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову) {40}	53
О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» {42}	57
1. Марксистское отношение к войнам и к «защите отечества»	58
2. «Наше понимание новой эпохи»	61
3. Что такое экономический анализ?	64
4. Пример Норвегии	68
5. О «монизме и дуализме»	72
6. Остальные политические вопросы, затронутые и извращенный П. Киевским	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80
Комментарии	

В. И. Ленин
Полное собрание сочинений
Том 30
Июль 1916 ~ февраль 1917

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Издание пятое

Печатается по постановлению Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза

Предисловие

В тридцатый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные за время с июля 1916 года до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года в России.

Это был период дальнейшего расширения мировой империалистической войны, ожесточенных сражений на фронтах, резкого ухудшения условий жизни народных масс, усиления их недовольства и возмущения, обострения революционной ситуации. В России, Германии, Франции и других странах увеличивалось число стачек и политических демонстраций с протестом против войны. Росли и крепили силы интернационалистов в социалистических партиях. Широилось национально-освободительное движение угнетенных народов колоний и зависимых стран. «Революция, – писал Ленин, – стояла на очереди в 1914–1916 гг., таясь в недрах войны, *вырастая* из войны» (настоящий том, стр. 14).

Весь ход событий подтверждал правильность линии большевистской партии, выработанной Лениным в первые же дни войны. Под руководством Ленина партия большевиков уверенно вела рабочий класс России к революции, показывая социал-демократии всех стран образец героической революционной работы в труднейших условиях военного времени, выступая в качестве авангардной силы международного социалистического движения.

В произведениях, входящих в том, Ленин продолжает разрабатывать теорию и тактику большевистской партии по вопросам об отношении к войне, о мире, о революции. В них получили дальнейшее развитие учение Ленина об империализме, ленинская теория социалистической революции и диктатуры пролетариата, выводы Ленина о возможности победы социализма первоначально в одной стране и о разнообразии форм перехода к социализму, положение о значении борьбы за демократические требования в условиях империализма, ленинское учение по национально-колониальному вопросу.

Эти проблемы Ленин разрабатывал в решительной борьбе против социал-шовинизма, каутскианства (центризма) и так называемого «империалистического экономизма» – оппортунистического направления, проявившегося как в российской социал-демократии, так и среди левых в социалистических партиях ряда других стран. Подобно тому, как «экономисты» в российской социал-демократии в 1894–1902 годах из факта утверждения капитализма в России сделали ошибочный вывод, что рабочему классу якобы не нужна политическая борьба – борьба за демократию, «империалистические экономисты», извращая марксистское понимание империализма, отвергали необходимость борьбы за демократию в условиях монополистического капитализма, требовали отказа от лозунга права наций на самоопределение и вообще от программы-минимум, проводили полуанархические взгляды по вопросу об отношении к государству. С таких позиций выступала группа Н. Бухарина, Ю. Пятакова, Е. Бош, претендовавшая на создание «нового большевизма» «в западноевропейском масштабе», а также ряд левых социал-демократов Голландии, Польши, Германии, Америки и скандинавских стран.

Ленин назвал «империалистический экономизм» уродливой карикатурой на марксизм и характеризовал его как яркое проявление догматизма и сектантства в международном социалистическом движении. Обращая внимание на то, что «это болезнь интернациональная», Ленин указывал на ее опасность и подчеркивал, что важнейшей очередной задачей в тот период являлась открытая, энергичная борьба с «империалистическим экономизмом». Распространение «империалистического экономизма» в рядах марксистов было бы «серьезнейшим ударом нашему направлению», – писал Ленин. Поэтому «является безусловная необходимость еще и еще раз *предупредить* соответствующих товарищей, что они *залезли*

в болото, что их «идеи» ничего общего ни с марксизмом, ни с революционной социал-демократией не имеют» (стр. 60).

Том открывается статьей Ленина «О брошюре Юниуса», посвященной критическому рассмотрению неправильной позиции Р. Люксембург и группы немецких левых – «Интернационал» в национальном вопросе. Ленин высоко ценил революционную деятельность Р. Люксембург, немецких левых социал-демократов. В то же время он считал своим долгом открыто критиковать их ошибки, как и ошибки левых в других странах, подчеркивая, что делает это «ради необходимой для марксистов самокритики и всесторонней проверки взглядов, которые должны послужить идейной базой III Интернационала» (стр. 2). Вслед за статьей «О брошюре Юниуса» публикуется большая работа «Итоги дискуссии о самоопределении», в которой Ленин раскрывает ошибочность точки зрения польских, а также голландских левых социал-демократов по национальному вопросу.

Будучи неразрывно связаны с такими трудами Ленина, как «Критические заметки по национальному вопросу» и «О праве наций на самоопределение» (1913–1914), – тезисы «Социалистическая революция и право наций на самоопределение», вошедшие в двадцать седьмой том, произведения «О брошюре Юниуса» и «Итоги дискуссии о самоопределении», написанные в 1916 году, явились новым вкладом в разработку национальной программы и политики большевистской партии. В них Ленин развивает теорию национально-колониального вопроса как составную часть марксистского учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата, о построении социализма и коммунизма.

В статье «О брошюре Юниуса» и других работах, публикуемых в настоящем томе, Ленин разъяснил ошибочность тезиса о невозможности национально-освободительных войн при империализме, исходившего из того, что в эпоху империализма якобы всякая национальная война против одной из империалистических держав приводит к вмешательству другой, конкурирующей с первой, в результате чего каждая национальная война превращается в империалистическую. Прежде всего Ленин показал, что национально-колониальный гнет неизбежно порождает непримиримый антагонизм между поработенными народами колониальных и зависимых стран, с одной стороны, и монополистическим капиталом колониальных держав, с другой, поднимает угнетенные народы на освободительную борьбу, на национальные восстания против империализма. При этом Ленин особое внимание обращал на неизбежность и важность национально-освободительного движения в колониях и полуколониях, указывая, что в условиях империализма национальный вопрос становится национально-колониальным вопросом. Что же касается превращения национальных войн в империалистические, то, конечно, не исключено, что та или иная национальная война может повести к войне империалистических держав, но это не дает оснований делать вывод о невозможности национально-освободительных войн в эпоху империализма.

Указывая, что попытки восстаний в годы первой мировой войны в индийских войсках в Сингапуре, во французском Аннаме, в немецком Камеруне и восстание в Ирландии 1916 г. лучше всего опровергают утверждения о невозможности национально-освободительных войн при империализме, Ленин высказывал убеждение, что победа пролетариата хотя бы в одной из империалистических держав и тем более революции в ряде стран создадут особенно благоприятные условия для развития национально-освободительного движения, для успеха национально-освободительных восстаний (см. стр. 52–53). Это предвидение Ленина подтверждено жизнью. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и образование Советского государства стали могучим фактором подъема борьбы угнетенных народов против империализма. Создание мировой социалистической системы после второй мировой войны и связанное с этим дальнейшее ослабление позиций империализма открыли перед народами колоний и зависимых стран новые возможности завоевания независимости,

в огромной степени ускорили процесс распада колониальной системы. В результате почти полтора миллиарда людей освободились от колониального гнета.

Ленин со всей силой подчеркивал прогрессивный, революционный характер национально-освободительных восстаний, прогрессивность образования, в случае успеха этих восстаний, новых, национальных независимых государств (стр.116). Рабочий класс должен самым решительным образом отстаивать право всех наций на самоопределение вплоть до отделения и образования своего государства, помогать восстанию угнетенных народов против угнетающих их империалистических держав. Смена капитализма социализмом – это историческая эпоха, писал Ленин, которая наряду с другими революционными процессами включает в себя *«целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»* (стр. 112). В связи с этим важнейшее значение имеет создание единого революционного фронта рабочего класса Запада и угнетенных народов Востока против общего врага, против империализма. А это предполагает всемерную, энергичную поддержку национально-освободительных движений со стороны пролетариата.

В работах, входящих в настоящий том, Ленин подвергает резкой критике тех, кто предлагал отказаться от требования права наций на самоопределение на том основании, что оно якобы ведет к социал-патриотизму и несовместимо с отрицательным отношением революционной социал-демократии к лозунгу защиты отечества. Вновь и вновь Ленин разъясняет, что марксисты вовсе не против вообще «защиты отечества», что они отвергают защиту отечества в империалистической войне, но поддерживают защиту отечества в справедливых, национально-освободительных войнах, в борьбе за освобождение от империалистического гнета или в защиту национальной независимости.

Ленин показал полнейшую несостоятельность и другого довода сторонников отказа от требования самоопределения наций – что оно будто бы «неосуществимо» при империализме. В смысле политическом самоопределение наций при империализме вполне осуществимо. Это доказало, например, отделение Норвегии от Швеции в 1905 году. Тем более осуществимо самоопределение угнетенных наций в результате их решительной революционной борьбы против империализма. Более сложным делом является достижение народами, вставшими на самостоятельный путь развития, экономической независимости, освобождения этих стран от засилия иностранных монополий в их экономике. Но и это, как показывает жизнь, осуществимо в современных условиях, при наличии мировой социалистической системы и ослабления империализма, в условиях краха колониализма, в обстановке роста сил рабочего класса и других прогрессивных слоев в молодых национальных государствах. Создание народами, добившимися освобождения, государства национальной демократии, политическая, экономическая и культурная помощь им со стороны социалистических стран – вот путь достижения ими полной экономической независимости. В связи с этим особое значение приобретает положение Ленина о том, что рабочий класс развитых капиталистических стран, придя к власти, не только осуществит на деле право всех колониальных и зависимых народов на самоопределение, но и приложит все усилия, чтобы сблизиться с отсталыми народами Азии и Африки, вставшими на путь самостоятельного развития, окажет им бескорыстную помощь, поможет им «перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму» (стр. 120).

Ленин разоблачил также ошибочность утверждения «империалистических экономистов» о том, что по отношению к колониям недопустимо выдвигать лозунг самоопределения, ибо вообще-де «нелепо выставлять лозунги рабочей партии для стран, где нет рабочих». «Только печальной памяти «экономисты», – писал он, – думали, что «лозунги рабочей партии» выставляются *только* для рабочих. Нет, эти лозунги выставляются для всего трудящегося населения, для всего народа»; поэтому «даже для тех колониальных стран, где нет

рабочих, где есть только рабовладельцы и рабы и т. п., не только *не* нелепо, а *обязательно* для всякого марксиста выставлять «самоопределение»» (стр. 117). Затем нужно помнить, что требование права наций на самоопределение выставляется ««для» двух наций: угнетенной и угнетающей». Ленин постоянно напоминал положение К. Маркса о том, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Национальное угнетение является одним из источников искусственной задержки крушения капитализма, разъединения рабочих разных национальностей, подчинения их влиянию буржуазии. Только проведение в жизнь принципов пролетарского интернационализма и в том числе требования права наций на самоопределение может сплотить трудящихся всех наций в общей борьбе за социализм и обеспечить их победу (см. стр. 32, 34, 39, 40).

Коммунистическая партия Советского Союза, все марксистско-ленинские партии, руководствуясь этими положениями Ленина по национальному вопросу, всегда воспитывали и воспитывают рабочий класс и всех трудящихся в духе пролетарского интернационализма, всегда поддерживали и поддерживают национально-освободительные движения в Азии, Африке и Латинской Америке. СССР и другие социалистические государства, коммунистические и рабочие партии решительно выступают за полную и окончательную ликвидацию колониального режима во всех его формах и проявлениях, проводят политику дружбы и сотрудничества с народами, завоевавшими независимость и создавшими свои национальные государства.

Важные выводы сделал Ленин в произведениях, публикуемых в томе, по вопросу о перспективах развития наций в условиях строительства социалистического общества и перехода от социализма к коммунизму. Он показал ошибочность утверждений «империалистических экономистов» о том, что самоопределение наций неприменимо к социалистическому обществу, что поскольку социализм создает экономическую базу для уничтожения национального гнета, постольку никаких политических задач в этой области стоять не будет. Ленин разъяснил, что это совершенно неверно как по отношению к периоду диктатуры пролетариата, к периоду перехода от капитализма к социализму, так и по отношению к социалистическому обществу и периоду перехода от социализма к коммунизму.

Одной из важнейших задач рабочего класса, совершившего социалистическую революцию, является добровольное объединение свободных и равноправных наций и народностей, их дружба и сотрудничество в строительстве социализма. А этого можно добиться только последовательным осуществлением права наций на самоопределение, политики равноправия всех народов. Правильность этого вывода Ленина подтвердил опыт строительства социализма в СССР, образование многонационального социалистического государства как добровольного союза свободных и равноправных наций, создание нерушимой дружбы народов.

Неправильно решали «империалистические экономисты» и вопрос о национальных отношениях в условиях социалистического общества. Они заявляли, что при социализме нация будет иметь только характер культурной и языковой единицы и что территориальное деление, поскольку оно останется, будет определяться лишь потребностями производства. Подвергая критике это положение, Ленин прежде всего подчеркнул, что «империалистические экономисты» исходят из того, что при социализме не будет государства. В действительности же государство при социализме и в период перехода от социализма к коммунизму сохранится и, следовательно, будет существовать необходимость определения его границ. Отсюда сохраняет все свое значение вопрос о национальных отношениях. «Социализм, – писал Ленин, – организуя производство *без* классового гнета, обеспечивая благосостояние *всем* членам государства, тем самым дает *полный простор* «симпатиям» населения и именно в силу этого облегчает и гигантски ускоряет сближение и слияние наций» (стр. 21). Но непременным условием этого является проведение социалистическим государством правильной

национальной политики – обеспечения полного равноправия всех народов, всестороннего развития их экономики и культуры, их братской взаимопомощи.

В программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой XXII съездом КПСС, эти ленинские положения получили дальнейшее творческое развитие. В ней указывается, что в условиях социализма происходит расцвет наций, укрепляется их суверенитет и вместе с тем идет все большее сближение социалистических наций, расширяется взаимное общение народов, границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое былое значение. Развернутое строительство коммунизма означает новый этап в развитии национальных отношений, характеризующийся дальнейшим сближением наций, еще большим укреплением их единства.

Ленин подчеркивал неразрывную связь вопроса о самоопределении наций с общим вопросом о борьбе за демократию, указывал, что «империалистические экономисты» извратили отношение марксизма к демократии, не поняли значения демократических требований в условиях империализма, необходимости сочетания борьбы за социалистическую революцию с борьбой за демократию. Всестороннее освещение этой очень важной проблемы Ленин дал в статьях «О рождающемся направлении «империалистического экономизма»», «Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову)», «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»».

Прежде всего Ленин разъяснил, почему борьба за демократию приобретает в эпоху империализма особое значение. Политической надстройкой над монополистическим капитализмом, писал он, является поворот от демократии к политической реакции. И во внешней и во внутренней политике империализм стремится к нарушению демократии. Но эти же попытки монополистического капитала вызывают к жизни могучие противоборствующие силы. «Капитализм вообще и империализм в особенности, – писал Ленин, – превращает демократию в иллюзию – и в то же время капитализм порождает демократические стремления в массах, создает демократические учреждения, обостряет антагонизм между отрицающим демократию империализмом и стремящимися к демократии массами» (стр. 71).

Демократия при капитализме является ограниченной, формальной, лицемерной, а империализм нарушает даже эту, буржуазную, демократию. Но отсюда отнюдь не следует, как полагали «империалистические экономисты», что нужно отказаться от борьбы за демократические требования, от программы-минимум, что борьба за демократию якобы «противоречит» социалистической революции, затемняет и отдаляет лозунг социалистического переворота.

Пролетариат, учил Ленин, не может равнодушно относиться к вопросу о том, в каких политических условиях он живет и борется. Чем более демократичен политический строй в капиталистической стране, тем более благоприятны условия для борьбы рабочего класса за свои жизненные права, тем лучше он может подготовиться к социалистической революции. Только в борьбе за демократию рабочий класс может сплотить вокруг себя широчайшие слои населения, придать социалистической революции подлинно народный характер, подготовить себя и непролетарские трудящиеся массы к демократической организации общества после установления диктатуры пролетариата.

Кто ждет «чистой» социалистической революции, указывал Ленин, тот никогда ее не дождется. В действительности в едином мировом революционном процессе, подрывающем и разрушающем капитализм, сливаются социалистические революции, национально-освободительные антиимпериалистические революции, народные демократические революции, широкие крестьянские движения, различные общедемократические движения. «Думать, что *мыслима* социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками*, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церков-

ного, монархического, национального и т. п. гнета, – думать так, – писал Ленин, – значит *отрекаться от социальной революции*» (стр. 54).

Подчеркивая важность борьбы за демократические требования, Ленин в то же время в «Замечаниях по поводу статьи о максимализме», которые публикуются в настоящем томе, подверг критике ошибочное положение Г. Зиновьева о том, будто осуществление требований программы-минимум означало бы переход к принципиально иному общественному строю, дало бы социализм. Думать так – значит перейти на позицию реформизма и покинуть точку зрения социалистической революции. Нельзя упускать из виду главного – социалистической революции, – указывал Ленин в одном из своих писем, написанных в декабре 1916 года. «Надо уметь *соединить* борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, *подчиняя* первую второй. В этом вся трудность; в этом вся суть» (Сочинения, 4 изд., том 35, стр. 213).

Обобщая опыт международного революционного движения и исходя из коренного изменения соотношения сил на международной арене в пользу социализма после второй мировой войны, марксистско-ленинские партии развили положения Ленина о соотношении борьбы за демократию и за социализм. В новой исторической обстановке рабочий класс многих стран еще до свержения капитализма может навязать буржуазии осуществление таких мер, которые, выходя за пределы обычных реформ, имеют жизненное значение как для рабочего класса и развития его дальнейшей борьбы за победу революции, за социализм, так и для большинства нации. Основной удар рабочий класс направляет против капиталистических монополий. В ликвидации всевластия монополий кровно заинтересованы все основные слои нации. Это позволяет соединить все демократические движения, выступающие против гнета финансовой олигархии, в один могучий антимонополистический поток. Общедемократическая борьба против монополий не отдаляет социалистическую революцию, а приближает ее. Борьба за демократию – составная часть борьбы за социализм.

В статье «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»» Ленин выдвинул и обосновал важнейшее положение о многообразии путей перехода различных народов к социализму. Указывая на специфику социально-экономических и политических условий в различных странах при их однородности в основном, Ленин писал, что «такое же разнообразие проявится и на том пути, который проделает человечество от нынешнего империализма к социалистической революции завтрашнего дня. Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни» (настоящий том, стр. 123). В связи с этим Ленин указал, что в отдельных странах *возможна* мирная уступка власти буржуазией, если она убедится в безнадежности сопротивления. В то же время Ленин усиленно подчеркивал, что в какой бы форме ни совершился переход от капитализма к социализму, он возможен лишь путем революции и установления диктатуры пролетариата. «Диктатура пролетариата, как единственного до конца революционного класса, – писал Ленин, – необходима для свержения буржуазии и отражения ее контрреволюционных попыток. Вопрос о диктатуре пролетариата имеет такую важность, что не может быть членом социал-демократической партии, кто отрицает или только словесно признает ее» (стр. 122).

Эти положения Ленина имеют исключительно важное теоретическое и практически-политическое значение. Своим острием они направлены прежде всего против ревизионистов, проповедующих вращение капитализма в социализм, отрицающих необходимость социалистической революции и диктатуры пролетариата. Вместе с тем вывод Ленина о разнообразии форм перехода от капитализма к социализму направлен против догматических элементов в международном рабочем движении, которые не понимают необходимости кон-

кретного анализа конкретной обстановки, учета специфики той или другой страны, необходимости творческого решения задач революционного движения, строительства социализма и коммунизма. Эти положения Ленина являются для марксистских партий руководством к действию в их трудной и сложной борьбе за социализм. Великая Октябрьская социалистическая революция и установление диктатуры пролетариата в государственной форме республики Советов в России, народно-демократические и социалистические революции и утверждение диктатуры пролетариата в форме народной демократии в ряде стран Европы и Азии после второй мировой войны, разнообразие конкретных форм и методов социалистического строительства в этих странах при осуществлении общих закономерностей перехода от капитализма к социализму, – все это подтверждает правильность выводов Ленина.

В произведениях, вошедших в том, Ленин развил дальше марксистское учение о диктатуре рабочего класса, указал на возможность разнообразия форм диктатуры пролетариата, на ее исторически преходящий характер. Он подчеркнул, что диктатура пролетариата представляет собой подлинную демократию – демократию для трудящихся, соединяя «насилие против буржуазии, т. е. меньшинства населения, с *полным* развитием демократии, т. е. действительно равноправного и действительно всеобщего участия *всей* массы населения во всех *государственных* делах и во всех сложных вопросах ликвидации капитализма» (стр. 72). В статье «Интернационал Молодежи» Ленин подверг критике в корне ошибочное утверждение Бухарина о том, что якобы нет различия в отношении марксистов и анархистов к государству, что пролетариат принципиально враждебен всякой государственности и что марксисты будто бы стоят за отмену, за «взрыв» государства после революции. В действительности, в отличие от анархистов, марксисты считают обязательным использование государства и его учреждений в борьбе за освобождение рабочего класса, а главное признают необходимость слома старой, буржуазной государственной машины и создания в ходе социалистической революции нового, пролетарского государства (диктатуры пролетариата) и использования его для перехода от капитализма к социализму (см. стр. 227–228). При этом Ленин высказывал мысль, что государство сохранится и после того, как перестанет быть необходимой – после ликвидации эксплуататорских классов – диктатура пролетариата. Так, он писал, что для революционного марксизма характерно «признание *государства* вплоть до перерастания победившего социализма в полный коммунизм» (стр. 20). Всестороннее творческое развитие и освещение получил этот вопрос в программе КПСС, принятой XXII съездом партии.

В статье «Военная программа пролетарской революции» Ленин вновь возвращается к вопросу о возможности победы социализма первоначально в одной стране, подчеркивая тем самым его огромное значение. «Развитие капитализма, – пишет Ленин, – совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно *во всех* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными. Это должно вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства. В этих случаях война с нашей стороны была бы законной и справедливой» (стр. 133).

Эти положения Ленина являются дальнейшим развитием сформулированного им в 1915 году в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» вывода о том, что «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» (Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 354). В статье «Военная программа пролетарской революции» Ленин говорит об этом уже как о непреложном выводе, подчеркивая, что социализм не может победить одновременно во всех странах. Он прямо, со всей категоричностью указывает, что социализм победит первоначально в одной или нескольких странах.

Далее, из этого положения Ленина вытекает, что он считал исторически неизбежным длительный период сосуществования двух систем: системы социализма и системы капитализма. При этом победивший пролетариат заинтересован в мирном сосуществовании государств с различным общественным строем: опасность войн между двумя системами Ленин связывал со стремлением империалистической буржуазии к разгрому социалистического государства. Для пролетариата чужды агрессивные войны, но в случае агрессии со стороны буржуазных государств он поднимется на справедливую войну в защиту завоеваний социализма. Ленинская идея мирного сосуществования двух систем стала краеугольным камнем внешней политики Советского Союза и других социалистических государств, их борьбы за мир, за предотвращение войн. В то же время, исходя из того, что пока сохраняется империализм – будет существовать опасность агрессивных войн, и руководствуясь ленинским положением о необходимости защиты социалистического отечества, СССР и все страны мировой системы социализма считают необходимым поддерживать свою оборонную мощь, укреплять свои вооруженные силы. Коммунистическая партия Советского Союза воспитывает советских людей в духе постоянной готовности к защите социалистической Родины, любви к своей армии.

В статьях «Военная программа пролетарской революции» и «О лозунге «разоружения»», написанных осенью 1916 года, Ленин подверг критике позицию каутскианцев по вопросу о разоружении. Он показал, что каутскианцы, выступив в годы войны, когда назревала революция, с проповедью разоружения, прикрывали этим лозунгом свою реформистскую позицию, отрицание необходимости социалистической революции и диктатуры пролетариата. Ленин раскрыл также полнейшую несостоятельность точки зрения ряда левых Швейцарии, Голландии, скандинавских стран, которые предлагали заменить в программах социалистических партий требование вооружения народа требованием разоружения. Он разъяснил, что их позиция в тех условиях ослабляла борьбу революционной социал-демократии против оппортунизма.

Однако из этого отнюдь не следует, что Ленин был против требования разоружения в принципе, всегда и при всех условиях. «Разоружение есть идеал социализма», – писал он (стр. 152). Для Ленина характерна конкретно-историческая постановка вопроса о разоружении. При его участии международные социалистические конгрессы в Штутгарте (1907) и Копенгагене (1910) разработали и приняли резолюции, которые обязывали социалистов всех стран активно выступать против милитаризма, требовать от своих правительств сокращения вооружений, мирного урегулирования всех возникающих между государствами конфликтов. Ленин признавал необходимым при определенных условиях выдвижение требования разоружения как демократической меры, в целях сохранения мира, уменьшения опасности войн между государствами. Если в обстановке мировой империалистической войны Ленин расценивал: лозунг разоружения как ошибочный и политически вредный, то до войны он резко осуждал тех социалистов, которые не понимали важности антимилитаристской деятельности пролетарских партий (см. статью В. И. Ленина «Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии» (Сочинения, 5 изд., том 17). После победы Великой Октябрьской социалистической революции, на Генуэзской международной конференции в 1922 году советская делегация по инициативе Ленина выступила с предложением о всеобщем сокращении вооружений и полном запрещении оружия массового уничтожения.

Ленинским положением о необходимости конкретно-исторической постановки вопроса о разоружении руководствовались Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство, выдвинув программу всеобщего и полного разоружения под строгим международным контролем, которое сделало бы невозможными войны между государствами. При этом КПСС исходит из того, что коренное изменение соотношения сил на международной арене в пользу социализма после второй мировой войны сделало перспек-

тиву разоружения, как демократической меры, вполне реальной. Разоружение, ликвидацию оружия массового уничтожения и сведение армий до уровня небольших вооруженных сил, необходимых лишь для поддержания внутреннего порядка и охраны границ, Коммунистическая партия Советского Союза и другие марксистско-ленинские партии рассматривают как наиболее радикальный путь обеспечения прочного мира и предотвращения войн. Добиваясь разоружения, коммунисты остаются верны своим целям. Они считают, что именно сохранение мира создает благоприятные условия для победы социализма в его экономическом соревновании с капитализмом, для развития классовой борьбы в капиталистических странах, для полного уничтожения колониализма и упрочения национальной независимости стран, вставших на самостоятельный путь развития. Всеобщее и полное разоружение под строгим международным контролем отвечает интересам прогресса человеческого общества, чаяниям подавляющего большинства человечества.

Многие произведения, включенные в том, отражают борьбу Ленина против социал-шовинизма и центризма в русской и международной социал-демократии: «Империализм и раскол социализма», «Целый десяток «социалистических» министров», «Потуги обелить оппортунизм», «Фракция Чхеидзе и ее роль», «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический», «Открытое письмо Борису Суварину» и другие. Еще и еще раз Ленин разъясняет экономические корни и идейные истоки оппортунизма, связь оппортунизма с империализмом, подчеркивает, что решительная борьба как против открытых социал-шовинистов, так и против маскирующихся оппортунистов-центристов является непременным условием победы социалистической революции. Он неустанно разоблачает предательские действия оппортунистов, их маневры, их сделки с буржуазией.

«Вот она, судьба моя, – писал Ленин в декабре 1916 года И. Арманд. – Одна боевая кампания за другой – против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма и т. д.

Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я все же не променял бы сей судьбы на «мир» с пошляками» (Сочинения, 4 изд., том 35, стр. 209).

В «Черновом проекте тезисов обращения к Интернациональной социалистической комиссии и ко всем социалистическим партиям», «Открытом письме к Шарлю Нэну, члену Международной социалистической комиссии в Берне» и в обращении «К рабочим, поддерживающим борьбу против войны и против социалистов, перешедших на сторону своих правительств», Ленин заклеил переход центристского большинства Циммервальдского объединения во главе с председателем Международной социалистической комиссии Р. Гриммом к открытому союзу с социал-шовинистами на почве социал-пацифизма. Он выдвинул требование созыва новой конференции циммервальдистов с тем, чтобы она безоговорочно отвергла социал-пацифизм, объявила решительный разрыв с социал-шовинизмом и в организационном отношении, указала рабочему классу его непосредственные и неотложные революционные задачи. «Циммервальд» явно обанкротился, указывал Ленин, и хорошее слово служит опять для прикрытия гнили. Борьбу за новый, действительно социалистический, Интернационал необходимо перенести на другую почву.

В годы войны Ленин жил в Швейцарии и уделял большое внимание деятельности швейцарской социал-демократической партии, борьбе швейцарских левых против социал-шовинистов и центристов. Этому посвящены работы Ленина: «Речь на съезде швейцарской социал-демократической партии 4 ноября 1916 г.», «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии», «Тезисы об отношении швейцарской социал-демократической партии к войне», «Двенадцать кратких тезисов о защите Г. Грейлихом защиты отечества», «История одного маленького периода в жизни одной социалистической партии» и другие.

В томе печатается «Доклад о революции 1905 года», прочитанный Лениным на собрании швейцарской социалистической молодежи 9 (22) января 1917 года – в день двенадцатой годовщины начала первой русской революции. В докладе Ленин дал глубокий анализ

характера, движущих сил и хода революции 1905–1907 гг., показал ее международное значение. Обобщая опыт первой русской революции, Ленин подчеркнул необходимость гегемонии пролетариата в революции, союза рабочего класса и крестьянства, раскрыл огромную роль массовых политических стачек в развитии революции, показал значение Советов рабочих депутатов, созданных творчеством народных масс, как органов восстания и новой государственной власти. Ленин подчеркнул, что первая русская революция, будучи по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, была по средствам борьбы пролетарской. Она явилась прологом грядущей социалистической революции.

Заканчивая свой доклад, Ленин сказал: «Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией» (стр. 327). Он выразил глубокую уверенность в неизбежности социалистической революции в европейских странах, народных восстаний под руководством пролетариата. Это замечательное научное предвидение сбылось. Пример самоотверженной борьбы за победу революции вновь показал пролетариат России – авангард международного рабочего движения. Прошло немногим более месяца и в России разразилась революция, царское самодержавие было свергнуто. Под руководством партии большевиков во главе с Лениным рабочий класс развернул борьбу против капитализма, которая привела к всемирно-исторической победе Великой Октябрьской социалистической революции.

* * *

В разделе «Подготовительные материалы» печатаются десять ленинских документов. Из них два публикуются впервые: «О декларации польских с.-д. на Циммервальдской конференции» и «Замечания по поводу статьи о максимализме». Первый документ содержит важное положение об отношении революционных марксистов к национальным движениям. Указывая, что не всякое национальное движение заслуживает поддержки, Ленин писал: «Это бесспорно как потому, что всякое демократическое требование подчинено общим интересам классовой борьбы пролетариата, отнюдь не являясь абсолютом, так и потому, что в эпоху империалистских соревнований из-за господства над нациями возможны открытые и тайные союзы между буржуазией угнетенной страны и одной из угнетающих стран» (стр. 369). В «Замечаниях по поводу статьи о максимализме» Ленин характеризует значение программы-минимум и ее место в классовой борьбе рабочего класса в условиях империализма. Большой интерес представляют планы ненаписанных статей «Империализм и отношение к нему», «Уроки войны», план незаконченной брошюры «Статистика и социология», а также «План тезисов к дискуссии о задачах левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии» и «Признаки «центра», как течения в международной социал-демократии». В разделе «Подготовительные материалы» публикуются также «План статьи «Империализм и раскол социализма»», «План тезисов «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии»» и «Тезисы об отношении швейцарской с.-д. партии к войне. Практическая часть».

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

1916 г

О брошюре Юниуса^[1]

Наконец-то в Германии вышла нелегально, без приспособления к подлой юнкерской цензуре, социал-демократическая брошюра, посвященная вопросам войны! Автор, принадлежащий, очевидно, к «леворадикальному» крылу партии, подписался Юниус (что значит по-латыни: младший) и назвал свою брошюру: «Кризис социал-демократии». В приложении напечатаны те «тезисы о задачах международной социал-демократии», которые были уже внесены в Бернскую ИСК (Интернациональную социалистическую комиссию) и напечатаны в номере 3 ее бюллетеня^[2]; они принадлежат группе «Интернационал», издавшей весной 1915 г. один номер журнала под этим заглавием (со статьями Цеткиной, Меринга, Р. Люксембург, Талгеймера, Дункер, Штребеля и др.) и устроившей зимой 1915–1916 г. совещание социал-демократов из всех частей Германии, принявшее эти тезисы^[3].

Брошюра написана в апреле 1915 г., как говорит автор в введении, помеченном 2 января 1916 г., и печаталась «без всяких изменений». Издать ее раньше помешали «внешние обстоятельства». Посвящена она не столько «кризису социал-демократии», сколько анализу войны, опровержению легенды о ее освободительном, национальном характере, доказательству того, что это – империалистская и со стороны Германии и со стороны других великих держав война, затем революционной критике поведения официальной партии. Написанная чрезвычайно живо брошюра Юниуса, несомненно, сыграла и сыграет крупную роль в борьбе против перешедшей на сторону буржуазии и юнкеров бывшей социал-демократической партии Германии, и мы от всей души приветствуем автора.

Русскому читателю, который знаком с социал-демократической литературой, напечатанной по-русски за границей в 1914–1916 гг., брошюра Юниуса не дает принципиально ничего нового. Когда читаешь эту брошюру, сопоставляя с аргументами немецкого революционного марксиста то, что было изложено, например, в манифесте Центрального Комитета нашей партии (сентябрь – ноябрь 1914), в бернских резолюциях (март 1915 г.)¹ и в многочисленных комментариях к ним, приходится убедиться только в большой неполноте аргументов Юниуса и в двух ошибках его. Посвящая дальнейшее критике недостатков и ошибок Юниуса, мы должны усиленно подчеркнуть, что делаем это ради необходимой для марксистов самокритики и всесторонней проверки взглядов, которые должны послужить идейной базой III Интернационала. Брошюра Юниуса в общем и целом – прекрасная марксистская работа, и вполне возможно, что ее недостатки носят до известной степени случайный характер.

Главным недостатком брошюры Юниуса и прямым шагом назад по сравнению с легальным (хотя и запрещенным тотчас после выхода) журналом «Интернационал» является умолчание о связи социал-шовинизма (автор не употребляет ни этого термина, ни менее точного выражения социал-патриотизм) с оппортунизмом. Автор вполне правильно говорит о «капитуляции» и крахе германской социал-демократической партии, об «измене» «официальных вождей» ее, но далее не идет. А между тем уже журнал «Интернационал» дал критику «центра», т. е. каутскианства, вполне справедливо осыпав насмешками его бесхарактерность, проституирование им марксизма, лакейство перед оппортунистами. И тот же журнал начал разоблачение действительной роли оппортунистов, опубликовав, напр., важнейший факт, что 4-го августа 1914 г. оппортунисты явились с ультиматумом, с готовым

¹ См. Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 13–23 и 161–167. *Ред.*

решением голосовать во *всяком* случае за кредиты. Ни в брошюре Юниуса ни в тезисах *не* говорится ни об оппортунизме ни о каутскианстве! Это теоретически неверно, ибо нельзя *объяснить* «измены», не поставив ее в связь с оппортунизмом, как *направлением*, имеющим за собой длинную историю, историю всего II Интернационала. Это практически-политически ошибочно, ибо нельзя ни понять «кризиса социал-демократии», ни преодолеть его, не выяснив значения и роли *двух направлений*: открыто-оппортунистического (Легин, Давид и т. д.) и прикрито-оппортунистического (Каутский и К^о). Это шаг назад по сравнению, например, с исторической статьей Отто Рюле в «Vorwärts»^[4] от 12 января 1916 г., где он прямо, открыто доказывает *неизбежность* раскола социал-демократической партии Германии (редакция «Vorwärts'a» ответила ему повторением слащавых и лицемерных каутскианских фраз, не найдя ни единого аргумента по существу против того, что налицо *уже* две партии и что примирить их нельзя). Это – поразительно непоследовательно, ибо в 12-ом тезисе «Интернационала» говорится *прямо* о необходимости создать «новый» Интернационал ввиду «измены» и «перехода на почву буржуазно-империалистской политики» «официальных представительств социалистических партий руководящих стран». Ясно, что говорить об участии в «новом» Интернационале старой социал-демократической партии Германии или партии, мирящейся с Легином, Давидом и К^о, просто смешно.

Чем объясняется этот шаг назад группы «Интернационал», мы не знаем. Величайшим недостатком всего революционного марксизма в Германии является отсутствие сплоченной нелегальной организации, систематически ведущей свою линию и воспитывающей массы в духе новых задач: такая организация должна была бы занимать определенную позицию и по отношению к оппортунизму и по отношению к каутскианству. Это тем более необходимо, что у немецких революционных социал-демократов отняты теперь две последних ежедневных газеты: бременская («Bremer Bürger-Zeitung»^[5]) и брауншвейгская («Volksfreund»^[6]), которые обе перешли к каутскианцам. *Только* группа: «Интернациональные социалисты Германии» (I. S. D.) остается на своем посту – ясно и определенно для всех^[7].

Некоторые члены группы «Интернационал», видимо, скатились опять в болото беспринципного каутскианства. Например, Штребель дошел до того, что в «Neue Zeit»^[8] расшаркивался перед Бернштейном и Каутским! А совсем на днях, 15 июля 1916 г., он поместил в газетах статью «Пацифизм и социал-демократия» с защитой пошлейшего каутскианского пацифизма. Что касается Юниуса, он восстает против каутскианского прожектерства в духе «разоружения», «уничтожения тайной дипломатии» и т. п. самым решительным образом. Возможно, что в группе «Интернационал» есть два течения: революционное и колеблющееся в сторону каутскианства.

Из ошибочных положений Юниуса первое закреплено в 5-ом тезисе группы «Интернационал»: «...В эпоху (эру) этого разнузданного империализма не может более быть никаких национальных войн. Национальные интересы служат только орудием обмана, чтобы отдать трудящиеся народные массы на службу их смертельному врагу: империализму...» Начало 5-го тезиса, который оканчивается этим положением, посвящено характеристике *данной* войны, как империалистской. Возможно, что отрицание национальных войн вообще есть либо недосмотр либо случайное увлечение при подчеркивании совершенно правильной мысли, что *данная* война есть империалистская, а не национальная. Но так как возможно и обратное, так как ошибочное отрицание *всяких* национальных войн по случаю облыжного представления *данной* войны в виде национальной замечается у различных социал-демократов, то на этой ошибке нельзя не остановиться.

Юниус совершенно прав, когда подчеркивает решающее влияние «империалистской обстановки» в *данной* войне, когда он говорит, что за Сербией стоит Россия, «за сербским национализмом стоит русский империализм», что участие, например, Голландии в войне было бы *тоже* империалистским, ибо она, во-1-х, защищала бы свои колонии, а во-2-х,

была бы союзницей одной из *империалистских* коалиций. Это бесспорно – по отношению к *данной* войне. И когда Юниус подчеркивает при этом особенно то, что для него в первую голову важно: борьбу с «фантомом национальной войны», «который в настоящее время господствует над социал-демократической политикой» (стр. 81), то нельзя не признать рассуждения его и правильными и вполне уместными.

Ошибкой было бы лишь преувеличение этой истины, отступление от марксистского требования быть конкретным, перенесение оценки данной войны на все возможные при империализме войны, забвение национальных движений *против* империализма. Единственным доводом в защиту тезиса: «национальных войн больше быть не может» является тот, что мир поделен между горсткой «великих» империалистских держав, что поэтому всякая война, хотя бы она была вначале национальной, *превращается* в империалистскую, задевая интересы одной из империалистских держав или коалиций (стр. 81 у Юниуса).

Неправильность этого довода очевидна. Разумеется, основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и в обществе условны и подвижны, что нет *ни одного* явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война *может* превратиться в империалистскую *и обратно*. Пример: войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие *в свою очередь* национально-освободительные войны *против* империализма Наполеона.

Только софист мог бы стирать разницу между империалистской и национальной войной на том основании, что одна *может* превратиться в другую. Диалектика не раз служила – в истории греческой философии – мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа *данного* в его обстановке и в его развитии.

Что данная империалистская война, 1914–1916 гг., превратится в национальную, это в высокой степени невероятно, ибо классом, представляющим развитие *вперед*, является пролетариат, который объективно стремится превратить ее в гражданскую войну против буржуазии, а затем еще потому, что силы обеих коалиций разнятся не очень значительно и международный финансовый капитал создал повсюду реакционную буржуазию. Но *невозможным* такое превращение объявить нельзя: *если бы* пролетариат *Европы* оказался лет на 20 бессильным; *если бы* данная война *кончилась* победами вроде наполеоновских и порабощением ряда жизнеспособных национальных государств; *если бы* внеевропейский империализм (японский и американский в первую голову) тоже лет 20 продержался, не переходя в социализм, например, в силу японо-американской войны, тогда возможна была бы великая национальная война в Европе. Это было бы развитием Европы *назад* на несколько десятилетий. Это невероятно. Но это *не* невозможно, ибо представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недialeктично, ненаучно, теоретически неверно.

Далее. Не только вероятны, но *неизбежны* в эпоху империализма национальные войны со стороны колоний и полуколоний. В колониях и полуколониях (Китай, Турция, Персия) живет до 1000 миллионов человек, т. е. *больше половины* населения земли. Национально-освободительные движения здесь либо уже очень сильны, либо растут и назревают. Всякая война есть продолжение политики иными средствами. Продолжением национально-освободительной политики колоний *неизбежно* будут национальные войны с их стороны *против* империализма. Такие войны *могут* повести к империалистской войне

теперешних «великих» империалистских держав, но могут и не повести, это зависит от многих обстоятельств.

Пример: Англия и Франция воевали в семилетнюю войну из-за колоний, т. е. вели империалистскую войну (которая возможна и на базе рабства и на базе примитивного капитализма, как и на современной базе высокоразвитого капитализма). Франция побеждена и теряет часть своих колоний. Несколько лет спустя начинается национально-освободительная война Северо-Американских Штатов против одной Англии. Франция и Испания, которые сами продолжают владеть частями теперешних Соединенных Штатов, из вражды к Англии, т. е. из своих империалистских интересов, заключают дружественный договор с восставшими против Англии Штатами. Французские войска вместе с американскими бьют англичан. Перед нами национально-освободительная война, в которой империалистское соревнование является привходящим, не имеющим серьезного значения, элементом, – обратное тому, что мы видим в войне 1914–1916 гг. (национальный элемент в австро-сербской войне не имеет серьезного значения по сравнению с всеопределяющим империалистским соревнованием). Отсюда видно, как нелепо было бы применять понятие империализм шаблонным образом, выводя из него «невозможность» национальных войн. Национально-освободительная война, например, союза Персии, Индии и Китая против тех или иных империалистских держав вполне возможна и вероятна, ибо она вытекает из национально-освободительного движения этих стран, причем превращение такой войны в империалистскую войну между теперешними империалистскими державами будет зависеть от очень многих конкретных обстоятельств, ручаться за наступление которых было бы смешно.

В-третьих, даже в Европе нельзя считать национальные войны в эпоху империализма невозможными. «Эпоха империализма» сделала теперешнюю войну империалистской, она порождает неизбежно (пока не наступит социализм) новые империалистские войны, она сделала насквозь империалистичной политику теперешних великих держав, но эта «эпоха» несколько не исключает национальных войн, например, со стороны маленьких (допустим, аннектированных или национально-угнетенных) государств *против* империалистских держав, как не исключает она и национальных движений в большом масштабе на востоке Европы. Про Австрию, например, Юниус судит очень здраво, учитывая не одно только «экономическое», а и своеобразно политическое, отмечая «внутреннюю нежизнеспособность Австрии», признавая, что «габсбургская монархия есть не политическая организация буржуазного государства, а лишь слабо связанный синдикат нескольких клик общественных паразитов», и что «ликвидация Австро-Венгрии исторически есть лишь продолжение распада Турции и вместе с ним является требованием исторического процесса развития». С некоторыми балканскими государствами и с Россией дело обстоит не лучше. И при условии сильного истощения «великих» держав в данной войне или при условии победы революции в России вполне возможны национальные войны, даже победоносные. Вмешательство империалистских держав осуществимо на практике *не* при всех условиях, это с одной стороны. А с другой стороны, когда рассуждают «с кондачка»: война маленького государства против гиганта безнадежна, то на это приходится заметить, что безнадежная война есть тоже война; а затем, известные явления внутри «гигантов» – например, начало революции – могут «безнадежную» войну сделать очень «надежной».

Мы остановились подробно на неверности положения, будто «больше не может быть национальных войн», не только потому, что оно явно ошибочно теоретически. Было бы, конечно, глубоко печально, если бы «левые» стали проявлять беззаботность к теории марксизма в такое время, когда создание III Интернационала возможно только на базе невульгаризованного марксизма. Но и в практически-политическом отношении эта ошибка очень вредна: из нее выводят нелепую пропаганду «разоружения», ибо будто бы никаких войн, кроме реакционных, быть не может; из нее выводят еще более нелепое и прямо реакционное

равнодушие к национальным движениям. Такое равнодушие становится шовинизмом, когда члены европейских «великих» наций, т. е. наций, угнетающих массу мелких и колониальных народов, заявляют с якобы ученым видом: «национальных войн более быть не может»! Национальные войны *против* империалистских держав не только возможны и вероятны, они неизбежны и *прогрессивны, революционны, хотя*, конечно, для *успеха* их требуется либо соединение усилий громадного числа жителей угнетенных стран (сотни миллионов в взятом нами примере Индии и Китая), либо *особо* благоприятное сочетание условий интернационального положения (например, парализованность вмешательства империалистских держав их обессилением, их войной, их антагонизмом и т. п.), либо *одновременное* восстание пролетариата одной из крупных держав против буржуазии (этот последний в нашем перечне случай является первым с точки зрения желательного и выгодного для победы пролетариата).

Надо заметить, однако, что было бы несправедливо обвинять Юниуса в равнодушии к национальным движениям. Он отмечает, по крайней мере, в числе грехов социал-демократической фракции ее молчание по поводу казни за «измену» (очевидно, за попытку восстания по случаю войны) одного вождя туземцев в Камеруне, подчеркивая в другом месте специально (для гг. Легинов, Ленчей и т. п. негодаев, числящихся «социал-демократами»), что колониальные нации суть тоже нации. Он заявляет с полнейшей определенностью: «социализм признает за каждым народом право на независимость и свободу, на самостоятельное распоряжение своими судьбами»; «международный социализм признает право свободных, независимых, равноправных наций, но только он может создать такие нации, только он может осуществить право наций на самоопределение. И этот лозунг социализма – справедливо замечает автор – служит, как и все остальные, не к оправданию существующего, а как указатель пути, как стимул к революционной, преобразующей, активной политике пролетариата» (стр. 77 и 78). Глубоко ошиблись бы, следовательно, те, кто подумал бы, что все левые немецкие социал-демократы впали в ту узость и карикатуру на марксизм, до которой дошли некоторые голландские и польские социал-демократы, отрицая самоопределение наций даже при социализме. Впрочем, о *специальных* голландско-польских источниках *этой* ошибки мы говорим в другом месте.

Другое ошибочное рассуждение Юниуса связано с вопросом о защите отечества. Это – кардинальный политический вопрос во время империалистской войны. И Юниус подкрепил нас в том убеждении, что наша партия дала единственно правильную постановку этого вопроса: пролетариат против защиты отечества в этой, империалистской войне *ввиду* ее грабительского, рабовладельческого, реакционного характера, *ввиду* возможности и необходимости противопоставить ей (и стремиться превратить ее в) гражданскую войну за социализм. Юниус же, с одной стороны, прекрасно вскрыл империалистский характер данной войны, в отличие от национальной, а с другой стороны, впал в чрезвычайно странную ошибку, пытаясь за волосы притянуть национальную программу к *данной*, ненациональной, войне! Это звучит почти невероятно, но это факт.

Казенные социал-демократы, как легиновского, так и каутскианского оттенка, лакействуя перед буржуазией, которая всего более кричала об иностранном «нашествии», чтобы обмануть народные массы насчет империалистского характера войны, повторяли с особенным усердием этот довод о «нашествии». Каутский, уверяющий теперь наивный и доверчивых людей (между прочим, через российского окиста, Спектатора), что он с конца 1914 года перешел к оппозиции, продолжает ссылаться на этот «довод»! Стараясь опровергнуть этот довод, Юниус приводит поучительнейшие исторические примеры, чтобы доказать, что «нашествие и классовая борьба в буржуазной истории являются не противоречием, как гласит официальная легенда, а одно является средством и проявлением другого». Примеры: Бурбоны во Франции вызывали иностранное нашествие против якобинцев, буржуа в 1871 г. – против Коммуны. Маркс писал в «Гражданской войне во Франции»:

«Высший героический подъем, на который еще способно было старое общество, есть национальная война, и она оказывается теперь чистейшим мошенничеством правительства; единственной целью этого мошенничества оказывается – отодвинуть на более позднее время классовую борьбу, и когда классовая борьба вспыхивает пламенем гражданской войны, мошенничество разлетается в прах»^[9].

«Классическим примером всех времен является, – пишет Юниус, ссылаясь на 1793 год, – великая французская революция». Из этого делается вывод: «Вековой опыт доказывает, следовательно, что не осадное положение, а беззаветная классовая борьба, которая пробуждает самоуважение, героизм и нравственную силу народных масс, является лучшей защитой, лучшей обороной страны против внешнего врага».

Практический вывод Юниуса:

«Да, социал-демократы обязаны защищать свою страну во время великого исторического кризиса. И как раз в том и состоит тяжкая вина социал-демократической фракции рейхстага, что она торжественно провозгласила в своей декларации 4 августа 1914 г.: «В час опасности мы не оставим без защиты нашей родины», а в то же самое время отреклась от своих слов. Она *оставила* родину без защиты в час величайшей опасности. Ибо первым долгом ее перед родиной в этот час было: показать родине истинную подкладку данной империалистской войны, разорвать сеть патриотической и дипломатической лжи, которой было опутано это посягательство на родину; громко и ясно заявить, что для немецкого народа в этой войне и победа и поражение одинаково губительны, сопротивляться до последней крайности удушению родины посредством осадного положения; провозгласить необходимость немедленного вооружения народа и предоставления народу решать вопрос о войне и мире; требовать со всей решительностью перманентного (бесперывного) заседания народного представительства на все время войны, чтобы обеспечить бдительный контроль народного представительства за правительством и народа за народным представительством; требовать немедленной отмены всех политических правоограничений, ибо только свободный народ может с успехом защищать свою страну; наконец, противопоставить империалистической программе войны, – программе, направленной к сохранению Австрии и Турции, т. е. к сохранению реакции в Европе и в Германии, – старую истинно национальную программу патриотов и демократов 1848 года, программу Маркса, Энгельса и Лассалья: лозунг единой великой немецкой республики. Таково было знамя, которое следовало бы развернуть перед страной, которое было бы истинно национальным, истинно освободительным, находилось бы в соответствии с лучшими традициями Германии и международной классовой политики пролетариата»... «Таким образом тяжелая дилемма между интересами родины и международной солидарностью пролетариата, трагический конфликт, который побудил наших парламентариев «с тяжким сердцем» встать на сторону империалистской войны, есть чистое воображение, буржуазно-националистическая фикция. Напротив, между интересами страны и классовыми интересами пролетарского Интернационала существует и во время войны и во время мира полная гармония: и война

и мир требуют самого энергичного развития классовой борьбы, самого решительного отстаивания социал-демократической программы».

Так рассуждает Юниус. Ошибочность его рассуждений бьет в глаза, и если наши открытые и прикрытые лакеи царизма, господа Плеханов и Чхенкели, а может быть, даже гг. Мартов и Чхеидзе, с злорадством ухватятся за слова Юниуса, помышляя не о теоретической истине, а о том, чтобы вывернуться, замести следы, набросать песку в глаза рабочим, то нам надо остановиться подробнее на выяснении *теоретических* источников ошибки Юниуса.

Империалистской войне он предлагает «противопоставить» национальную программу. Передовому классу он предлагает повернуться лицом к прошлому, а не к будущему! В 1793 и 1848 гг. и во Франции, и в Германии, и во всей Европе *объективно* стояла на очереди *буржуазно-демократическая* революция. Этому *объективному* историческому положению вещей соответствовала «истинно национальная», т. е. национально-*буржуазная* программа тогдашней демократии, которую в 1793 г. осуществили наиболее революционные элементы буржуазии и плебейства, а в 1848 г. провозглашал от имени всей передовой демократии Маркс. Феодално-династическим войнам противопоставлялись тогда, *объективно*, революционно-демократические войны, национально-освободительные войны. Таково было содержание исторических задач эпохи.

Теперь для передовых, крупнейших государств Европы *объективное* положение иное. Развитие вперед – если не иметь в виду возможных, временных, шагов назад – осуществимо лишь к *социалистическому* обществу, к *социалистической революции*. Империалистски-буржуазной войне, войне высокоразвитого капитализма *объективно* может противостоять, с точки зрения развития вперед, с точки зрения передового класса, только война *против* буржуазии, т. е. прежде всего гражданская война пролетариата с буржуазией за власть, война, без которой серьезного движения вперед быть *не может*, а затем – лишь при известных, особых, условиях, возможная война в защиту социалистического государства против буржуазных государств. Поэтому те большевики (к счастью, совсем единичные и немедленно сданные нами призывцам^[10]), которые готовы были стать на точку зрения условной обороны отечества под условием победоносной революции и победы республики в России, оставались верны *букве* большевизма, но изменяли *духу* его; ибо втянутая в империалистскую войну передовых европейских держав Россия и в республиканской форме вела бы *тоже* империалистскую войну!

Говоря, что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия, Юниус применил марксову диалектику лишь наполовину, сделав один шаг по верному пути и сейчас же уклонившись с него. Марксова диалектика требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации. Что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия, – это верно *и* по отношению к буржуазии, свергающей феодализм, *и* по отношению к пролетариату, свергающему буржуазию. Именно потому, что это верно по отношению ко *всякому* классовому угнетению, это *слишком общее* и потому *недостаточно* по отношению к данному *особому* случаю. Гражданская война против буржуазии есть *тоже* один из видов классовой борьбы, и только данный вид классовой борьбы избавил бы Европу (всю, а не одну страну) от опасности нашествий. «Великогерманская республика», если бы она существовала в 1914–1916 гг., вела бы *такую же* империалистическую войну.

Юниус вплотную подошел к правильному ответу на вопрос и к правильному лозунгу: гражданская война против буржуазии за социализм и, точно побоявшись сказать всю правду до конца, повернул *назад*, к фантазии «национальной войны» в 1914, 1915, 1916 годах; Если взглянуть на вопрос не с теоретической, а с чисто практической стороны, то ошибка Юниуса станет не менее ясна. Все буржуазное общество, все классы Германии вплоть до крестьянства стояли *за* войну (в России, по всей вероятности, *тоже* – по крайней мере большинство зажиточного и среднего крестьянства с очень значительной долей бедноты находилось,

видимо, под обаянием буржуазного империализма). Буржуазия была вооружена до зубов. При таком положении «провозгласить» программу республики, перманентного парламента, выбора офицеров народом («вооружение народа») и пр. значило бы *на практике* – «провозгласить» революцию (с неверной революционной программой!).

Юниус говорит здесь же, вполне правильно, что революции «сделать» нельзя. Революция стояла на очереди в 1914–1916 гг., таясь в недрах войны, *вырастая* из войны. Надо было «провозгласить» это от имени революционного класса, указать до конца, безбоязненно, *его* программу: социализм, невозможный в эпоху войны без гражданской войны против архиреакционной, преступной, осуждающей народ на несказанные бедствия, буржуазии. Надо было обдумать систематические, последовательные, практические, *безусловно осуществимые* при всяком темпе развития революционного кризиса действия, лежащие по линии назревающей революции. Эти действия указаны в резолюции нашей партии: 1) голосование против кредитов; 2) разрыв «гражданского мира»; 3) создание нелегальной организации; 4) братание солдат; 5) поддержка всех революционных выступлений масс². Успех *всех* этих шагов *неминуемо* ведет к гражданской войне.

Провозглашение великой исторической программы имело, несомненно, гигантское значение; только не старой и устаревшей для 1914–1916 гг. национально-германской программы, а пролетарски-интернациональной и социалистической. Вы, буржуа, воюете для грабежа; мы, рабочие *всех* воюющих стран, объявляем войну вам, войну за социализм, – вот содержание речи, с которой должны были выступить 4 августа 1914 г. в парламентах социалисты, не изменившие пролетариату, как Легины, Давиды, Каутские, Плехановы, Геды, Самба и т. д.

По-видимому, двоякого рода ошибочные соображения могли вызвать ошибку Юниуса. Несомненно, Юниус решительно против империалистской войны и решительно *за* революционную тактику: этого *факта* не устранят никакие злорадства гг. Плехановых по поводу «оборончества» Юниуса. На возможные и вероятные клеветы этого рода необходимо ответить сразу и прямо.

Но Юниус, во-первых, не освободился вполне от «среды» немецких, даже левых социал-демократов, боящихся раскола, боящихся договаривать до конца революционные лозунги³. Это – ошибочная боязнь, и левые социал-демократы Германии должны будут избавиться и *избавятся* от нее. Ход их борьбы с социал-шовинистами *приведет* к этому. А они борются с *своими* социал-шовинистами решительно, твердо, *искренне*, в этом их громадное, принципиальное, коренное отличие от гг. Мартовых и Чхеидзе, которые одной рукой (*à la* Скобелев) развертывают знамя с приветом «Либкнехтам всех стран», а другой рукой нежно обнимают Чхенкели и Потресова!

Во-2-х, Юниус хотел, по-видимому, осуществить нечто вроде меньшевистской, печальной памяти, «теории стадий», хотел *начать* проводить революционную программу с ее «наиболее удобного», «популярного», приемлемого для *мелкой буржуазии* конца. Нечто вроде плана «перехитрить историю», перехитрить филистеров. Дескать, против *лучшей* обороны истинного отечества никто не может быть: а истинное отечество есть велико-германская республика, лучшая оборона *есть* милиция, перманентный парламент и пр. Будучи раз

² См. Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 164. *Ред.*

³ Та же ошибка в рассуждениях Юниуса на тему: что лучше, победа или поражение? Его вывод: оба одинаково плохи (разорение, рост вооружений и т. д.). Это не точка зрения революционного пролетариата, а пацифистского мелкого буржуа. Если говорить о «революционном вмешательстве» пролетариата – а об этом, хотя, к сожалению, слишком обще, говорит и Юниус и тезисы группы «Интернационал», – то *обязательно* было поставить вопрос с *иной* точки зрения: 1) возможно ли «революционное вмешательство» без риска поражения? 2) возможно ли бичевать буржуазию и правительство *своей* страны без того же риска? 3) не говорили ли мы всегда и не говорит ли исторический опыт реакционных войн, что поражения облегчают дело революционного класса?

принята, такая программа сама собой повела бы, дескать, к следующей стадии: социалистической революции.

Вероятно, подобные рассуждения сознательно или полусознательно определили тактику Юниуса. Нечего и говорить, что они ошибочны. В брошюре Юниуса чувствуется *одиночка*, у которого нет товарищей по нелегальной организации, привыкшей додумывать до конца революционные лозунги и систематически воспитывать массу в их духе. Но такой недостаток – было бы глубоко неправильно забывать это – не есть личный недостаток Юниуса, а результат слабости *всех* немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантизма, «дружелюбия» к оппортунистам. Сторонники Юниуса сумели, *несмотря* на свое одиночество, *приступить* к изданию нелегальных листов и к войне с каутскианством. Они сумеют пойти и дальше вперед по верному пути.

Написано в июле 1916 г.

*Напечатано в октябре 1916 г. в «Сборнике «Социал-Демократа»» № 1 Подпись: **Н.***

Ленин

Печатается по тексту «Сборника»

Итоги дискуссии о самоопределении

В номере 2 марксистского журнала Циммервальдской левой «Предвестник» («Vorbote», номер 2, апрель 1916)^[11] помещены тезисы за и против самоопределения наций, подписанные редакцией нашего Центрального Органа «Социал-Демократа»^[12] и редакцией органа польской социал-демократической оппозиции «Газеты Роботничей»^[13]. Читатель найдет выше перепечатку первых и перевод вторых тезисов. На международной арене вопрос этот ставится так широко едва ли не впервые: в дискуссии, которую вели в немецком марксистском журнале «Neue Zeit» двадцать лет тому назад, 1895–1896, перед Лондонским международным социалистическим конгрессом 1896 г. Роза Люксембург, К. Каутский и польские «неподлеглосцевцы» (сторонники независимости Польши, ППС), представлявшие три различных взгляда, вопрос ставился только о Польше^[14]. До сих пор, насколько нам известно, вопрос о самоопределении обсуждался сколько-нибудь систематично только голландцами и поляками. Будем надеяться, что «Предвестнику» удастся двинуть вперед обсуждение этого, столь насущного теперь, вопроса у англичан, американцев, французов, немцев, итальянцев. Официальный социализм, представляемый как прямыми сторонниками «своего» правительства, Плехановыми, Давидами и К^о, так и прикрытыми защитниками оппортунизма, каутскианцами (в том числе Аксельрод, Мартов, Чхеидзе и пр.), – до такой степени изолгался по этому вопросу, что на очень долгое время неизбежны будут, с одной стороны, потуги отмолчаться и увернуться, а с другой стороны, требования рабочих дать им «прямые ответы» на «проклятые вопросы». О ходе борьбы взглядов среди заграничных социалистов мы постараемся своевременно осведомлять читателей.

Для нас лее, русских социал-демократов, вопрос имеет еще особую важность; эта дискуссия является продолжением дискуссии 1903 и 1913 годов^[15]; вопрос вызвал во время войны некоторое шатание мысли среди членов нашей партии; он обострен ухищрениями таких видных вождей гвоздевской или шовинистской рабочей партии, как Мартов и Чхеидзе, обойти суть дела. Поэтому подвести хотя бы первые итоги начатой на международной арене дискуссии необходимо.

Как видно из тезисов, наши польские товарищи дают нам прямой ответ на некоторые из наших доводов, например, о марксизме и прудонизме. Но большей частью они отвечают нам не прямо, а косвенно, противопоставляя *свои* утверждения. Рассмотрим их косвенные и прямые ответы.–

1. Социализм и самоопределение наций

Мы утверждали, что было бы изменой социализму отказаться от осуществления самоопределения наций при социализме. Нам отвечают: «право самоопределения не применимо к социалистическому обществу». Расхождение коренное. В чем же его источник?

«Мы знаем, – возражают наши оппоненты, – что социализм уничтожит всякое национальное угнетение, так как он уничтожает классовые интересы, которые ведут к нему...». Причем это рассуждение об *экономических* предпосылках уничтожения национального гнета, которые давным-давно известны и бесспорны, когда спор идет об *одной* из форм *политического* гнета, именно: о насильственном удержании одной нации внутри границ государства другой нации? Ведь это просто попытка уклониться от политических вопросов! И дальнейшие рассуждения еще более убеждают нас в такой оценке:

«Мы не имеем никаких оснований предполагать, что нации в социалистическом обществе будет принадлежать характер хозяйственно-

политической единицы. По всей вероятности, она будет иметь только характер культурной и языковой единицы, так как территориальное разделение социалистического культурного круга, поскольку таковое будет существовать, может произойти только по потребностям производства, причем решать вопрос об этом разделении, разумеется, должны не отдельные нации, поодиночке, имея всю полноту собственной власти (как этого требует «право самоопределения»), а *совместно определять* будут все заинтересованные граждане...»

Этот последний довод, насчет *совместного* определения вместо самоопределения, так нравится польским товарищам, что они *три раза* повторяют его в своих тезисах! Но частота повторений не превращает этого октябристского и реакционного довода в социал-демократический. Ибо все реакционеры и буржуа предоставляют нациям, насильственно удерживаемым в границах данного государства, право «совместно определять» его судьбы, в общем парламенте. Вильгельм II тоже предоставляет бельгийцам право «совместно определять» в общем немецком парламенте судьбы немецкой империи.

Как раз то, что спорно, – именно то, что исключительно и поставлено на дискуссию, право отделения, – наши оппоненты и усиливаются обойти. Это было бы смешно, когда бы не было так грустно!

У нас сказано в первом же тезисе, что освобождение угнетенных наций предполагает, в области политической, двойное преобразование: 1) полное равноправие наций. Об этом нет спора, и это относится только к происходящему внутри государства; 2) свободу политического отделения⁴. Это относится к определению границ государства. *Только* это спорно. И как раз об этом наши оппоненты молчат. Ни о границах государства, ни даже вообще о государстве они думать не желают. Это какой-то «империалистический экономизм», подобный старому «экономизму» 1894–1902 годов, который рассуждал: капитализм победил, *поэтому* политические вопросы ни к чему¹⁶. Империализм победил, *поэтому* политические вопросы ни к чему! Подобная аполитическая теория в корне враждебна марксизму.

Маркс писал в критике Готской программы: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Ему соответствует и политический переходный период, государством которого не может быть ничего иного, кроме как революционная диктатура пролетариата»¹⁷. До сих пор эта истина была бесспорна для социалистов, а в ней заключается признание *государства* вплоть до перерастания победившего социализма в полный коммунизм. Известно изречение Энгельса об *отмирании* государства. Мы нарочно подчеркнули в 1-ом же тезисе, что демократия есть форма государства, которая тоже отомрет, когда отомрет государство. И пока наши оппоненты не заменили марксизма какой-то новой, «агосударственной», точкой зрения, их рассуждения – сплошная ошибка.

Вместо того, чтобы говорить о государстве (и *значит*, об определении его *границ!*), они говорят о «социалистическом культурном круге», т. е. нарочно выбирают неопределенное в том отношении выражение, что все государственные вопросы стираются! Получается смешная тавтология: конечно, если нет государства, то нет и вопроса о его границах. Тогда не нужна и *вся* демократически-политическая программа. Республики тоже не будет, когда «отомрет» государство.

Немецкий шовинист Ленч в статьях, отмеченных нами в тезисе 5 (примечание)⁵, привел одну интересную цитату из сочинения Энгельса: «По и Рейн». Энгельс говорит там, между прочим, что границы «больших и жизнеспособных европейских наций» в ходе исто-

⁴ См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 252–253. *Ред.*

⁵ См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 259–260. *Ред.*

рического развития, поглотившего ряд мелких и нежизнеспособных наций, определялись все более и более «языком и симпатиями» населения. Эти границы Энгельс называет «естественными»^[18]. Так было дело в эпоху прогрессивного капитализма, в Европе, около 1848–1871 гг. Теперь реакционный, империалистский капитализм все чаще *ломает* эти, демократически определяемые, границы. Все признаки говорят за то, что империализм оставит в наследство идущему ему на смену социализму границы, *менее* демократические, ряд аннексий в Европе и в других частях света. Что же? победивший социализм, восстанавливая и проводя до конца полную демократию по всей линии, откажется от *демократического* определения границ государства? не пожелает считаться с «симпатиями» населения? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы наглядно видеть, как польские наши коллеги катятся от марксизма к «империалистическому экономизму».

Старые «экономисты», превращая марксизм в карикатуру, учили рабочих, что для марксистов важно «только» «экономическое». Новые «экономисты» думают то ли, что демократическое государство победившего социализма будет существовать без границ (вроде «комплекса ощущений» без материи), то ли, что границы будут определяться «только» по потребностям производства. На деле эти границы будут определяться демократически, т. е. согласно воле и «симпатиям» населения. Капитализм насилует эти симпатии и тем прибавляет новые трудности делу сближения наций. Социализм, организуя производство *без* классового гнета, обеспечивая благосостояние *всем* членам государства, тем самым дает *полный простор* «симпатиям» населения и именно в силу этого облегчает и гигантски ускоряет сближение и слияние наций.

Чтобы читатель несколько отдохнул от тяжелого и неуклюжего «экономизма», приведем рассуждение одного постороннего нашему спору социалистического писателя. Писатель этот – Отто Бауэр, который имеет тоже свой «пунктик», «культурно-национальную автономию»^[19], но который очень правильно рассуждает о целом ряде важнейших вопросов. Например, в § 29 своей книги «Национальный вопрос и социал-демократия» он в высшей степени верно отметил прикрытие национальной идеологией *империалистской* политики. В § 30 «Социализм и принцип национальности» он говорит:

«Никогда социалистическая община не в состоянии будет насильно включать в свой состав целые нации. Представьте себе народные массы, обладающие всеми благами национальной культуры, принимающие полное и активное участие в законодательстве и управлении, наконец, снабженные оружием, – возможно ли было бы насильно подчинить такие нации господству чуждого общественного организма? Всякая государственная власть покоится на силе оружия. Теперешняя народная армия, благодаря искусному механизму, все еще составляет орудие в руках определенного лица, фамилии, класса, точно так же, как рыцарское и наемное войско минувших времен. Армия же демократической общины социалистического общества представляет собой не что иное, как вооруженный народ, так как она состоит из высококультурных людей, непринужденно работающих в общественных мастерских и принимающих полное участие во всех областях государственной жизни. При таких условиях исчезает всякая возможность чужденационального господства».

Вот это верно. При капитализме уничтожить национальный (и политический вообще) гнет *нельзя*. Для этого *необходимо* уничтожить классы, т. е. ввести социализм. Но, базирясь на экономике, социализм вовсе не сводится весь к ней. Для устранения национального гнета необходим фундамент – социалистическое производство, но на этом фундаменте необходима *еще* демократическая организация государства, демократическая армия и пр.

Перестроив капитализм в социализм, пролетариат создает *возможность* полного устранения национального гнета; эта возможность превратится в *действительность* «только» – «только»! – при полном проведении демократии во всех областях, вплоть до определения границ государства сообразно «симпатиям» населения, вплоть до полной свободы отделения. На этой базе, в свою очередь, разовьется *практически* абсолютное устранение малейших национальных трений, малейшего национального недоверия, создастся ускоренное сближение и слияние наций, которое завершится *отмиранием* государства. Вот теория марксизма, от которой ошибочно отошли наши польские коллеги.

2. «Осуществима» ли демократия при империализме?

Вся старая полемика польских социал-демократов против самоопределения наций построена на доводе о «неосуществимости» его при капитализме. Еще в 1903 г., в программной комиссии II съезда РСДРП, мы, искровцы, смеялись над этим доводом и говорили, что он повторяет карикатуру на марксизм у (печальной памяти) «экономистов». В наших тезисах мы особенно подробно остановились на этой ошибке, и как раз здесь, где заключается теоретическая база всего спора, польские товарищи не пожелали (или не смогли?) ответить *ни на один* наш аргумент.

Экономическая невозможность самоопределения должна была бы быть доказанной посредством экономического анализа, каким мы доказываем неосуществимость запрещения машин или введения рабочих денег и т. п. Никто и не пытается дать такой анализ. Никто не станет утверждать, чтобы хоть в одной стране «в виде исключения» удалось ввести при капитализме «рабочие деньги», как удалось одной маленькой стране, в виде исключения, в эру самого разнузданного империализма осуществить неосуществимое самоопределение и даже без войны и революции (Норвегия 1905 г.). Вообще политическая демократия есть лишь одна из возможных (хотя теоретически для «чистого» капитализма и нормальная) *форм* надстройки *над* капитализмом. И капитализм и империализм, как показывают факты, развиваются при *всяких* политических формах, подчиняя себе *все* их. Поэтому теоретически в корне неверно говорить о «неосуществимости» *одной* из форм и *одного* из требований демократии.

Отсутствие ответа польских коллег на эти доводы заставляет признать дискуссию по этому пункту конченной. Для наглядности, так сказать, мы выставили самое конкретное утверждение, что было бы «смешно» отрицать «осуществимость» восстановления Польши теперь в зависимости от стратегических и т. п. моментов данной войны. Ответа не последовало!

Польские товарищи просто *повторили* явно неверное утверждение (§ II, 1), говоря: «в вопросах присоединения чужих областей формы политической демократии устранены; открытое насилие решает... Капитал никогда не предоставит народу решение вопроса о своих государственных границах...». Как будто «капитал» может «предоставить народу» выбор *его*, служащих империализму, чиновников народом! Или как будто бы *вообще* были мыслимы без «открытого насилия» какие бы то ни было крупные решения важных демократических вопросов, например, о республике вместо монархии, о милиции вместо постоянной армии! Субъективно польские товарищи желают «углублять» марксизм, но делают это совсем неудачно. *Объективно*, их фразы о неосуществимости суть оппортунизм, ибо предполагается молча: «неосуществимо» без ряда революций, как неосуществима при империализме и *вся* демократия, *все* ее требования вообще.

Один только раз, в самом конце § II, 1, в рассуждении об Эльзасе, польские коллеги покинули позицию «империалистического экономизма», подойдя к вопросам одной из форм демократии с конкретным ответом, а не с общей ссылкой на «экономическое». И как раз этот

подход оказался неверным! Было бы «партикуляристичным, недемократичным», – пишут они, – если бы *одни* эльзасцы, не спросив французов, «навязали» им присоединение Эльзаса к Франции, хотя бы часть Эльзаса тяготела к немцам и это грозило войной!!! Путаница совсем забавная: самоопределение предполагает (это ясно само собою и мы особо подчеркнули это в наших тезисах) свободу *отделения* от угнетающего государства; о том, что *присоединение* к данному государству предполагает *его* согласие, в политике так же «не принято» говорить, как в экономике не говорят о «согласии» капиталиста получать прибыль или рабочего получать заработную плату! Говорить об этом смешно.

Если быть марксистским политиком, то, говоря об Эльзасе, надо напасть на негожев немецкого социализма за то, что они не борются за свободу отделения Эльзаса, – на негожев французского социализма за то, что они мирятся с французской буржуазией, желающей насильственно присоединить весь Эльзас, – на тех и других за то, что они служат империализму «своей» страны, боясь отдельного, хотя бы и маленького государства; – надо показать, *каким образом* социалисты, признавая самоопределение, в несколько недель решили бы вопрос, не нарушая воли эльзасцев. Рассуждать вместо этого об ужасной опасности того, что французские эльзасцы «навяжут» себя Франции, есть просто перл.

3. Что такое аннексия?

Этот вопрос мы поставили в наших тезисах со всей определенностью (§ 7)⁶. Польские товарищи *не* ответили на него: они *обошли* его, усиленно заявляя, 1) что они против аннексий и 2) объясняя, почему они против. Это очень важные вопросы, слов нет. Но это *другие* вопросы. Если мы сколько-нибудь заботимся о теоретической продуманности своих принципов, об их ясной и отчетливой формулировке, мы не можем *обходить* вопроса о том, что такое аннексия, раз это понятие фигурирует в нашей политической пропаганде и агитации. Обход же этого вопроса в коллегиальной дискуссии нельзя истолковать иначе, как отказ от позиции.

Почему мы поставили этот вопрос? Мы объяснили это, ставя его. Потому что «протест против аннексий есть не что иное, как признание права самоопределения». В понятие аннексии входят обычно 1) понятие насилия (насильственное присоединение); 2) понятие чуженационального гнета (присоединение «чуждой» области и т. п.) и – иногда – 3) понятие нарушения status quo. И это мы указали в тезисах, и это наше указание не встретило критики.

Спрашивается, могут ли быть социал-демократы вообще против насилия? Ясно, что нет. Значит, мы не потому против аннексий, что они суть насилие, а почему-то другому. Точно так же не могут быть социал-демократы и за status quo. Как ни вертитесь, вы не минуете вывода: аннексия есть *нарушение самоопределения* нации, есть установление *границ* государства *вопреки воле населения*.

Быть против аннексий *значит* быть за право самоопределения. Быть «против насильственного удержания любой нации в границах данного государства» (мы нарочно употребили *и* эту, чуточку видоизмененную формулировку той же самой мысли в § 4 наших тезисов⁷, и польские товарищи *ответили* здесь нам *вполне* ясно, заявив в своем § I, 4, в начале, что они «против насильственного удержания угнетенных наций в границах аннектирующего государства») – это *то же самое*, что быть за самоопределение наций.

О словах спорить мы не хотим. Если есть партия, которая скажет в своей программе (или в обязательной для всех резолюции, дело не в форме), что она против аннексий^{8[142]},

⁶ См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 261–262. *Ред.*

⁷ См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 257. *Ред.*

⁸ «Против старых и новых аннексий» – сформулировал это К. Радек в одной из своих статей в «Bemer Tagwacht»^[142].

против насильственного удержания угнетенных наций в границах *ее* государства, то мы заявляем полное принципиальное согласие с такой партией. За *слово* «самоопределение» было бы нелепо держаться. И если в нашей партии найдутся люди, которые захотят изменить в этом духе *слова*, формулировку § 9 нашей партийной программы, мы сочтем разногласие с *такими* товарищами совсем не принципиальным!

Дело только в политической ясности и в теоретической продуманности наших лозунгов.

В словесных дискуссиях по этому вопросу – важности которого особенно теперь, в связи с войной, никто не отрицает – встречался такой довод (мы не нашли его в печати): *протест против* известного зла не обязательно означает признание положительного понятия, исключającego зло. Довод явно несостоятельный и поэтому, очевидно, нигде и не воспроизведенный в печати. Если социалистическая партия заявляет, что она «против насильственного удержания угнетенной нации в границах аннектирующего государства», то эта партия *тем самым обязуется отказаться от насильственного удержания*, когда она будет у власти.

Мы ни минуты не сомневаемся, что, если завтра Гинденбург полупобедит Россию и выражением этой полупобеды явится (в связи с желанием Англии и Франции немного ослабить царизм) новое государство польское, вполне «осуществимое» с точки зрения экономических законов капитализма и империализма, и если затем послезавтра победит социалистическая революция в Питере, Берлине и Варшаве, то польское социалистическое правительство, подобно русскому и немецкому, откажется от «насильственного удержания», скажем, украинцев, «в границах польского государства». Если в этом правительстве будут члены редакции «Газеты Роботничей», они, несомненно, принесут свои «тезисы» в жертву и этим опровергнут ту «теорию», что к «социалистическому обществу неприменимо право самоопределения». Если бы мы думали иначе, мы поставили бы на очередь дня не товарищескую дискуссию с социал-демократами Польши, а беспощадную борьбу с ними, как шовинистами.

Допустим, я выхожу на улицу любого европейского города и заявляю публично, повторяю потом в газетах «протест» против того, что мне не позволяют купить человека в рабство. Нет сомнения, что меня в праве будут считать рабовладельцем, сторонником принципа или системы, как хотите, рабства. Что мои симпатии к рабству облечены в отрицательную форму протеста, а не в положительную («я за рабство»), это никого не обманет. Политический «протест» *вполне* равносителен политической программе, это до того очевидно, что как-то неловко даже быть вынужденным разъяснять это. Во всяком случае мы твердо уверены, что со стороны, по крайней мере, циммервальдских левых – не говорим обо всех циммервальдцах, ибо там есть Мартов и другие каутскианцы, – мы не встретим «протеста», если скажем, что в III Интернационале не будет места для людей, способных отделять политический протест от политической программы, противопоставлять одно другому и т. п.

Не желая спорить о словах, мы позволим себе выразить твердую надежду, что польские социал-демократы постараются вскоре формулировать официально как свое предложение удалить § 9 из нашей (и *их* тоже) партийной программы, а равно из программы Интернационала (резолуция Лондонского конгресса 1896 г.), так и *свое* определение соответствующих политических мыслей о «старых и новых аннексиях» и о «насильственном удержании угнетаемой нации в границах аннектирующего государства». – Перейдем к следующему вопросу.

^{142} «*Berner Tagwacht*» («Бернский Часовой») – газета, орган Социал-демократической партии Швейцарии; выходит с 1893 года в Берне. В 1909–1918 гг. редактором газеты был Р. Гримм. В начале мировой империалистической войны в газете публиковались статьи К. Либкнехта, Ф. Меринга и других левых социал-демократов. С 1917 года газета стала открыто поддерживать социал-шовинистов. В настоящее время позиция газеты по основным вопросам внутренней и внешней политики совпадает с позицией буржуазных газет.

4. За аннексии или против аннексий?

В § 3 первого отдела своих тезисов польские товарищи со всей определенностью заявляют, что они против всяких аннексий. К сожалению, в § 4 того же отдела мы встречаем утверждения, которые приходится признать аннексионистскими. Начинается этот § следующей... как бы помягче сказать?., странной фразой:

«Исходный пункт борьбы социал-демократии против аннексий, против насильственного удержания угнетенных наций в границах аннектирующего государства составляет *отклонение всякой защиты отечества* (курсив авторов), которая в эру империализма является защитой прав собственной буржуазии на угнетение и ограбление чужих народов...»

Что это? Как это?

«Исходным пунктом борьбы против аннексий является отклонение *всякой* защиты отечества...». Но ведь «защитой отечества» можно назвать и до сих пор *общепринято* было называть всякую национальную войну и всякое национальное восстание! Мы против аннексий, *но*... мы понимаем это так, что мы против войны аннектированных *за* их освобождение от аннектировавших, мы против восстания аннектированных с целью освобождения от аннектировавших! Разве это не аннексионистское утверждение?

Авторы тезисов мотивируют свое... странное утверждение тем, что «в эру империализма» защита отечества есть защита прав своей буржуазии на угнетение чужих народов. Но это верно *только* по отношению к империалистской войне, т. е. войне *между* империалистскими державами или группами держав, когда *обе* воюющие стороны не только угнетают «чужие народы», но и ведут войну *из-за того*, кому *больше* угнетать чужих народов!

По-видимому, авторы ставят вопрос о «защите отечества» совсем не так, как ставит его наша партия. Мы отвергаем «защиту отечества» в *империалистской* войне. Это яснее ясного сказано и в манифесте Центрального Комитета кашей партии и в бернских резолюциях⁹, перепечатанных в брошюре «Социализм и война», которая вышла и по-немецки и по-французски^[20]. Мы подчеркнули это *дважды* и в наших тезисах (примечания к § 4 и к § 6)¹⁰. По-видимому, авторы польских тезисов отвергают защиту отечества *вообще*, т. е. *и для национальной войны*, считая, может быть, национальные войны «в эру империализма» *невозможными*. Говорим: «может быть», потому что в своих тезисах польские товарищи такого взгляда *не* изложили.

Такой взгляд ясно выражен в тезисах немецкой группы «Интернационал» и в брошюре Юниуса, которой мы посвящаем особую статью¹¹. Заметим, в дополнение к сказанному там, что национальное восстание аннектированной области или страны против аннектировавшей могут назвать именно восстанием, а не войной (мы слышали такое возражение и потому приводим его, хотя считаем этот терминологический спор несерьезным). Во всяком случае, отрицать то, что аннектированная Бельгия, Сербия, Галиция, Армения назовут свое «восстание» против аннектировавшего «защитой отечества» *и назовут правильно*, едва ли кто решится. Выходит, что польские товарищи *против* такого восстания на том основании, что в этих аннектированных странах есть *тоже* буржуазия, которая *тоже* угнетает чужие народы, или вернее: может угнетать, ибо речь идет только о «праве ее на угнетение». Для оценки данной войны или данного восстания берется, следовательно, не его *действитель-*

⁹ См. Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 13–23 и 161–167. *Ред.*

¹⁰ См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 258 и 260. *Ред.*

¹¹ См. настоящий том, стр. 1–16. *Ред.*

ное социальное содержание (борьба угнетенной нации против угнетающей за свое освобождение), а возможное осуществление угнетенной ныне буржуазией ее «права на угнетение». Если Бельгия, скажем, в 1917 году будет аннектирована Германией, а в 1918 году восстанет за свое освобождение, то польские товарищи будут против восстания на том основании, что бельгийская буржуазия имеет «право на угнетение чужих народов»!

Ни марксистского, ни революционного вообще в этом рассуждении нет ни грана. Не изменяя социализму, мы *должны* поддерживать *всякое* восстание против нашего главного врага, буржуазии крупных государств, если это не восстание реакционного класса. Отказываясь от поддержки восстания аннектированных областей, мы – объективно – становимся аннексионистами. Именно «в эру империализма», которая есть эра начинающейся социальной революции, пролетариат поддержит с особой энергией сегодня восстание аннектированных областей, чтобы завтра же или одновременно напасть на ослабляемую таким восстанием буржуазию «великой» державы.

Однако польские товарищи идут еще дальше в своем аннексионизме. Они не только против восстания аннектированных областей, они против *всякого* восстановления их независимости, хотя бы мирного! Слушайте:

«Социал-демократия, отклоняя всякую ответственность за последствия угнетательской политики империализма, борясь с ними самым резким образом, *никоим образом не выступает за установление новых пограничных столбов в Европе, за восстановление снесенных империализмом*» (курсив авторов).

Сейчас «империализмом снесены пограничные столбы» между Германией и Бельгией, между Россией и Галицией. Международная социал-демократия должна быть, видите ли, против их восстановления вообще, каким бы то ни было образом. В 1905 г., «в эру империализма», когда автономный сейм Норвегии провозгласил отделение от Швеции, а война Швеции против Норвегии, проповедовавшаяся реакционерами Швеции, не удалась как в силу сопротивления шведских рабочих, так и в силу международной империалистской ситуации, – социал-демократия должна была бы быть против отделения Норвегии, ибо это означало, несомненно, «установление новых пограничных столбов в Европе»!!

Это уже прямой, открытый аннексионизм. Опровергать его нет надобности, он сам себя опровергает. Ни одна социалистическая партия не решится принять этой позиции: «мы против аннексий вообще, но для Европы мы санкционируем аннексии или миримся с ними, раз только они произведены...»

Остановиться надо лишь на теоретических источниках ошибки, доведшей наших польских товарищей до такой самоочевиднейшей... «невозможности». О неосновательности выделения «Европы» мы скажем ниже. Следующие две фразы из тезисов поясняют другие источники ошибки:

«...Там, где колесо империализма прошло над образовавшимся уже капиталистическим государством, давя его, там *is* зверской форме империалистского угнетения происходит политическая и экономическая концентрация капиталистического мира, подготовляющая социализм...»

Это оправдание аннексий есть струвизм, а не марксизм^[21]. Русские социал-демократы, помнящие 1890-ые годы в России, хорошо знают эту манеру извращения марксизма, общую гг. Струве, Куновым, Легиным и К^о. Как раз насчет немецких струвистов, так называемых «социал-империалистов», в другом тезисе (II, 3) польских товарищей читаем:

...(Лозунг самоопределения) «дает социал-империалистам возможность, доказывая иллюзионный характер этого лозунга, представлять

нашу борьбу против национального угнетения исторически неправомерной сентиментальностью и тем подрывать доверие пролетариата к научной обоснованности социал-демократической программы...»

Это значит, что позицию немецких струвистов авторы считают «научной»! Поздравляем.

Только одна «мелочь» разрушает этот удивительный аргумент, грозящий нам тем, что Ленчи, Куновы, Парвусы *правы* против нас: именно, эти Ленчи последовательные по-своему люди, и в номере 8–9 шовинистского немецкого «Колокола»^[22] – мы нарочно процитировали эти именно номера в наших тезисах – Ленч доказывает *одновременно* и «научную обоснованность» лозунга самоопределения (польские социал-демократы признали, видимо, *эту* аргументацию Ленча неотразимой, как явствует из приведенного нами рассуждения в их тезисах...) и «научную обоснованность» лозунга: против аннексий!!

Ибо Ленч прекрасно понял ту простую истину, на которую мы указали польским коллегам, не пожелавшим ответить на наше указание: нет разницы, «ни экономической, ни политической», ни вообще логической, между «признанием» самоопределения и «протестом» против аннексий. Если польские товарищи считают доводы Ленчей против самоопределения неотразимыми, то нельзя же не признать *факта*: все эти доводы Ленчи направляют и против борьбы с аннексиями.

Теоретическая ошибка, лежащая в основе всех рассуждений наших польских коллег, довела их до того, что они оказались *непоследовательными аннексионистами*.

5. Почему социал-демократия против аннексий?

С нашей точки зрения ответ ясен: потому, что аннексия нарушает самоопределение наций или, иначе, составляет одну из форм национального гнета.

С точки зрения польских социал-демократов, приходится *особо* выяснять, почему мы против аннексий, и эти разъяснения (I, 3 в тезисах) запутывают авторов неминуемо в новый ряд противоречий.

Два довода приводится ими в «оправдание» того, почему мы (вопреки «научно-обоснованным» аргументам Ленчей) против аннексий. Первый:

«...Утверждению, что аннексии в Европе необходимы для военного обеспечения победоносного империалистского государства, социал-демократия противопоставляет тот факт, что аннексии только усиливают антагонизмы и тем увеличивают опасность войны...»

Это недостаточный ответ Ленчам, ибо их главный довод не военная необходимость, а *экономическая* прогрессивность аннексий, означающих концентрацию при империализме. Где же тут логика, если польские социал-демократы в одно и то же время признают прогрессивность *такой* концентрации, отказываясь в Европе восстанавливать снесенные империализмом пограничные столбы, и возражают *против* аннексий?

Далее. Опасность *каких* войн усиливают аннексии? Не империалистских, ибо они порождаются другими причинами; главные антагонизмы в настоящей империалистской войне, бесспорно, суть антагонизмы Англии с Германией, России с Германией. Аннексий тут не было и нет. Речь идет об усилении опасности *национальных* войн и национальных восстаний. Но как же можно, с одной стороны, объявлять национальные войны «в эру империализма» *невозможными*, а с другой стороны, выдвигать «опасность» национальных войн? Это не логично.

Второй довод.

Аннексии «создают пропасть между пролетариатом господствующей и угнетенной наций»... «пролетариат угнетенной нации соединился бы со своей буржуазией и видел врага в пролетариате господствующей нации. На место интернациональной классовой борьбы пролетариата против интернациональной буржуазии наступил бы раскол пролетариата, его идейное разращение...»

Эти доводы мы вполне разделяем. Но логично ли по одному и тому же вопросу, в одно и то же время выдвигать взаимно исключаютые доводы? В § 3 отдела I тезисов мы читаем приведенные доводы, видящие *раскол* пролетариата в аннексиях, а рядом, в § 4, нам говорят, что в Европе надо быть против отмены совершенных уже аннексий, за «воспитание рабочих масс угнетенных и угнетающих наций к солидарной борьбе». Если отмена аннексий – реакционная «сентиментальность», тогда *нельзя* аргументировать так, что аннексии роют «пропасть» между «пролетариатом» и создают «раскол» его, тогда надо, наоборот, видеть в аннексиях условие *сближения* пролетариата разных наций.

Мы говорим: для того, чтобы мы были в силах совершить социалистическую революцию и низвергнуть буржуазию, рабочие должны соединиться теснее и этому тесному соединению служит борьба за самоопределение, т. е. против аннексий. Мы остаемся последовательны. Польские же товарищи, признавая «неотменяемость» европейских аннексий, признавая «невозможность» национальных войн, побивают сами себя, когда спорят «против» аннексий именно доводами *от* национальных войн! Именно доводами такого рода, что аннексии *затрудняют* сближение и слияние рабочих разных наций!

Другими словами: чтобы возразить против аннексий, польским социал-демократам приходится брать доводы из такого теоретического багажа, который *они же* принципиально отвергают.

Еще и еще нагляднее это на вопросе о колониях.

6. Можно ли противопоставлять колонии «Европе» в данном вопросе?

В наших тезисах сказано, что требование немедленного освобождения колоний так же «неосуществимо» (т. е. неосуществимо без ряда революций и непрочно без социализма) при капитализме, как и самоопределение наций, выбор чиновников народом, демократическая республика и пр., – а с другой стороны, что требование освобождения колоний есть не что иное, как «признание самоопределения наций».

Польские товарищи не ответили ни на один из этих аргументов. Они попытались провести различие между «Европой» и колониями. Только для Европы они становятся последовательными аннексионистами, отказываясь отменять аннексии, раз они уже совершены. Для колоний же они провозглашают безусловное требование: «прочь из колоний!».

Русские социалисты должны требовать: «прочь из Туркестана, из Хивы, из Бухары и пр.», но они впадут, дескать, в «утопизм», «ненаучную» «сентиментальность» и проч., если такой же свободы отделения потребуют для Польши, Финляндии, Украины и пр. Английские социалисты должны требовать: «прочь из Африки, из Индии, из Австралии», но не из Ирландии. Какими теоретическими основаниями можно объяснить такое бьющее в глаза своей неверностью различие? Обойти этот вопрос нельзя.

Главная «база» противников самоопределения: «неосуществимость». Ту же мысль с небольшим оттенком выражает ссылка на «экономическую и политическую концентрацию».

Ясно, что концентрация происходит *и* посредством присоединения колоний. Экономическое различие между колониями и европейскими народами – по крайней мере, большин-

ством последних – состояло прежде в том, что колонии втягивались в обмен *товаров*, но еще не в капиталистическое *производство*. Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, вывоз *капитала*. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии. Вырвать их из зависимости от европейского финансового капитала нельзя. С военной точки зрения, как и с точки зрения экспансии (расширения), отделение колонии осуществимо, по общему правилу, лишь с социализмом, а при капитализме или в виде исключения или ценой ряда революций и восстаний как в колонии, так и в метрополии.

В Европе большей частью зависимые нации капиталистически развитее (хотя не все: албанцы, многие инородцы России), чем в колониях. Но именно это вызывает больший отпор национальному гнету и аннексиям! Именно в силу этого развитие капитализма *обеспеченнее* в Европе при всяких политических условиях, в том числе и при отделении, чем в колониях... «Там, – говорят польские товарищи про колонии (I, 4), – капитализму предстоит еще задача самостоятельного развития производительных сил...». В Европе это еще заметнее: капитализм в Польше, в Финляндии, Украине, Эльзасе, несомненно, развивает производительные силы и сильнее, и быстрее, и самостоятельнее, чем в Индии, в Туркестане, в Египте и других колониях чистейшего типа. Ни самостоятельное, ни вообще какое бы то ни было развитие в обществе товарного производства невозможно без капитала. В Европе у зависимых наций есть и *свой* капитал и легкая возможность на разнообразнейших условиях добыть его. В колониях *своего* капитала нет или почти нет, добывать его иначе как на условиях политического подчинения, в обстановке финансового капитала, колония не может. Что же значит, в силу всего этого, требование немедленно и безусловно освободить колонии? Не ясно ли, что оно гораздо «утопичнее» в том вульгарном, карикатурно-«марксистском» смысле слова: «утопия», в котором его употребляют гг. Струве, Ленчи, Куновы, а за ними, к сожалению, и польские товарищи? Под «утопизмом» здесь понимается собственно отступление от обывательски-обычного, в том числе все революционное. Но революционные движения *всех* видов – в том числе и национальные – в европейской обстановке возможнее, осуществимее, упорнее, сознательнее, труднее победимы, чем в колониях.

Социализм, – говорят польские товарищи (I, 3), – «сумеет дать неразвитым народам в колониях *бескорыстную культурную помощь, не господствуя над ними*». Совершенно справедливо. Но где же основания думать, что большая нация, большое государство, перейдя к социализму, не сумеет привлечь маленькой угнетенной нации в Европе посредством «бескорыстной культурной помощи»? Именно свобода отделения, которую польские социал-демократы «дают» колониям, и привлечет к союзу с большими социалистическими государствами малые, но культурные и политически-*требовательные*, угнетенные нации Европы, ибо крупное государство при социализме будет значить: столько-то часов работы в день *меньше*, на столько-то *заработка* в день больше. Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами *потянутся* к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями, ради этой «культурной помощи», лишь бы вчерашние угнетатели не оскорбляли высокоразвитого демократического чувства самоуважения долго угнетавшейся нации, лишь бы предоставили ей равенство во всем, в том числе и в государственном строительстве, в опыте построить «свое» государство. При капитализме этот «опыт» означает войны, обособление, замкнутость, узкий эгоизм привилегированных мелких наций (Голландия, Швейцария). При социализме трудящиеся массы сами не согласятся нигде на замкнутость по чисто экономическим, вышеуказанным мотивам, а разнообразие политических форм, свобода выхода из государства, опыт государственного строительства – все это будет, пока не отомрет всякое государство вообще, – основой богатой культурной жизни, залогом ускорения процесса добровольного сближения и слияния наций.

Выделяя колонии и противопоставляя их Европе, польские товарищи впадают в такое противоречие, которое сразу разрушает всю их ошибочную аргументацию.

7. Марксизм или прудонизм?

Нашу ссылку на отношение Маркса к отделению Ирландии польские товарищи парируют, в виде исключения, не косвенно, а прямо. В чем же состоит их возражение? Ссылки на позицию Маркса 1848–1871 гг. не имеют, по их мнению, «ни малейшей ценности». Это необыкновенно сердитое и решительное заявление мотивируется тем, что Маркс «одновременно» выступал против стремлений к независимости «чехов, южных славян и т. п.»^[23].

Мотивировка именно потому особенно сердита, что она особенно несостоятельна. У польских марксистов вышло, что Маркс был просто путаником, который «одновременно» говорил противоположные вещи! Это совсем не верно и это совсем не марксизм. Как раз требование «конкретного» анализа, которое польские товарищи выдвигают, *чтобы не применять его*, обязывает нас рассмотреть, не вытекало ли различное отношение Маркса к различным конкретным «национальным» движениям из *одного и того же* социалистического мировоззрения.

Как известно, Маркс стоял за независимость Польши с точки зрения интересов *европейской* демократии в ее борьбе против силы и влияния – можно сказать: против всеислия и преобладающего реакционного влияния – царизма. Правильность этой точки зрения получила самое наглядное и фактическое подтверждение в 1849 г., когда русское крепостное войско раздавило национально-освободительное и революционно-демократическое восстание в Венгрии. И с тех пор до смерти Маркса, даже позже, до 1890 года, когда грозила реакционная война царизма в союзе с Францией против *не империалистской*, а национально независимой Германии, Энгельс стоял прежде всего и больше всего за борьбу с царизмом. Поэтому и только поэтому Маркс и Энгельс были против национального движения чехов и южных славян. Простая справка с тем, что писали Маркс и Энгельс в 1848–1849 гг., покажет всякому, кто интересуется марксизмом не для того, чтобы отмахиваться от марксизма, что Маркс и Энгельс *противопологали* тогда прямо и определенно «целые реакционные народы», служащие «русскими форпостами» в Европе, «революционным народам»: немцам, полякам, мадьярам. Это факт. И этот факт был *тогда бесспорно* верно указан: в 1848 г. революционные народы бились за свободу, главным врагом которой был царизм, а чехи и т. п. действительно были реакционными народами, форпостами царизма.

Что же говорит нам этот конкретный пример, который надо разобрать *конкретно*, если хотеть быть верным марксизму? Только то, что 1) интересы освобождения нескольких крупных и крупнейших народов Европы стоят выше интересов освободительного движения мелких наций; 2) что требование демократии надо брать в общеевропейском – теперь следует сказать: мировом – масштабе, а не изолированно.

Ничего больше. Ни тени опровержения того элементарного социалистического принципа, который забывают поляки и которому *всегда* был верен Маркс: не может быть свободен народ, угнетающий другие народы^[24]. Если конкретная ситуация, перед которой стоял Маркс в эпоху преобладающего влияния царизма в международной политике, повторится, например, в такой форме, что несколько народов начнут социалистическую революцию (как в 1848 г. в Европе начали буржуазно-демократическую революцию), а *другие* народы окажутся главными столпами буржуазной реакции, – мы тоже должны быть за революционную войну с ними, за то, чтобы «раздавить» их, за то, чтобы разрушить все их форпосты, какие бы мелконациональные движения здесь ни выдвигались. Следовательно, вовсе не отбрасывать должны мы примеры тактики Маркса, – это значило бы на словах исповедовать марксизм, на деле рвать с ним – а из их конкретного анализа выводить неоченимые уроки для будущего.

Отдельные требования демократии, в том числе самоопределение, не абсолют, а *частичка* общедемократического (ныне: общесоциалистического) *мирового* движения. Возможно, что в отдельных конкретных случаях частичка противоречит общему, тогда надо отвергнуть ее. Возможно, что республиканское движение в одной из стран является лишь орудием клерикальной или финансово-монархической интриги других стран, – тогда мы должны *не* поддерживать это данное, конкретное движение, но было бы смешно на таком основании выбрасывать из программы международной социал-демократии лозунг республики,

Как именно изменилась конкретная ситуация с 1848–1871 по 1898–1916 гг. (беру крупнейшие вехи империализма, как периода: от испано-американской империалистской войны до европейской империалистской войны)? Царизм заведомо и бесспорно перестал быть главным оплотом реакции, во-1-х, вследствие поддержки его международным финансовым капиталом, особенно Франции, во-2-х, в силу 1905 года. Тогда система крупных национальных государств – демократий Европы – несла миру демократию и социализм вопреки царизму¹²^{143}. До империализма Маркс и Энгельс не дожили. Теперь сложилась система горстки (5–6 числом) «великих» империалистических держав, из коих каждая угнетает чужие нации, причем это угнетение является одним из источников искусственной задержки падения капитализма, искусственной поддержки оппортунизма и социал-шовинизма господствующих над миром империалистских наций. Тогда западноевропейская демократия, освобождающая крупнейшие нации, была против царизма, использующего в целях реакции отдельные маленькие национальные движения. Теперь *союз* царистского с передовым капиталистическим, европейским, империализмом, на базе всеобщего угнетения ими ряда наций, стоит против социалистического пролетариата, расколотого на шовинистский, «социал-империалистский», и на революционный.

Вот в чем конкретное изменение ситуации, как раз игнорируемое польскими социал-демократами, вопреки их обещанию быть конкретными! Отсюда конкретное изменение в *приложении* тех же социалистических принципов: *тогда* в первую голову «против царизма» (и против используемых *им* в антидемократическом направлении некоторых мелконациональных движений) за крупнонациональные, революционные, народы Запада. *Теперь* против единого, выравнявшегося, фронта империалистских держав, империалистской буржуазии, социал-империалистов, *за* использование в целях социалистической революции *всех* национальных движений против империализма. Чем *чище* теперь борьба пролетариата против общеимпериалистского фронта, тем насущнее, очевидно, интернационалистский принцип: «не может быть свободен народ, угнетающий чужие народы».

Прудонисты, *во имя* доктринерски-понятой социальной революции, игнорировали международную роль Польши и отмахивались от национальных движений. Совершенно так же доктринерски поступают польские социал-демократы, *разбивающие* интернациональный фронт борьбы с социал-империалистами, помогая (объективно) этим последним своими колебаниями по вопросу об аннексиях. Ибо именно интернациональный фронт пролетарской борьбы видоизменился в отношении конкретной позиции мелких наций: тогда (1848–1871) мелкие нации имели значение, как возможный союзник либо «западной демократии» и революционных народов, либо царизма; теперь (1898–1914) мелкие нации поте-

¹² Рязанов опубликовал в «Архиве по истории социализма» Грюнберга (1916, I) интереснейшую статью Энгельса 1866 г. по польскому вопросу. Энгельс подчеркивает необходимость для пролетариата признать политическую независимость и «самоопределение» (right to dispose of itself) крупных, великих наций Европы, отмечая нелепость «принципа национальностей» (особенно в его бонапартистском использовании), т. е. приравнивания любой мелкой нации к этим крупным. «Россия, – говорит Энгельс, – есть владелец громадного количества украденной собственности» (т. е. угнетенных наций), «которую ей придется отдать назад в день расчета»^{143}. И бонапартизм и царизм *используют* мелконациональные движения в свою выгоду, *против* европейской демократии.

^{143} Ф. Энгельс. «Какое дело рабочему классу до Польши?» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 16, стр. 160).

ряли такое значение; их значение ныне – один из питательных источников паразитизма и, следовательно, социал-империализма «великодержавных наций». Не то важно, освободятся ли до социалистической революции $1/50$ или $1/100$ мелких наций, а то важно, что пролетариат в империалистскую эпоху, в силу объективных причин, разделился на два международных лагеря, из коих один разврещен крохами, падающими со стола великодержавной буржуазии, – между прочим, и от двойной или тройной эксплуатации мелких наций, – а другой не может освободиться сам, не освобождая мелких наций, не воспитывая массы в антишовинистском, т. е. антианнексионистском, т. е. «самоопределенческом» духе.

Эту, самую главную, сторону дела игнорируют польские товарищи, смотрящие на вещи *не* с центральной в эпоху империализма позиции, не с точки зрения двух лагерей международного пролетариата.

Вот еще наглядные примеры их прудонизма: 1) отношение к ирландскому восстанию 1916 года, о чем речь ниже; 2) заявление в тезисах (II, 3, в конце § 3), что лозунг социалистической революции «не должен быть ничем прикрыт». Это как раз глубоко антимакистская идея, будто можно «прикрыть» лозунг социалистической революции, *связывая* его с последовательно-революционной позицией во всяком, в том числе и национальном вопросе.

Нашу программу польские социал-демократы находят «национально-реформистской». Сопоставьте два практических предложения: 1) за автономию (польские тезисы III, 4) и 2) за свободу отделения. Ведь этим и только этим отличаются наши программы! И не ясно ли, что реформистской является именно первая в отличие от второй? Реформистское изменение есть такое, которое не подрывает основ власти господствующего класса, будучи лишь уступкой его, при сохранении его господства. Революционное подрывает основу власти. Реформистское в национальной программе *не* отменяет *всех* привилегий господствующей нации, *не* создает полного равноправия, *не* устраняет *всякого* национального гнета. «Автономная» нация не равноправна с «державной» нацией; польские товарищи не могли бы не заметить этого, если бы не игнорировали упорно (точно наши старые «экономисты») анализа *политических* понятий и категорий. Автономная Норвегия пользовалась, как часть Швеции, до 1905 г. самой широкой автономией, но равноправна Швеции она не была. Лишь ее свободное отделение проявило *на деле* и доказало ее равноправие (причем – добавим в скобках – именно этот свободный отход создал базу для более тесного, более демократического сближения, основанного на равенстве прав). Пока Норвегия была только автономна, шведская аристократия имела *одну* лишнюю привилегию, и эта привилегия была не «ослаблена» (– сущность реформизма в *ослаблении* зла, а не уничтожении его), а отделением *устранена совершенно* (– основной признак революционного в программе).

Кстати сказать: автономия, как реформа, принципиально отлична от свободы отделения, как революционной меры. Это несомненно. Но реформа – всем известно – часто есть на практике лишь шаг к революции. Именно автономия позволяет нации, насильственно удерживаемой в границах данного государства, окончательно конституироваться как нация, собрать, узнать, организовать свои силы, выбрать вполне подходящий момент для *заявления...* в «норвежском» духе: мы, автономный сейм нации такой-то или края такого-то, объявляем, что император всероссийский перестал быть королем польским и т. п. На это «возражают» обычно: такие вопросы решаются войнами, а не декларациями. Справедливо: в громадном большинстве случаев войнами (как вопросы о форме правления крупных государств в громадном большинстве случаев решаются лишь войнами и революциями). Однако не мешает подумать, логично ли *подобное* «возражение» против политической программы революционной партии? Разве мы против войн и революций *за* справедливое и полезное для пролетариата, *за* демократию и *за* социализм?

«Но не можем же мы стоять за войну между великими народами, за избиение 20 миллионов людей ради проблематического освобождения маленькой нации, может быть, состоя-

щей из 10–20 миллионов населения!» Конечно, не можем. Но не потому, что мы выкидываем из своей программы полное национальное равенство, а потому, что интересы демократии *одной* страны надо подчинять интересам демократии *нескольких и всех* стран. Представим себе, что между двумя большими монархиями находится одна маленькая, королек которой родственными и иными узами «связан» с монархами обеих соседних стран. Представим себе далее, что провозглашение республики в маленькой стране, изгнание *ее* монарха, означало бы на практике войну между двумя соседними большими странами из-за восстановления того или иного монарха маленькой страны. Нет сомнения, что вся международная социал-демократия, как и действительно интернационалистская часть социал-демократии маленькой страны, *была бы против замены монархии республикой* в данном случае. Замена монархии республикой – не абсолют, а одно из демократических требований, подчиненное интересам демократии (и еще более, конечно, социалистического пролетариата) в целом. Наверное, такой случай не вызвал бы ни тени разногласий между социал-демократами любых стран. Но если бы на *этом* основании какой-либо социал-демократ предложил выкинуть из программы международной социал-демократии вообще лозунг республики, – его, наверное, сочли бы сумасшедшим. Ему сказали бы: нельзя все же забывать элементарное логическое отличие *особенного* от *общего*.

Этот пример подводит нас, несколько с другой стороны, к вопросу об *интернационалистском* воспитании рабочего класса. Может ли это воспитание – о необходимости и настоятельной важности которого немислимы разногласия в среде циммервальдских левых – быть *конкретно одинаково* в нациях больших и угнетающих и в нациях маленьких, угнетаемых? в нациях аннектирующих и нациях аннектируемых?

Очевидно, нет. Путь к одной цели: к полному равноправию, теснейшему сближению и дальнейшему *слиянию* всех наций идет здесь, очевидно, различными конкретными дорогами, – все равно, как путь, скажем, к точке, находящейся в середине данной страницы, идет налево от одного бокового края *ее* и направо от противоположного края. Если социал-демократ большой, угнетающей, аннектирующей нации, исповедуя вообще слияние наций, забудет хоть на минуту о том, что «его» Николай II, «его» Вильгельм, Георг, Пуанкаре и пр. *тоже за слияние* с мелкими нациями (путем аннексий) – Николай II за «слияние» с Галицией, Вильгельм II за «слияние» с Бельгией и пр., – то подобный социал-демократ окажется смешным доктринером в теории, пособником империализма на практике.

Центр тяжести интернационалистского воспитания рабочих в угнетающих странах неминуемо должен состоять в проповеди и отстаивании ими свободы отделения угнетенных стран. Без этого *нет* интернационализма. Мы вправе и обязаны третировать всякого социал-демократа угнетающей нации, который *не* ведет такой пропаганды, как империалиста и как негодяя. Это безусловное требование, хотя бы *случай* отделения был возможен и «осуществим» до социализма всего в 1 из 1000 случаев.

Мы обязаны воспитывать рабочих в «равнодушии» к национальным различиям. Это бесспорно. Но не в равнодушии *аннексионистов*. Член угнетающей нации должен быть «равнодушен» к вопросу о том, принадлежат ли маленькие нации *его* государству *или соседнему* или сами себе, смотря по их симпатиям: без такого «равнодушия» он *не* социал-демократ. Чтобы быть социал-демократом интернационалистом, надо думать *не* о своей только нации, а *выше ее* ставить интересы всех, их всеобщую свободу и равноправие. В «теории» все с этим согласны, но на практике проявляют как раз аннексионистское равнодушие. Здесь корень зла.

Наоборот. Социал-демократ маленькой нации должен центр тяжести своей агитации класть на *втором* слове нашей общей формулы: «добровольное *соединение*» наций. Он может, не нарушая своих обязанностей, как интернационалиста, быть *и* за политическую независимость своей нации, *и* за ее включение в соседнее государство X, Y, Z, и пр. Но во

всех случаях он должен бороться *против* мелконациональной узости, замкнутости, обособленности, за учет целого и всеобщего, за подчинение интересов частного интересам общего.

Люди, не вдумавшиеся в вопрос, находят «противоречивым», чтобы социал-демократы угнетающих наций настаивали на «свободе *отделения*», а социал-демократы угнетенных наций на «свободе *соединения*». Но небольшое размышление показывает, что *иного* пути к интернационализму и слиянию наций, иного пути к этой цели *от данного* положения нет и быть не может.

И здесь мы подошли к *особому* положению голландской и польской социал-демократии.

8. Особое и общее в позиции голландских и польских социал-демократов интернационалистов

Нет ни малейшего сомнения, что стоящие против самоопределения голландские и польские марксисты принадлежат к лучшим революционным и интернационалистским элементам международной социал-демократии. Как же это *может* быть, что их теоретические рассуждения представляют из себя, как мы видели, сплошную сеть ошибок? ни одного правильного общего рассуждения, ничего кроме «империалистского экономизма»!

Дело объясняется вовсе не особо дурными субъективными качествами голландско-польских товарищей, а *особыми* объективными условиями их стран. Обе страны 1) маленькие и беспомощные в современной «системе» великих держав; 2) обе географически расположены между наиболее остро соперничающими империалистскими хищниками гигантской силы (Англия и Германия; Германия и Россия); 3) в обеих страшно сильны воспоминания и традиции тех времен, когда обе были *сами* «великодержавными»: Голландия была более сильной, чем Англия, колониальной великой державой; Польша была более культурной и более сильной великой державой, чем Россия и Пруссия; 4) обе сохранили до сих пор привилегии, состоящие в угнетении чужих народов: голландский буржуа владеет богатейшей Голландской Индией; польский помещик угнетает украинского и белорусского «хлопа», польский буржуа – еврея и т. п.

Такого своеобразия, которое состоит в сочетании этих четырех особых условий, вы не найдете в положении Ирландии, Португалии (она была одно время аннексией Испании), Эльзаса, Норвегии, Финляндии, Украины, края латышского, белорусского и многих других. И вот в этом-то своеобразии *вся суть* дела! Когда голландские и польские социал-демократы рассуждают против самоопределения, при помощи аргументов *общих*, т. е. касающихся империализма вообще, социализма вообще, демократии вообще, национального гнета вообще, у них, поистине можно сказать, ошибка на ошибке едет и ошибкой погоняет. Но стоит только отбросить эту явно ошибочную *оболочку* общих аргументов и посмотреть на *суть* дела с точки зрения своеобразия *особых* условий Голландии и Польши, как становится *понятной* и вполне законной их своеобразная позиция. Можно сказать, не боясь впасть в парадокс, что когда голландские и польские марксисты с пеной у рта восстают против самоопределения, они не совсем то говорят, что хотят сказать, или иначе: они хотят сказать не совсем то, что они говорят^{13{144}}.

¹³ Напомним, что в своей циммервальдской декларации *все* польские социал-демократы *признали* самоопределение *вообще*, только в чуточку иной формулировке^{144}.

^{144} Имеется в виду «Декларация» польских социал-демократов на международной социалистической конференции в Циммервальде (1915). В этой «Декларации» выражался протест против угнетательской политики царского самодержавия, немецкого и австрийского правительств, которые, «лишая польский народ возможности самому решить свою судьбу, рассматривают польские области как залог в предстоящей игре компенсациями»... «В этом, – говорилось в «Декларации», – с особенной грубостью проявляется сущность политики капиталистических правительств, которые, посылая народные

Один пример приведен уже нами в наших тезисах¹⁴. Гортер против самоопределения *своей* страны, но *за* самоопределение угнетенной «его» нацией Голландской Индии! Удивительно ли, что мы видим в нем более искреннего интернационалиста и более близкого к нам единомышленника, чем в людях, которые *так* признают самоопределение – так словесно, так лицемерно признают самоопределение, как Каутский у немцев, Троцкий и Мартов у нас? Из общих и коренных принципов марксизма безусловно вытекает долг бороться за свободу отделения наций, угнетаемых «моей собственной» нацией, но вовсе не вытекает необходимость ставить во главу угла независимость именно Голландии, которая страдает всего более от узкой, заскорузлой, корыстной и отупляющей замкнутости: пусть весь свет горит, наша хата с краю, «мы» довольны нашей старой добычей и ее богачейшим «остаточком», Индией, больше «нам» ни до чего дела нет!

Другой пример. Карл Радек, польский социал-демократ, который снискал себе особенно большую заслугу своей решительной борьбой за интернационализм в германской социал-демократии после начала войны, в статье «Право наций на самоопределение» («Lichtstrahlen»^[25] – запрещенный прусской цензурой, леворадикальный ежемесячник, редактируемый Ю. Борхардтом – 1915, 5 декабря, III год, номер 3) восстает яро против самоопределения, приводя, между прочим, *только* голландские и польские авторитеты в свою пользу, и выдвигая в числе других такой аргумент: самоопределение питает ту мысль, «будто обязанностью социал-демократии является поддержка всякой борьбы за независимость».

С точки зрения *общей* теории этот аргумент прямо возмутителен, ибо он явно нелогичен: во-1-х, ни единого частного требования демократии нет и быть не может, которое бы не порождало злоупотреблений, если не подчинять частное общему; мы не обязаны поддерживать ни «всякой» борьбы за независимость, ни «всякое» республиканское или антипоповское движение. Во-2-х, нет и быть не может *ни одной* формулировки борьбы против национального гнета, которая не страдала бы *тем же* «недостатком». Сам Радек в «Berliner Tagwacht» употребил формулу (1915, номер 253): «против старых и новых аннексий». Любой польский националист законно «выведет» из этой формулы: «Польша есть аннексия, я против аннексии, *т. е.* я за независимость Польши». Или Роза Люксембург, помнится, в статье 1908 г.^[26], высказала мнение, что достаточно формулы: «против национального угнетения». Но любой польский националист скажет – *и с полным правом* – что аннексия есть *один* из видов национального угнетения, а, следовательно, и т. д.

Возьмите, однако, вместо этих общих доводов, *особые* условия Польши: ее независимость *теперь* «неосуществима» без войн или революций. Быть за войну общеевропейскую ради одного только восстановления Польши – это значит быть националистом худшей марки, ставить интересы небольшого числа поляков выше интересов сотен миллионов людей, страдающих от войны. А ведь именно таковы, например, «фраки» (ППС-правица)^[27], которые социалисты только на словах и против которых тысячу раз правы польские социал-демократы. Ставить лозунг независимости Польши *теперь*, в обстановке *данного* соотношения империалистских *соседних* держав, значит действительно гоняться за утопией, впадать в узкий национализм, забывать предпосылку общеевропейской или, по крайней мере, русской и немецкой революции. Точно так же ставить, как самостоятельный лозунг, лозунг свободы коалиций в России 1908–1914 гг., значило гоняться за утопией, объективно помогая столыпинской рабочей партии (ныне потресовско-гвоздевской, что, впрочем, одно и то же).

массы на убой, вместе с тем самовластно определяют судьбы народов на целые поколения». Польская социал-демократия высказывала убеждение, что только участие в надвигающейся борьбе революционного международного пролетариата за социализм, «в борьбе, которая разорвет оковы национального угнетения и уничтожит всякие формы чужестранного владычества, обеспечит и польскому народу возможность всестороннего развития в качестве равноправного члена в союзе народов». Об этой декларации см. также настоящий том, стр. 369.

¹⁴ См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 260. *Ред.*

Но было бы сумасшествием удалять вообще требование свободы коалиции из программы социал-демократии и, пожалуй, самый важный пример. В польских тезисах (III, § 2 в конце) мы читаем против идеи независимого польского государства-буфера, что это «пустая утопия маленьких, бессильных групп. Будучи осуществлена, эта идея означала бы создание маленького польского обломка-государства, которое было бы военной колонией той или другой группы великих держав, игрушкой их военных и экономических интересов, областью эксплуатации чужого капитала, полем битвы в будущих войнах». Все это очень *верно против* лозунга независимости Польши *теперь*, ибо даже революция в одной Польше ничего бы тут не изменила, а внимание польских масс отвлечено было бы от *главного*: от связи их борьбы с борьбой русского и немецкого пролетариата. Это не парадокс, а факт, что польский пролетариат, как таковой, может помочь теперь делу социализма и свободы, *в том числе и польской*, лишь борьбой *совместно* с пролетариями соседних стран, против *узкопольских* националистов. Невозможно отрицать исторически-крупной заслуги польских социал-демократов в борьбе против этих последних.

Но те же самые аргументы, верные с точки зрения *особых* условий Польши в *данную* эпоху, явно неверны в той *общей* форме, которая им придана. Полем битв в войнах между Германией и Россией Польша останется всегда, пока будут войны, это не довод против большей политической свободы (и, следовательно, политической независимости) в периоды между войнами. То же относится и к соображению об эксплуатации чужим капиталом, о роли игрушки чужих интересов. Польские социал-демократы не могут ставить теперь лозунга независимости Польши, ибо как пролетарии-интернационалисты поляки *ничего* сделать для этого не могут, не впадая, подобно «фракам», в низкое прислужничество *одной* из империалистских монархий. Но русским и немецким рабочим *не* безразлично, будут ли они участниками аннексии Польши (это означает воспитание немецких и русских рабочих и крестьян в духе самого подлого хамства, примирения с ролью палача чужих народов) или Польша будет независима.

Положение безусловно очень запутанное, но из него есть выход, при котором *все* участники остались бы интернационалистами: русские и немецкие социал-демократы, требуя безусловной «свободы отделения» Польши; польские социал-демократы, борясь за единство пролетарской борьбы в маленькой и в больших странах без выставления для данной эпохи или для данного периода лозунга независимости Польши.

9. Письмо Энгельса к Каутскому

В своей брошюре «Социализм и колониальная политика» (Берлин, 1907) Каутский, тогда еще бывший марксистом, опубликовал письмо к нему Энгельса от 12 сентября 1882 г., представляющее громадный интерес по интересующему нас вопросу; вот главная часть этого письма:

«...По моему мнению, собственно колонии, т. е. земли, занятые европейским населением, Канада, Кап, Австралия, все станут самостоятельными; напротив, только подчиненные земли, занятые туземцами, Индия, Алжир, голландские, португальские, испанские владения пролетариату придется на время перенять и как можно быстрее привести к самостоятельности. Как именно развернется этот процесс, сказать трудно. Индия, может быть, сделает революцию, даже вероятно, и так как освобождающийся пролетариат не может вести колониальных войн, то с этим придется помириться, причем, разумеется, дело не обойдется без всяческого разрушения. Но подобные вещи неотделимы от всех революций. То же самое может разыграться и в других еще местах, например, в Алжире и в Египте, и *для нас* это было бы, несомненно, самое лучшее. У нас будет довольно работы у себя дома. Раз только реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу

и такой пример, что полудивилизованные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы. Одно лишь несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы. Разумеется, этим не исключаются никоим образом оборонительные войны различного рода...»^[28]

Энгельс вовсе не полагает, чтобы «экономическое» само собою и непосредственно уладило все трудности. Экономический переворот побудит *все* народы *потянуться* к социализму, но при этом возможны и революции – против социалистического государства – и войны. Приспособление политики к экономике произойдет неизбежно, но не сразу и не гладко, не просто, не непосредственно. Как «несомненное» Энгельс выставляет лишь один, безусловно интернационалистский, принцип, который он применяет ко *всем* «чужим народам», т. е. не только к колониальным: навязывать им осчастливление значило бы подрывать победу пролетариата.

Пролетариат не делается святым и застрахованным от ошибок и слабостей только от того, что он совершит социальную революцию. Но возможные ошибки (и корыстные интересы – попытаться усесться на чужой спине) приведут его неизбежно к сознанию этой истины.

Мы все, циммервальдские левые, убеждены в том, в чем был убежден, например, и Каутский до своего поворота в 1914 г. от марксизма к защите шовинизма, именно, что социалистическая революция вполне возможна *в самом близком будущем*, «с сегодня на завтра», как однажды выразился тот же Каутский. Национальные антипатии так быстро не исчезнут; ненависть – и вполне законная – у нации угнетаемой к угнетающей *останется* на время; она испарится лишь *после* победы социализма и *после* окончательного установления вполне демократического отношения между нациями. Если мы хотим быть верны социализму, мы должны уже теперь вести интернационалистское воспитание масс, невозможное в угнетающих нациях без проповеди свободы отделения для угнетенных наций.

10. Ирландское восстание 1916 года

Наши тезисы писаны до этого восстания, которое должно послужить материалом для проверки теоретических взглядов.

Взгляды противников самоопределения ведут к тому выводу, что жизненность мелких наций, угнетенных империализмом, уже исчерпана, никакой роли против империализма сыграть они не могут, поддержка их чисто национальных стремлений ни к чему не поведет и т. п. Опыт империалистской войны 1914–1916 гг. дает *фактическое* опровержение подобных выводов.

Война явилась эпохой кризиса для западноевропейских наций, для всего империализма. Всякий кризис отбрасывает условное, срывает внешние оболочки, отменяет отжившее, вскрывает более глубокие пружины и силы. Что же вскрыл он с точки зрения движения угнетенных наций? В колониях ряд попыток восстания, которые, конечно, угнетающие нации при содействии военной цензуры всячески старались скрыть. Известно тем не менее, что англичане зверски расправлялись в Сингапуре с восстанием своих индийских войск; что были попытки восстания в французском Аннаме (см. «Наше Слово»^[29]) и в немецком Камеруне (см. брошюру Юниуса¹⁵); что в Европе, с одной стороны, восстала Ирландия, которую казнями усмиряли «свободолюбивые» англичане, не посмевающие привлечь ирландцев к все-

¹⁵ См. настоящий том, стр. 9–10. *Ред.*

общей воинской повинности; а, с другой стороны, австрийское правительство осуждало на казнь депутатов чешского сейма «за измену» и расстреливало за то же «преступление» целые чешские полки.

Разумеется, этот перечень далеко и далеко не полон. И все же он доказывает, что огоньки национальных восстаний *в связи* с кризисом империализма вспыхивали *и* в колониях *и* в Европе, что национальные симпатии и антипатии проявили себя вопреки драконовским угрозам и мерам репрессии. А ведь кризис империализма был далек еще от высшей точки своего развития: могущество империалистской буржуазии было еще не подорвано (война «до истощения» может довести до этого, но еще не довела); пролетарские движения внутри империалистских держав совсем еще слабы. Что же будет тогда, когда война доведет до полного истощения или когда хотя бы в одной державе под ударами пролетарской борьбы власть буржуазии закачается так, как власть царизма в 1905 году?

В газете «*Berner Tagwacht*», органе циммервальдистов вплоть до некоторых левых, появилась 9 мая 1916 г. по поводу ирландского восстания статья за инициалами К. Р. под заглавием: «Песня спета». Ирландское восстание объявлялось, ни много ни мало, «путчем», ибо-де «ирландский вопрос был аграрный вопрос», крестьяне были успокоены реформами, националистическое движение теперь было «чисто городским, мелкобуржуазным движением, за которым, несмотря на большой шум, который оно производило, социально стояло не многое».

Неудивительно, что эта чудовищная по своему доктринерству и педантству оценка совпала с оценкой русского национал-либерала, кадета г. А. Кулишера («Речь»^[30] 1916, номер 102, 15 апреля), который тоже обозвал восстание «дублинским путчем».

Позволительно надеяться, что по пословице «нет худа без добра» многим товарищам, не понимавшим того, в какое болото скатываются они, отрицая «самоопределение» и пренебрежительно относясь к национальным движениям мелких наций, откроются глаза теперь под влиянием этого «случайного» совпадения оценки представителя империалистской буржуазии с оценкой социал-демократа!!

О «путче», в научном смысле слова, говорить можно только тогда, когда попытка восстания ничего кроме кружка заговорщиков или нелепых маньяков не обнаружила, никаких симпатий в массах не вызвала. Ирландское национальное движение, имея за собой века, проходя через различные этапы и сочетания классовых интересов, выразилось, между прочим, в массовом ирландском национальном конгрессе в Америке («*Vorwärts*», 20. III. 1916), высказавшемся за независимость Ирландии, – выразилось в уличных битвах части городской мелкой буржуазии *и части рабочих*, после долговременной массовой агитации, демонстраций, запрещения газет и т. п. Кто называет *такое* восстание путчем, тот либо злейший реакционер, либо доктринер, безнадежно неспособный представить себе социальную революцию как живое явление.

Ибо думать, что *мыслима* социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее пред-рассудками*, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, – думать так значит *отрекаться от социальной революции*. Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: «мы за социализм», а в другом другое и скажет: «мы за империализм» и это будет социальная революция! Только с подобной педантски-смешной точки зрения мыслимо было обругать ирландское восстание «путчем».

Кто ждет «чистой» социальной революции, тот *никогда* ее не дождет. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции.

Русская революция 1905 г. была буржуазно-демократической. Она состояла из ряда битв *всех* недовольных классов, групп, элементов населения. Из них были массы с самыми

дикими предрассудками, с самыми неясными и фантастическими целями борьбы, были группки, бравшие японские деньги, были спекулянты и авантюристы и т. д. *Объективно*, движение масс ломало царизм и расчищало дорогу для демократии, поэтому сознательные рабочие руководили им.

Социалистическая революция в Европе *не может быть* ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней – без такого участия *не возможна массовая* борьба, не возможна *никакая* революция – и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но *объективно* они будут нападать на *капитал*, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне-раздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелкобуржуазных шлаков.

Социал-демократия – читаем в польских тезисах (I, 4) – «должна использовать направленную против европейского империализма борьбу молодой колониальной буржуазии *для обострения революционного кризиса в Европе*». (Курсив авторов.)

Не ясно ли, что в *этом* отношении противопоставить Европу колониям всего менее позволительно? Борьба угнетенных наций *в Европе*, способная доходить до восстаний и уличных сражений, до нарушения железной дисциплины войска и осадного положения, эта борьба неизмеримо сильнее «обострит революционный кризис в Европе», чем гораздо более развившееся восстание в отдаленной колонии. Удар одинаковой силы, нанесенный власти английской империалистской буржуазии восстанием в Ирландии, имеет во сто раз большее политическое значение, чем в Азии или в Африке.

Недавно французская шовинистская пресса сообщила, что в Бельгии вышел 80-ый номер нелегального журнала «Свободная Бельгия». Конечно, шовинистская пресса Франции лжет очень часто, но это сообщение похоже на правду. В то время, как шовинистская и каутскианская немецкая социал-демократия за два года войны не создала себе свободной печати, холопски снося иго военной цензуры (только леворадикальные элементы издавали, к чести их, брошюры и прокламации без цензуры), – в это время угнетенная культурная нация на неслыханные свирепства военного угнетения отвечает созданием органа революционного протеста! Диалектика истории такова, что мелкие нации, бессильные, как *самостоятельный* фактор в борьбе с империализмом, играют роль как один из ферментов, одна из бацилл, помогающих выступлению на сцену *настоящей* силы против империализма, именно: социалистического пролетариата.

Генеральные штабы в теперешней войне тщательно стараются использовать всяческое национальное и революционное движение в лагере их противников, немцы – ирландское восстание, французы – чешское движение и т. п. И с своей точки зрения они поступают вполне правильно. Нельзя серьезно относиться к серьезной войне, не используя малейшей слабости противника, не ловя всякого шанса, тем более, что нельзя знать наперед, в какой именно момент и с какой именно силой «взорвет» здесь или там тот или иной склад пороха. Мы были бы очень плохими революционерами, если бы в великой освободительной войне пролетариата за социализм не сумели использовать *всякого* народного движения против *отдельных* бедствий империализма в интересах обострения и расширения кризиса. Если бы мы стали, с одной стороны, заявлять и повторять на тысячи ладов, что мы «против» всякого национального гнета, а с другой стороны, называть «путчем» геройское восстание наиболее подвижной и интеллигентной части некоторых классов угнетенной нации против угнетателей, – мы низвели бы себя до уровня столь же тупого, как каутскианцы.

Несчастье ирландцев в том, что они восстали несвоевременно, – когда европейское восстание пролетариата *еще* не созрело. Капитализм не устроен так гармонично, чтобы различные источники восстания сами собой сливались сразу, без неудач и поражений. Наоборот, именно разновременность, разнородность, разноместность восстаний ручается за широту и глубину общего движения; только в опыте революционных движений несвоевременных, частных, раздробленных и потому неудачных, массы приобретут опыт, научатся, соберут силы, увидят своих настоящих вождей, социалистических пролетариев и подготовят тем общий натиск, как отдельные стачки, демонстрации городские и национальные, вспышки в войске, взрывы в крестьянстве и т. д. подготовили общий натиск в 1905 году.

11. Заключение

Требование самоопределения наций играло, вопреки неверному утверждению польских социал-демократов, не меньшую роль в нашей партийной агитации, чем, например, вооружение народа, отделение церкви от государства, выбор чиновников народом и другие так называемые обывателями «утопические» пункты. Наоборот, оживление национальных движений после 1905 г. вызвало, естественно, оживление и нашей агитации: ряд статей в 1912–1913 гг., резолюцию нашей партии 1913 г., давшую точное и «антикаутскианское» (т. е. непримиримое по отношению к чисто словесному «признанию») определение *сути* дела¹⁶.

Уже тогда обнаружился факт, обходить который непозволительно: оппортунисты разных наций, украинец Юркевич, бундовец Либман, российский прислужник Потресова и К^о – Семковский выступили *за* доводы Розы Люксембург *против* самоопределения! То, что у польской социал-демократки было только неправильным теоретическим обобщением *особых* условий движения в Польше, то оказалось сразу на деле, в более широкой обстановке, в условиях не маленького государства, а большого, в масштабе интернациональном, а не узкопольском, оказалось *объективно* оппортунистической поддержкой великорусского империализма. История *течений* политической мысли (в отличие от взглядов лиц) подтвердила правильность нашей программы.

И теперь откровенные социал-империалисты, вроде Ленча, прямо восстают и против самоопределения и против отрицания аннексий. А каутскианцы лицемерно признают самоопределение – у нас в России по этому пути идут Троцкий и Мартов. На словах *оба* за самоопределение, как и Каутский. А на деле? У Троцкого – возьмите его статьи «Нация и хозяйство» в «Нашем Слове» – видим обычный его эклектицизм: с одной стороны, хозяйство сливается нации, с другой стороны, национальный гнет разъединяет. Вывод? Вывод тот, что царящее лицемерие остается неразоблаченным, агитация безжизненной, не затрагивающей главного, коренного, существенного, близкого к практике: отношения к нации, угнетаемой «моей» нацией. Мартов и другие заграничные секретари предпочли просто забыть – выгодная забывчивость! – борьбу их коллеги и сочлена, Семковского, против самоопределения. В легальной печати гвоздевцев («Наш Голос»^[31]) Мартов писал *за* самоопределение, доказывая ту бесспорную истину, что в империалистской войне оно *еще* не обязывает к участию и пр., но обходя главное – он обходит это и в нелегальной, свободной печати! – именно, что Россия *и во время мира* побилла всемирный рекорд угнетения наций на основе империализма, гораздо более грубого, средневекового, экономически отсталого, военно-бюрократического. Русский социал-демократ, который «признает» самоопределение наций приблизительно так, как признают его гг. Плеханов, Потресов и К^о, т. е. не борясь за свободу отделения угнетенных царизмом наций, *на деле* есть империалист и лакей царизма.

¹⁶ См. Сочинения, 5 изд., том 24, стр. 57–59. *Ред.*

Каковы бы ни были субъективные «благие» намерения Троцкого и Мартова, объективно они своей уклончивостью поддерживают русский социал-империализм. Империалистская эпоха превратила все «великие» державы в угнетателей ряда наций, и развитие империализма неминуемо приведет к более отчетливому делению течений по этому вопросу и в международной социал-демократии.

Написано в июле 1916 г.

*Напечатано в октябре 1916 г. в «Сборнике «Социал-Демократа»» № 1 Подпись: **Н.***

Ленин

Печатается по тексту «Сборника»

О рождающемся направлении «империалистического экономизма»^[32]

Старый «экономизм», 1894–1902 годов, рассуждал так. Народники опровергнуты. Капитализм в России победил. Значит, о политических революциях думать не приходится. Практический вывод: либо «рабочим экономическая, либералам политическая борьба». Это – курбет вправо. Либо – вместо политической революции всеобщая стачка для социалистического переворота. Это – курбет влево, представленный одною, ныне забытой, брошюрой русского «экономиста» конца 90-х годов^[33].

Теперь рождается новый «экономизм», рассуждающий с аналогичными двумя курбетами: «вправо» – мы против «права самоопределения» (т. е. против освобождения угнетенных народов, против борьбы с аннексиями, – это еще не додумано или не договорено). «Влево» – мы против программы-минимум (т. е. против борьбы за реформы и за демократию), ибо это «противоречит» социалистической революции.

Прошел уже год с лишним с тех пор, как это рождающееся направление обнаружилось перед несколькими товарищами, именно на бернском совещании весной 1915 года. Тогда, к счастью, лишь один товарищ, встретивший *всеобщее* неодобрение, настаивал до конца совещания на этих идеях «империалистического экономизма» и формулировал их письменно в виде особых «тезисов». *Никто* к этим тезисам не присоединился^[34].

Затем к тезисам того же товарища против самоопределения присоединилось еще двое (не сознавая неразрывной связи этого вопроса с общей позицией только что названных «тезисов»)^[35]. А появление «голландской программы» в феврале 1916 г., напечатанной в № 3 «Бюллетеня Интернациональной Социалистической Комиссии»^[36], *сразу* обнаружило это «недоразумение» и *вновь* побудило автора первоначальных «тезисов» *воскресить* весь свой «империалистический экономизм» уже опять в целом, а не в применении к одному якобы «частному» пункту.

Является безусловная необходимость еще и еще раз *предупредить* соответствующих товарищей, что они *залезли в болото*, что их «идеи» *ничего общего ни с марксизмом, ни с революционной социал-демократией не имеют*. Оставлять дальше дело «под спудом» непозволительно: это значит помогать идейной путанице и направлять ее в *наихудшую сторону* недоговоренностей, «частных» конфликтов, неизбывных «трений» и т. д. Напротив, наш долг настаивать самым безусловным и самым категорическим образом на *обязательности* обдумать и разобрать окончательно выдвинувшиеся вопросы.

Редакция «Социал-Демократа» в тезисах о самоопределении (по-немецки напечатаны, как оттиск из № 2 «Vorboten») нарочно вынесла дело в печать *в безличной*, но наиболее обстоятельной форме, подчеркивая особенно *связь* вопроса о самоопределении с *общим* вопросом о борьбе за реформы, за демократию, о непозволительности игнорировать *политическую* сторону и т. д.¹⁷ В своих замечаниях на тезисы редакции о самоопределении автор первоначальных тезисов («империалистического экономизма») *солидаризируется с голландской программой* и этим особенно наглядно показывает сам, что вопрос о самоопределении вовсе не «частный», в его постановке авторами рождающегося направления, а общий и основной вопрос.

Программа голландцев получена была представителями Циммервальдской левой 5–8. II. 1916 на бернском заседании Интернациональной социалистической комиссии^[37]. Ни один из членов этой левой, *не исключая и Радека*, за эту программу *не* высказался, ибо она соеди-

¹⁷ См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 252–266. *Ред.*

няет, в беспорядке, такие пункты, как «экспроприацию банков», и такие, как «отмена торговых пошлин», «уничтожение первой палаты сената» и т. п. Все представители Циммервальдской левой единодушно, с полуслова, – даже почти без слов, а только пожав плечами, – прошли мимо голландской программы, как явно неудачной в целом.

Автору же первоначальных, весной 1915 г. писанных, тезисов эта программа так понравилась, что он заявил: «я по существу ничего большего и не говорил» (весной 1915 г.), «голландцы **додумались**»: «у них экономическая сторона – экспроприация банков и крупных производств» (предприятий), *аполитическая – республика и проч. Совершенно правильно!*».

На самом деле, голландцы не «додумались», а дали весьма **непродуманную** программу. Печальная судьба России, что у нас иные люди как раз за непродуманное в самой новой новинке и хватаются...

Автору тезисов 1915 года кажется, что редакция «Социал-Демократа» впала в противоречие, когда «сама» выставила «экспроприацию банков» и даже с добавлением слова «немедленно» (плюс «диктаторские меры») в § 8 («Конкретные задачи»). «А как в Берне меня за это же ругали!» – восклицает, в негодовании, автор тезисов 1915 г., вспоминая бернские споры весной 1915 года.

«Мелочь» забыл и не досмотрел этот автор: редакция «Социал-Демократа» в § 8 ясно разбирает **два** случая: I – социалистическая революция **началась**. Тогда, говорится там, «немедленная экспроприация банков» и пр. II случай: социалистическая революция *не* начинается и тогда приходится подождать говорить об этих хороших вещах.

Так как **сейчас** социалистическая революция в указанном смысле, заведомо, еще не началась, то программа голландцев и несутразна. А автор тезисов *углубляет* дело, возвращаясь («кажинный раз на эфтом самом месте»...) к своей старой ошибке: превратить политические требования (вроде «уничтожения первой палаты»?) в **«политическую формулировку социальной революции»**.

Потоптавшись целый год на одном месте, автор пришел к своей старой ошибке. Здесь «гвоздь» его злключения: он не может разобраться в вопросе, *как связать наступивший империализм с борьбой за реформы и с борьбой за демократию* – совершенно так же, как «экономизм» блаженной памяти не умел связать наступивший капитализм с борьбой за демократию.

Отсюда – полнейшая путаница в вопросе о «неосуществимости» демократических требований при империализме.

Отсюда – непозволительное для марксиста (и уместное лишь в устах «экономиста» рабочемысленца) игнорирование политической борьбы теперь, сейчас, тотчас же, как и всегда.

Отсюда – упорное свойство «сбиваться» с признания империализма на *апологию* империализма (как «экономисты» блаженной памяти сбивались с признания капитализма на апологию капитализма).

И т. д. и т. д.

Разбирать во всей детальности ошибки автора тезисов 1915 г. в его замечаниях на тезисы редакции «Социал-Демократа» о самоопределении нет никакой возможности, ибо *неверна каждая фраза!* Нельзя же писать брошюры или книги в ответ на «замечания», если инициаторы «империалистического экономизма» год топчутся на одном месте и упорно не хотят позаботиться о том, о чем прямой их партийный долг позаботиться, если они хотят серьезно относиться к политическим вопросам, именно: об обдуманном, целостном изложении того, что они называют «нашими разногласиями».

Я вынужден ограничиться краткими указаниями на то, как применяет автор свою основную ошибку или как «дополняет» ее.

Автору кажется, что я противоречу себе: в 1914 г. («Просвещение»^[38]) писал, что нелепо искать самоопределения «в **программах западноевропейских социалистов**»¹⁸, а в 1916 г. объявляю самоопределение особенно насущным.

Автор не подумал (!), что «программы» эти писаны в 1875, 1880, 1891 годах!^[39]

Дальше по §§ (тезисов редакции «Социал-Демократа» о самоопределении):

§ 1. То же «экономистское» нежелание видеть и ставить *политические* вопросы. *Так как социализм создаст экономическую базу для уничтожения национального гнета в политике, поэтому наш автор не желает формулировать наших политических задач в этой области! Это просто курьез!*

Так как победоносный пролетариат не отрицает войн с буржуазией других стран, *поэтому* автор не желает формулировать наших политических задач в области национального гнета!! Все – примеры сплошных нарушений марксизма и логики; или, если хотите, проявление *логики* основных ошибок «империалистского экономизма».

§ 2. Противники самоопределения запутались безбожно с ссылками на «неосуществимость».

Редакция «Социал-Демократа» разъясняет им *два* возможных значения неосуществимости и их ошибку в *обоих* случаях.

Автор же тезисов 1915 г., даже и не пытаясь дать *свое* понимание «неосуществимости», т. е. *принимая* наше разъяснение, что здесь спутываются две разные вещи, *продолжает эту путаницу II*

Кризисы он связывает с «империалистской» «политикой»: наш политико-эконом *забыл*, что кризисы были *до* империализма!..

Говорить об экономической неосуществимости самоопределения значит путать – разъясняет редакция. Автор *не* отвечает, *не* заявляет, что он считает самоопределение *экономически* неосуществимым; он сдает спорную позицию, перепрыгивая на политику («все же» неосуществимо), хотя ему яснее ясного сказано, что *политически* и республика совершенно так же «неосуществима» при империализме, как самоопределение.

Прижатый здесь, автор «прыгает» еще раз: он и республику и всю программу-минимум признает лишь как «политическую формулировку социальной революции»!!!

«Экономическую» неосуществимость самоопределения автор отказывается защищать, перепрыгивая на политику. Политическую неосуществимость он переносит на вопрос о всей программе-минимум. Тут опять ни грана марксизма, ни грана логики, кроме *логики империалистического экономизма*».

Автор хочет *незаметно* (не подумав сам и не дав ничего цельного, не трудясь над выработкой своей программы) выкинуть программу-минимум социал-демократической партии! Неудивительно, что он год топчется на месте!!

Вопрос о борьбе с *каутскианством* есть опять-таки не частный, а *общий* и *основной* вопрос современности: автор этой борьбы *не понял*. Как «экономисты» борьбу с народниками превращали в апологию капитализма, так автор борьбу с каутскианством превращает в апологию империализма (это и к § 3 относится).

Ошибка каутскианства в том, что оно реформистски ставит такие требования и в такой момент, которые нельзя ставить иначе как революционно (а автор сбивается на то, будто ошибка каутскианства есть вообще выставление этих требований, как «экономисты» борьбу с народничеством «понимали» в том смысле, что «долой самодержавие» есть народничество).

¹⁸ См. Сочинения, 5 изд., том 25, стр. 269. *Ред.*

Ошибка каутскианства в том, что оно *правильные* демократические требования оборачивает назад, к мирному капитализму, а не вперед, к социальной революции (а автор сбивается на то, что эти требования неправильны).

§ 3. См. выше. Вопрос о «федерации» автор *тоже* обходит. Та же основная ошибка того же «экономизма»: неумение ставить *политические* вопросы¹⁹.

§ 4. «Из самоопределения вытекает защита отечества», – упорно твердит автор. Его ошибка здесь в том, что он хочет отрицание защиты отечества превратить в *шаблон*, вывести *не* из конкретно-исторической особенности *данной* войны, а «вобче». Это не марксизм.

Автору давно уже сказано, и он не опроверг этого: попробуйте придумать такую формулировку борьбы с национальным гнетом или неравноправием, которая бы (формулировка) *не* оправдывала «защиты отечества». Вы этого сделать не сможете.

Значит ли это, что мы против борьбы с национальным гнетом, если из него *можно* вывести защиту отечества?

Нет. Ибо мы не «вообще» против «защиты отечества» (см. резолюции нашей партии²⁰), а против *прикрашивания* этим обманым лозунгом *данной империалистской* войны.

Автор *в корне* неверно, *неисторически, хочет* (но не может; у него и тут за целый год только потуги...) поставить вопрос о «защите отечества».

Речи о «дуализме» показывают, что автор *не понимает*, что такое монизм и что такое дуализм.

Если я «объединю» сапожную щетку и млекопитающее, будет ли это «монизм»?

Если я скажу, что к цели *a* надо

$v \rightarrow a \leftarrow b$

идти от пункта *v* налево, а от пункта *b* направо, будет ли это «дуализм»?

Одинаково ли положение пролетариата угнетающих и угнетенных наций в отношении к национальному гнету? Нет, неодинаково, неодинаково и *экономически* и *политически*, и *идейно, духовно и т. п.*

Значит?

Значит, к *одной* цели (слияние наций) из *разных* исходных пунктов одни пойдут *так*, другие *иначе*. Отрицание этого есть «монизм», объединяющий сапожную щетку с млекопитающим.

«Пролетариям угнетенной нации говорить этого» (за самоопределение) «*не полагаются*» – так «понял» автор тезисы редакции.

Это курьез!! *Ничего подобного* не сказано в тезисах. Автор либо не дочитал, либо совсем не подумал.

§ 5. См. выше о каутскианстве.

§ 6. Автору говорят о трех *типах* стран во всем мире. Автор «возражает», ловя «казусы». Это – казуистика, а не политика.

Вам угодно знать «казус»: «а Бельгия»?

Смотри брошюру Ленина и Зиновьева: там сказано, что мы были бы за защиту Бельгии (даже **войной**), если бы конкретная война была иная²¹.

Вы несогласны с этим?

Скажите это!!

¹⁹ «Мы не боимся распадов, – пишет автор, – мы не защищаем государственных границ». Попробуйте дать точную политическую формулировку этого!! В том-то и гвоздь, что *вы не можете этого сделать*; вам мешает «экономистская» слепота к вопросам *политической демократии*.

²⁰ См. Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 162–163. *Ред.*

²¹ См. Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 317–318. *Ред.*

Вы *не продумали* вопроса о том, **почему** социал-демократия против «защиты отечества».

Мы не потому против нее, почему вам кажется, ибо ваша постановка вопроса (потуги, а не постановка) неисторична. Вот мой ответ автору.

Назвать «софистикой» то, что мы, *оправдывая войну из-за свержения национального гнета*, не оправдываем данной империалистской войны, ведущейся с *обеих* сторон ради усиления национального гнета, – значит употребить «крепкое» словечко, но *не подумать ни капельки*.

Автору *хочется* «полевее» поставить вопрос о «защите отечества», а выходит (уже целый год) – сплошная путаница!

§ 7. Автор *критикует*: «совсем не затронут вопрос об «условиях мира» вообще».

Вот так критика: не затронут вопрос, которого мы здесь и не ставим!!

Но ведь здесь «затронут» и поставлен вопрос об *аннексиях*, в котором запутались «империалистские экономисты», на этот раз *вместе* с голландцами и Радеком.

Либо вы отрицаете немедленный лозунг **против старых и новых аннексий**, – (не менее «неосуществимый» при империализме, чем самоопределение; в Европе, как и в колониях), – и тогда ваша апология империализма из скрытой переходит в открытую.

Либо вы признаете этот лозунг (как сделал Радек в печати), – тогда вы признали самоопределение наций под другим именем!!

§ 8. Автор прокламирует «большевизм в западноевропейском масштабе» («не Ваша позиция», добавляет он).

Я не придаю значения желанию держаться за слово «большевизм», ибо я знаю *таких* «старых большевиков», что упаси боже. Могу лишь сказать, что прокламируемый автором «большевизм в западноевропейском масштабе», по моему глубокому убеждению, не большевизм и не марксизм, а маленький вариант того же старенького «экономизма».

По-моему, это верх недопустимости и несерьезности, непартийности – целый год прокламировать *новый большевизм* и ограничиваться этим. Не пора ли **обдумать** и дать нечто такое товарищам, что бы связно и цельно излагало этот «большевизм в западноевропейском масштабе»?

Различие колоний от угнетенных наций в Европе автор не доказал и не докажет (в применении к данному вопросу).

* * *

У голландцев и P. S. D. отрицание самоопределения *не только*, и даже не столько, путаница, ибо Гортер фактически признал его, как и циммервальдское заявление поляков, сколько результат **особого** положения их **наций** (малые нации с **вековыми** традициями и претензиями **великодержавности**).

Верх непродуманности и наивности – перенять, повторить механически и без критики то, что у других выросло десятилетиями борьбы с обманывающей народ националистской буржуазией. **Как раз** то люди переняли, чего нельзя перенять!

Написано в августе – сентябре 1916 г.

Впервые напечатано в 1929 г. в журнале «Большевик» № 15 Подпись: Н. Ленин

Печатается по рукописи

Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову)^[40]

Война забивает и надламывает одних, закаляет и просвещает других, – как и всякий кризис в жизни человека или в истории народов.

Эта истина дает себя знать и в области социал-демократического мышления о войне и по поводу войны. Одно дело – поглубже вдуматься в причины и значение империалистской войны на почве высокоразвитого капитализма, в задачи тактики с.-д. в связи с войной, в причины кризиса социал-демократии и так далее. Другое дело – дать войне *подавить* свою мысль, перестать рассуждать и анализировать *под гнетом* ужасных впечатлений и мучительных последствий или свойств войны.

Одной из таких форм *подавленности* или *придавленности* человеческого мышления войной является пренебрежительное отношение «империалистического экономизма» к *демократии*. П. Киевский не замечает, что красной нитью через все его рассуждения проходит эта придавленность, запуганность, отказ от анализа по случаю войны. Ну, чего уж тут толковать о защите отечества, когда перед нами такая зверская бойня! чего уж тут говорить о правах наций, когда царит простое и сплошное удушение! Какое уж тут самоопределение, «независимость» наций, когда – посмотрите – что сделали с «независимой» Грецией! к чему вообще говорить и думать о «правах», когда везде попирают все права во имя интересов военщины! к чему говорить и думать о республике, когда ни малейшей, прямо-таки абсолютно никакой разницы между самыми демократическими республиками и самыми реакционными монархиями не осталось, не видно и следа вокруг нас, во время этой войны!

П. Киевский очень сердится, когда ему указывают на то, что он дал себя запугать, дал себя увлечь до отрицания демократии вообще, – сердится и возражает: я вовсе не против демократии, а только против *одного* демократического требования, которое считаю «плохим». Но, как ни сердится П. Киевский, как ни *уверяет* он нас (а может быть, и самого себя), что он вовсе не «против» демократии, его *рассуждения* – или вернее: его беспрерывные *ошибки* в рассуждениях – *доказывают* обратное.

Защита отечества есть ложь в империалистской войне, но вовсе не ложь в демократической и революционной войне. Разговоры о «правах» кажутся смешными во время войны, ибо *всякая* война ставит прямое и непосредственное насилие на место права, но из-за этого нельзя забывать, что бывали в истории в прошлом (и наверно будут, должны быть в будущем) войны (демократические и революционные войны), которые, заменяя на время войны всякое «право», всякую демократию насилием, *служили* по своему социальному содержанию, по своим последствиям, делу демократии и, *следовательно*, социализма. Пример Греции кажется «опровергающим» всякое самоопределение наций, но этот пример, если хотеть думать, анализировать, взвешивать, а не оглушать себя звоном слов, не давать себя запугивать гнетом кошмарных впечатлений от войны, – этот пример ничуть не более серьезен и убедителен, чем насмешки над республикой по поводу того, что «демократические», самые демократические республики, не только Франция, но и Соединенные Штаты, и Португалия, и Швейцария во время этой войны установили и устанавливают совершенно такой же произвол военщины, как и Россия.

Это факт, что империалистская война стирает разницу между республикой и монархией, но выводить отсюда отрицание республики или хотя бы пренебрежительное отношение к ней значит давать себя запугать войной, значит позволять *придавить* свою мысль ужасам войны. Так же рассуждают многие сторонники лозунга «разоружения» (Роланд-Гольст, швейцарские молодые, скандинавские «левые»^[41] и пр.) – дескать, чего уж тут толковать о революционном использовании войска или милиции, когда, посмотрите, есть ли разница

между милицией республик и постоянным войском монархий в этой войне? – когда милитаризм делает *повсюду* вот какое ужасное дело?

Это все *один* ход мысли, *одна и та же* теоретическая и практически-политическая ошибка, которую не замечает П. Киевский, делая ее буквально на каждом шагу своей статьи. Он *думает*, что спорит только против самоопределения, он *хочет* спорить только против него, а *выходит* у него – вопреки его воле и сознанию, в этом-то и курьез! – выходит так, что *ни единого* аргумента он *не* приводит, который с таким же основанием не мог бы быть приведен против демократии вообще!

Действительный источник всех его курьезных логических ошибок, всей путаницы – не только по вопросу о самоопределении, но и по вопросу о защите отечества, по вопросу о разводе, по вопросу о «правах» вообще, – состоит в том, что его мысль *придавлена* войной и в силу этой придавленности в корне извращено отношение марксизма к демократии вообще.

Империализм есть высокоразвитой капитализм; империализм прогрессивен; империализм *есть* отрицание демократии; «значит», демократия «неосуществима» при капитализме. Империалистская война есть вопиющее нарушение всякой демократии одинаково и в отсталых монархиях и в передовых республиках; «значит», ни к чему разговоры о «правах» (т. е. о демократии!). Империалистской войне можно «противопоставить» «только» социализм; «выход» только в социализме; «значит», выставлять демократические лозунги в программе-минимум, т. е. уже при капитализме, есть обман или иллюзия, или затемнение, отдаление и т. п. лозунга социалистического переворота.

Вот действительный, не сознаваемый П. Киевским, но действительный источник всех его злоключений. Вот – *основная* логическая ошибка его, которая, именно потому, что она лежит в основе, будучи не признана автором, и *взрывает* на каждом шагу, как гнилая велосипедная шина, «выскакивает» то на вопросе о защите отечества, то на вопросе о разводе, то в фразе о «правах», в этой великолепной (по глубине презрения к «правам» и по глубине непонимания дела) фразе: *не о правах* будет идти речь, *а о разрушении* векового рабства!

Сказать такую фразу и значит обнаружить непонимание отношения между капитализмом и демократией, между социализмом и демократией.

Капитализм вообще и империализм в особенности превращает демократию в иллюзию – и в то же время капитализм порождает демократические стремления в массах, создает демократические учреждения, обостряет антагонизм между отрицающим демократию империализмом и стремящимися к демократии массами. Свергнуть капитализм и империализм нельзя никакими, самыми «идеальными» демократическими преобразованиями, а только экономическим переворотом, но пролетариат, не воспитывающийся в борьбе за демократию, не способен совершить экономического переворота. Нельзя победить капитализма, не *взяв банков*, не отменив *частной собственности* на средства производства, но нельзя осуществить этих революционных мер, не организовав демократическое управление захваченными у буржуазии средствами производства всем народом, не привлекая всей массы трудящихся, и пролетариев, и полупролетариев, и мелких крестьян, к демократической организации своих рядов, своих сил, своего участия в государстве. Империалистская война есть тройное, можно сказать, отрицание демократии (*а* – всякая война заменяет «права» насилем; *б* – империализм вообще есть отрицание демократии; *в* – империалистская война вполне приравнивает республики к монархиям), но пробуждение и рост социалистического восстания против империализма *неразрывно* связаны с ростом демократического отпора и возмущения. Социализм ведет к отмиранию *всякого* государства, следовательно, и всякой демократии, но социализм не осуществим иначе как *через* диктатуру пролетариата, которая соединяет насилие против буржуазии, т. е. меньшинства населения, с *полным* развитием демократии, т. е. действительно равноправного и действительно всеобщего участия *всей*

массы населения во всех *государственных* делах и во всех сложных вопросах ликвидации капитализма.

Вот в этих «противоречиях» и запутался П. Киевский, забыв учение марксизма о демократии. Война, фигурально выражаясь, придавила его мысль до того, что он агитационным криком «вон из империализма» так же заменил всякое размышление, как криком «вон из колоний» заменяет анализ того, что, собственно, *значит* – экономически и политически – «уход» цивилизованных народов «из колоний».

Марксистское решение вопроса о демократии состоит в *использовании* ведущим свою классовую борьбу пролетариатом *всех* демократических учреждений и стремлений против буржуазии в целях подготовки победы пролетариата над буржуазией, свержения ее. Это использование не легкое дело, и «экономистам», толстовцам и т. п. оно часто кажется такой же незаконной уступкой «буржуазному» и оппортунистическому, как П. Киевскому незаконной уступкой буржуазному кажется отстаивание самоопределения наций «в эпоху финансового капитала». Марксизм учит, что «борьба с оппортунизмом» в виде отказа от использования буржуазией созданных и буржуазией извращаемых демократических учреждений *данного*, капиталистического, общества есть *полная сдача* перед оппортунизмом!

Лозунгом, который указывает и быстрейший выход из империалистской войны и *связь* нашей борьбы против нее с борьбой против оппортунизма, является *гражданская война* за социализм. Только этот лозунг правильно учитывает и особенности военного времени – война затягивается и грозит вырасти в целую «эпоху» войны! – и весь характер нашей деятельности в противовес оппортунизму с его пацифизмом, с его легализмом, с его приспособлением к «своей» буржуазии. Но, кроме того, гражданская война против буржуазии является *демократически* организуемой и ведомой войной масс бедноты против меньшинства имущих. Гражданская война есть тоже война; следовательно, и она неминуемо должна поставить насилие на место права. Но насилие во имя интересов и прав большинства населения отличается иным характером: оно попирает «права» эксплуататоров, буржуазии, оно *неосуществимо* без демократической организации войска и «тыла». Гражданская война насильственно экспроприирует, сразу и прежде всего, банки, фабрики, железные дороги, крупные сельскохозяйственные имения и т. д. Но именно *для того, чтобы* экспроприировать все это, надо ввести и выбор всех чиновников народом и выбор офицеров народом и *полное слияние* армии, ведущей войну против буржуазии, с массой населения, и полную демократию в деле распоряжения съестными припасами, производства и распределения их и т. д. Целью гражданской войны является завоевание банков, фабрик, заводов и пр., уничтожение всякой возможности сопротивления буржуазии, истребление *ее* войска. Но эта цель недостижима *ни* с чисто военной, *ни* с экономической, *ни* с политической стороны без одновременного, развивающегося в ходе такой войны, введения и распространения демократии среди *нашего* войска и *нашего* «тыла». Мы говорим массам теперь (и массы инстинктивно чувствуют нашу правоту, когда мы говорим им это): «вас обманывают, ведя на войну ради империалистского капитализма и прикрывая ее великими лозунгами демократии». «Вы должны вести и вы поведете войну *против* буржуазии *действительно* демократически и в целях действительного осуществления демократии и социализма». Теперешняя война соединяет и «сливает» народы в коалиции посредством насилия и финансовой зависимости. *Мы* в своей гражданской войне против буржуазии будем соединять и сливать народы *не* силой рубля, *не* силой дубья, *не* насилием, а *добровольным* согласием, солидарностью трудящихся против эксплуататоров. Провозглашение равных прав всех наций для буржуазии стало обманом, для нас оно будет правдой, которая облегчит и ускорит привлечение на нашу сторону всех наций. Без *демократической* организации отношения между нациями на деле, – а следовательно, и без свободы государственного отделения – гражданская война рабочих и трудящихся масс всех наций против буржуазии *невозможна*.

О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»^[42]

«Революционной социал-демократии никто не скомпрометирует, если она сама себя не скомпрометирует». Это изречение всегда приходится вспоминать и иметь в виду, когда то или иное важное теоретическое или тактическое положение марксизма побеждает или хотя бы становится на очередь дня и когда *кроме* прямых и серьезных врагов на него «набрасываются» такие друзья, которые безнадежно его компрометируют – по-русски: срамят – превращая его в карикатуру. Так бывало неоднократно в истории русской социал-демократии. Победа марксизма в революционном движении, в начале 90-х годов прошлого века, сопровождалась появлением карикатуры на марксизм в виде тогдашнего «экономизма» или «стачкизма», без долголетней борьбы с которым «искровцы» не могли бы отстоять основ пролетарской теории и политики ни против мелкобуржуазного народничества, ни против буржуазного либерализма. Так было с большевизмом, который победил в массовом рабочем движении 1905 года, между прочим, благодаря правильному применению лозунга «бойкот царской Думы»^[43] в период важнейших битв русской революции, осенью 1905 года, и который должен был пережить – и преодолеть борьбой – карикатуру на большевизм в 1908–1910 годах, когда Алексинский и др. поднимали великий шум против участия в III Думе^[44].

Так обстоит дело и теперь. Признание *данной* войны империалистскою, указание на ее глубокую связь с империалистской эпохой капитализма встречает наряду с серьезными противниками несерьезных друзей, для которых словечко империализм стало «модой», которые, *заучив* это словечко, несут рабочим самую отчаянную теоретическую путаницу, воскрешая целый ряд былых ошибок былого «экономизма». Капитализм победил, – *поэтому* не нужно думать над политическими вопросами, рассуждали старые «экономисты» в 1894–1901 годах, доходя до отрицания политической борьбы в России. Империализм победил, – *поэтому* не нужно думать о вопросах политической демократии, рассуждают современные «империалистические экономисты». Как образчик таких настроений, такой карикатуры на марксизм, получает значение печатаемая выше статья П. Киевского, дающая впервые опыт сколько-нибудь цельного литературного изложения шатаний мысли, замечавшихся в некоторых заграничных кружках нашей партии с начала 1915 года.

Распространение «империалистического экономизма» в рядах марксистов, которые решительно встали против социал-шовинизма и на сторону революционного интернационализма в современном великом кризисе социализма, было бы серьезнейшим ударом нашему направлению – и нашей партии, – ибо компрометировало бы ее изнутри, из ее собственных рядов, превращало бы ее в представительницу карикатурного марксизма. Поэтому на обстоятельном обсуждении хотя бы главнейших из бесчисленных ошибок в статье П. Киевского приходится остановиться, как бы ни было это «неинтересно» само по себе, как бы ни вело это сплошь да рядом к чересчур элементарному разжевыванию чересчур азбучных истин, для внимательного и вдумчивого читателя давно уже известных и понятных из нашей литературы 1914 и 1915 годов.

Начнем с самого «центрального» пункта рассуждений П. Киевского, чтобы сразу ввести читателя в «суть» нового направления «империалистического экономизма».

1. Марксистское отношение к войнам и к «защите отечества»

П. Киевский уверен сам и хочет уверить читателей, что он «несогласен» *только* с самоопределением наций, с § 9 нашей партийной программы. Он очень сердито пытается отбросить обвинение в том, что он коренным образом отстывает от марксизма *вообще* в вопросе о демократии, что он является «изменником» (ядовитые кавычки П. Киевского) марксизму в чем-либо основном. Но в том-то и суть, что, как только наш автор принялся рассуждать о своем якобы частном и отдельном несогласии, принялся приводить аргументы, соображения и пр., – сейчас же оказалось, что он именно по всей линии идет в сторону от марксизма. Возьмите § *b* (отд. 2) в статье П. Киевского. «Это требование» (т. е. самоопределение наций) «прямым путем (!) ведет к социал-патриотизму», – провозглашает наш автор и поясняет, что «предательский» лозунг защиты отечества есть вывод, «с полнейшей (!) логической (!) правоммерностью делаемый из права наций на самоопределение...» Самоопределение, по его мнению, есть «санкционирование предательства французских и бельгийских социал-патриотов, защищающих эту независимость» (национально-государственную независимость Франции и Бельгии) «с оружием в руках – они *делают* то, что сторонники «самоопределения» только говорят»... «Защита отечества принадлежит к арсеналу наших злейших врагов»... «Мы решительно отказываемся понимать, как можно быть *одновременно* против защиты отечества и за самоопределение, против отечества и за него».

Так пишет П. Киевский. Он явно не понял наших резолюций против лозунга защиты отечества в данной войне. Приходится взять то, что черным по белому написано в этих резолюциях, и разъяснить еще раз смысл ясной русской речи.

Резолюция нашей партии, принятая на бернской конференции в марте 1915 года и носящая заголовок: «О лозунге защиты отечества», начинается словами: «*Действительная сущность современной войны заключается*» в том-то и том-то.

Речь идет о *современной* войне. Яснее нельзя этого сказать по-русски. Слова «действительная сущность» показывают, что надо отличать кажущееся от действительного, внешность от сущности, фразы от дела. Фразы о защите отечества в данной войне облыжно выдают империалистскую войну 1914–1916 годов, войну из-за раздела колоний, из-за грабежа чужих земель и т. д., за национальную войну. Чтобы не оставить ни малейшей возможности исказить наши взгляды, резолюция добавляет особый абзац о «*действительно-национальных войнах*», которые «имели место *особенно* (заметьте: особенно не значит исключительно!) в эпоху 1789–1871 годов».

Резолюция поясняет, что «в основе» этих «действительно» национальных войн «лежал длительный процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета...»²²

Кажется, ясно? В теперешней империалистской войне, которая порождена всеми условиями империалистской эпохи, т. е. явилась не случайно, не исключением, не отступлением от общего и типичного, фразы о защите отечества суть обман народа, ибо это война *не* национальная. В *действительно-национальной* войне слова «защита отечества» *вовсе не* обман и *мы* *вовсе не* *против* *нее*. Такие (действительно-национальные) войны имели место «особенно» в 1789–1871 годах, и резолюция, ни словом не отрицая их возможность и теперь, поясняет, как надо отличать действительно-национальную войну от империалистской, прикрываемой обманно-национальными лозунгами. Именно – для отличения надо рассмотреть,

²² См. Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 162–163. *Ред.*

лежит ли «в основе» «длительный процесс массовых национальных движений», «свержения национального гнета».

В резолюции о «пацифизме» говорится прямо: «социал-демократы не могут отрицать позитивного значения революционных войн, т. е. не империалистских войн, а таких, которые велись, например» (заметьте это: «например»), «от 1789 до 1871 г. ради свержения национального гнета...»²³ Могла ли бы резолюция нашей партии в 1915 году говорить о национальных войнах, примеры коих бывали в 1789–1871 гг., и указывать, что позитивного значения таких войн мы не отрицаем, если бы такие войны не признавались возможными и теперь? Ясно, что не могла бы.

Комментарием к резолюциям нашей партии, т. е. популярным пояснением их, является брошюра Ленина и Зиновьева «Социализм и война». В этой брошюре на стр. 5 черным по белому написано, что «социалисты признавали и признают сейчас законность, прогрессивность, справедливость защиты отечества или оборонительной войны» *только* в смысле «свержения чуженационального гнета». Приводится пример: Персия против России «и т. п.» и говорится: «это были бы справедливые, оборонительные войны независимо от того, кто первый напал, и всякий социалист сочувствовал бы победе угнетаемых, зависимых, неполноправных государств против угнетательских, рабовладельческих, грабительских «великих» держав»²⁴.

Брошюра вышла в августе 1915 г., издана по-немецки и по-французски. П. Киевский ее отлично знает. Ни разу не возразил нам ни П. Киевский, ни вообще кто бы то ни было ни против резолюции о лозунге защиты отечества, ни против резолюции о пацифизме, ни против истолкования этих резолюций в брошюре, ни разу! Спрашивается, клеветаем ли мы на П. Киевского, говоря, что он совершенно не понял марксизма, если этот писатель, с марта 1915 г. не возражавший против взглядов нашей партии на войну, – теперь, в августе 1916 г., в статье о самоопределении, т. е. в статье якобы по частному вопросу, обнаруживает поразительное непонимание *общего* вопроса?

П. Киевский называет лозунг защиты отечества «предательским». Мы можем спокойно уверить его, что *всякий* лозунг является и всегда будет являться «предательским» *для тех*, кто будет механически повторять его, не понимая его значения, не вдумываясь в дело, ограничиваясь запоминанием слов без анализа их смысла.

Что такое «защита отечества», вообще говоря? Есть ли это какое-либо научное понятие из области экономики или политики и т. п.? Нет. Это просто наиболее ходячее, общеупотребительное, иногда просто обывательское выражение, означающее *оправдание войны*. Ничего больше, ровнехонько ничего! «Предательского» тут может быть только то, что обыватели способны *всякую* войну оправдать, говоря «мы защищаем отечество», тогда как марксизм, не приносящий себя до обывательщины, требует исторического анализа каждой отдельной войны, чтобы разобрать, можно ли считать *эту* войну прогрессивной, служащей интересам демократии или пролетариата, *в этом смысле* законной, справедливой и т. п.

Лозунг защиты отечества есть сплошь да рядом обывательски-несознательное оправдание войны, при неумении исторически разобрать значение и смысл каждой отдельной войны.

Марксизм дает такой анализ и говорит: *если* «действительная сущность» войны состоит, *например*, в свержении чуженационального гнета (что *особенно* типично для Европы 1789–1871 гг.), то война прогрессивна со стороны угнетенного государства или нации. *Если* «действительная сущность» войны есть передел колоний, дележ добычи, грабеж

²³ См. Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 165–166. *Ред.*

²⁴ Там же, стр. 312–313. *Ред.*

чужих земель (такова война 1914–1916 гг.), – тогда фраза о защите отечества есть «сплошной обман народа».

Как же найти «действительную сущность» войны, как определить ее? Война есть продолжение политики. Надо изучить политику перед войной, политику, ведущую и приведшую к войне. Если политика была империалистская, т. е. защищающая интересы финансового капитала, грабящая и угнетающая колонии и чужие страны, то и война, вытекающая из этой политики, есть империалистская война. Если политика была национально-освободительная, т. е. выражавшая массовое движение против национального гнета, то война, вытекающая из такой политики, есть национально-освободительная война.

Обыватель не понимает, что война есть «продолжение политики», и потому ограничивается тем, что-де «неприятель нападает», «неприятель вторгся в мою страну», не разбирая, *из-за чего* ведется война, *какими* классами, ради *какой* политической цели. П. Киевский совершенно на уровень такого обывателя опускается, когда говорит, что вот-де Бельгию заняли немцы, значит, с точки зрения самоопределения «бельгийские социал-патриоты правы», или: часть Франции заняли немцы, значит «Гед может быть доволен», ибо «дело доходит до территории, населенной данною нацией» (а не чуженациональной).

Для обывателя важно, *где* стоят войска, кто *сейчас* побеждает. Для марксиста важно, *из-за чего* ведется *данная* война, во время которой могут быть победителями то одни то другие войска.

Из-за чего ведется данная война? Это указано в нашей резолюции (основывающейся на *политике* воюющих держав, которую они вели *десятилетия* до войны). Англия, Франция и Россия воюют за сохранение награбленных колоний и за грабеж Турции и пр. Германия за то, чтобы отнять себе колонии и самой ограбить Турцию и пр. Допустим, немцы возьмут даже Париж и Петербург. Изменится от этого характер данной войны? Нисколько. Целью немцев и – это еще важнее: осуществимой политикой при победе немцев – будет тогда отнятие колоний, господство в Турции, отнятие чуженациональных областей, например, Польши и т. п., но вовсе не установление чуженационального гнета над французами или русскими. Действительная сущность данной войны не национальная, а империалистская. Другими словами: война идет не из-за того, что одна сторона свергает национальный гнет, другая защищает его. Война идет между двумя группами угнетателей, между двумя разбойниками из-за того, как поделить добычу, кому грабить Турцию и колонии.

Коротко: война *между* империалистскими (т. е. угнетающими целый ряд чужих народов, опутывающими их сетями зависимости от финансового капитала и пр.) великими державами или *в союзе* с ними есть империалистская война. Такова война 1914–1916 гг. «Защита отечества» есть обман в *этой* войне, есть оправдание ее.

Война *против* империалистских, т. е. угнетательских держав со стороны угнетенных (например, колониальных народов) есть действительно-национальная война. Она возможна и теперь. «Защита отечества» со стороны национально-угнетенной страны против национально-угнетающей не есть обман, и социалисты *вовсе не против* «защиты отечества» в *такой* войне.

Самоопределение наций есть то же самое, что борьба за полное национальное освобождение, за полную независимость, против аннексий, и от *такой* борьбы – во всякой ее форме, вплоть до восстания или до войны – социалисты *не могут* отказаться, не переставая быть социалистами.

П. Киевский думает, что он борется с Плехановым: Плеханов-де указал на связь самоопределения наций с защитой отечества! П. Киевский *поверил* Плеханову, что эта связь *действительно такова*, какую изображает ее Плеханов. Поверив Плеханову, П. Киевский испугался и решил, что надо отрицать самоопределение, дабы спастись от выводов Плеханова...

Доверчивость к Плеханову большая, испуг тоже большой, но *размышления* о том, в чем ошибка Плеханова, нет и следа!

Чтобы выдать эту войну за национальную, социал-шовинисты ссылаются на самоопределение наций. Правильная борьба с ними только одна: надо показать, что это борьба не из-за освобождения наций, а из-за того, кому из великих хищников угнетать *больше* наций. Договориться же до отрицания войны, *действительно* введомой ради освобождения наций, значит дать худшую карикатуру на марксизм. Плеханов и французские социал-шовинисты ссылаются на республику во Франции, чтобы оправдать «защиту» ее против монархии в Германии. Если рассуждать так, как рассуждает П. Киевский, то мы должны быть против республики или против войны, *действительно* введомой ради отстаивания республики!! Немецкие социал-шовинисты ссылаются на всеобщее избирательное право и обязательное обучение всех грамоте в Германии, чтобы оправдать «защиту» Германии против царизма. Если рассуждать, как рассуждает Киевский, то мы должны быть либо против всеобщего избирательного права и обучения всех грамоте либо против войны, *действительно* введомой ради охранения политической свободы от попыток отнять ее!

К. Каутский до войны 1914–1916 гг. был марксистом, и целый ряд важнейших сочинений и заявлений его навсегда останутся образцом марксизма. 26 августа 1910 года Каутский писал в «Neue Zeit» по поводу надвигающейся и грозящей войны:

«При войне между Германией и Англией под вопросом стоит не демократия, а мировое господство, т. е. эксплуатация мира. Это – не такой вопрос, при котором социал-демократы должны были бы стоять на стороне эксплуататоров своей нации» («Neue Zeit», 28. Jahrg., Bd. 2, S. 776).

Вот – прекрасная марксистская формулировка, вполне совпадающая с нашими, вполне разоблачающая *нынешнего* Каутского, повернувшего от марксизма к защите социал-шовинизма, вполне отчетливо выясняющая принципы марксистского отношения к войнам (мы еще вернемся в печати к этой формулировке). Войны суть продолжение политики; поэтому, раз имеет место борьба за демократию, *возможна* и война из-за демократии; самоопределение наций есть лишь одно из демократических требований, ничем принципиально не отличающееся от других. «Мировое господство» есть, говоря кратко, содержание империалистской политики, продолжением которой является империалистская война. Отрицать «защиту отечества», т. е. участие в войне демократической, есть нелепость, не имеющая ничего общего с марксизмом. Прикрашивать империалистскую войну применением к ней понятия «защиты отечества», т. е., выдавая ее за демократическую, значит обманывать рабочих, переходить на сторону реакционной буржуазии.

2. «Наше понимание новой эпохи»

П. Киевский, которому принадлежит взятое в кавычки выражение, постоянно говорит о «новой эпохе». К сожалению, и здесь его рассуждения ошибочны.

Резолюции нашей партии говорят о данной войне, порождаемой общими условиями империалистской эпохи. Соотношение «эпохи» и «данной войны» поставлено у нас марксистски правильно: чтобы быть марксистом, надо оценивать каждую отдельную войну конкретно. Чтобы понять, почему между великими державами, многие из которых стояли в 1789–1871 гг. во главе борьбы за демократию, могла и должна была возникнуть империалистская война, т. е. по ее политическому значению самая реакционная, антидемократическая, чтобы понять это, надо понять общие условия империалистской эпохи, т. е. превращения капитализма передовых стран в империализм.

П. Киевский это соотношение «эпохи» и «данной войны» совершенно извратил. У него выходит, что *конкретно* говорить значит говорить об «эпохе»! Это как раз неверно.

Эпоха 1789–1871 гг. есть особая эпоха для Европы. Это бесспорно. Нельзя понять ни одной национально-освободительной войны, которые особенно типичны для этого времени, не поняв общих условий той эпохи. Значит ли это, что *все* войны той эпохи были национально-освободительны? Конечно, нет. Сказать это значило бы договориться до абсурда и на место конкретного изучения каждой отдельной войны поставить смешной шаблон. В 1789–1871 гг. бывали и колониальные войны и войны между реакционными империями, угнетавшими целый ряд чужих наций.

Спрашивается: из того, что передовой европейский (и американский) капитализм вступил в новую эпоху империализма, вытекает ли, что войны теперь возможны лишь империалистские? Это было бы нелепым утверждением, неумением отличить данное конкретное явление от всей суммы разнообразных возможных явлений эпохи. Эпоха потому и называется эпохой, что она обнимает сумму разнообразных явлений и войн, как типичных, так и нетипичных, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам. Отмахиваться от этих конкретных вопросов посредством общих фраз об «эпохе», как делает П. Киевский, значит злоупотреблять понятием «эпоха». Мы сейчас приведем один из многих примеров, чтобы не быть голословным. Но сначала надо упомянуть, что *одна* группа левых, именно немецкая группа «Интернационал» в своих тезисах, опубликованных в № 3 Бюллетеня бернской Исполнительной комиссии (29 февраля 1916 года), выставила в § 5 явно неправильное утверждение: «В эру этого разнузданного империализма *не может быть более никаких* национальных войн». Мы разобрали это утверждение в «Сборнике Социал-Демократа»²⁵. Здесь отметим лишь, что, хотя всем, интересующимся интернационалистским движением, давно знакомо это теоретическое положение (мы боролись с ним еще на расширенном собрании бернской Исполнительной комиссии весной 1916 г.), но до сих пор *ни одна группа* не повторила его, не приняла его. И П. Киевский в августе 1916 года, когда он писал свою статью, ни звука не сказал в духе такого или подобного утверждения.

Это надо отметить вот почему: если бы такое или подобное теоретическое утверждение было высказано, тогда можно было бы говорить о теоретическом расхождении. Когда же никакого подобного утверждения *не* выставляется, то мы вынуждены сказать: перед нами не иное понимание «эпохи», не теоретическое расхождение, а только с размаху брошенная фраза, только злоупотребление словом «эпоха».

Пример: «Не похоже ли оно (самоопределение), – пишет П. Киевский в самом начале своей статьи, – на право бесплатного получения 10 000 десятин на Марсе? Ответить на этот вопрос нельзя иначе, чем вполне конкретно, в связи с учетом всей нынешней эпохи; ведь одно дело – право наций на самоопределение в эпоху формирования национальных государств, как наилучших форм развития производительных сил на тогдашнем их уровне, иное дело – это право, когда эти формы, формы национального государства, стали оковами их развития. Между эпохой самоутверждения капитализма и национального государства и эпохой гибели национального государства и кануна гибели самого капитализма – дистанция огромного размера. Говорить же «вообще», вне времени и пространства – не дело марксиста».

Это рассуждение – образец карикатурного употребления понятия «империалистская эпоха». Именно потому, что это понятие ново и важно, надо с карикатурой бороться! О чем идет речь, когда говорят, что формы национального государства стали оковами и т. д.? О передовых капиталистических странах, Германии, Франции, Англии прежде всего, участие

²⁵ См. настоящий том, стр. 4–10. *Ред.*

которых в данной войне сделало ее в первую голову империалистской войной. В *этих* странах, которые до сих пор вели человечество вперед, особенно в 1789–1871 гг., закончился процесс образования национального государства, в *этих* странах национальное движение есть безвозвратное прошлое, воскресить которое было бы нелепой реакционной утопией. Национальное движение французов, англичан, немцев давно завершено; на исторической очереди *здесь* стоит иное: нации освобождавшиеся превратились в нации угнетательницы, в нации империалистского грабежа, переживающие «канун гибели капитализма».

А другие нации?

П. Киевский повторяет, как заученное правило, что марксисты должны рассуждать «конкретно», но не *применяет* его. А мы в своих тезисах нарочно дали образчик конкретного ответа, и П. Киевский не пожелал указать нам нашей ошибки, если он видел тут ошибку.

В наших тезисах (§ 6) говорится, что надо различать, чтобы быть конкретным, не менее *трех* разных типов стран по вопросу о самоопределении. (Ясно, что о каждой отдельной стране в общих тезисах говорить нельзя бы было.) Первый тип – те передовые страны запада Европы (и Америки), где национальное движение – *прошлое*. 2-ой тип – восток Европы, где оно – *настоящее*. 3-ий – полуколонии и колонии, где оно – в значительной степени – *будущее*²⁶.

Верно это или нет? П. Киевский *сюда* должен был направить свою критику. Но он даже не замечает, *в чем* состоят теоретические вопросы! Он не видит, что, пока он не опроверг указанного положения (в § 6) наших тезисов, – а опровергнуть его нельзя, ибо оно верно, – его рассуждения об «эпохе» похожи на то, что человек «замахивается» мечом, но удара не наносит.

«В противоположность мнению В. Ильина, – пишет он в конце статьи, – мы полагаем, что для большинства (!) западных (!) стран национальный вопрос не решен»...

Итак, должно быть, национальное движение французов, испанцев, англичан, голландцев, немцев, итальянцев не завершено в XVII, XVIII, XIX веке и раньше? В начале статьи понятие «эпохи империализма» извращено так, будто национальное движение завершено вообще, а не только в передовых западных странах. В конце той же статьи «национальный вопрос» объявляется «не решенным» *именно* в западных странах!! Это ли не путаница?

В западных странах национальное движение – давнее прошлое. «Отечество» в Англии, Франции, Германии и т. д. уже спело свою песню, сыграло свою историческую роль, *т. е.* прогрессивного, поднимающего к новой экономической и политической жизни новые массы людей, здесь национальное движение дать не может. Здесь на исторической очереди дня стоит не переход от феодализма или от патриархальной дикости к национальному прогрессу, к культурному и политически свободному отечеству, а переход от изжившего себя, капиталистически-перезрелого «отечества» к социализму.

На востоке Европы дело обстоит иначе. Для украинцев и белорусов, например, только человек, в мечтах живущий на Марсе, мог бы отрицать, что здесь нет еще завершения национального движения, что пробуждение масс к обладанию родным языком и его литературой – (а это необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи) – здесь *еще* совершается. «Отечество» здесь *еще* не спело всей своей исторической песни. «Защита отечества» *еще* может быть здесь защитой демократии, родного языка, политической свободы против угнетающих наций, против средневековья, тогда как англичане, французы, немцы, итальянцы лгут теперь, говоря о защите своего отечества в данной войне, ибо *не* родной язык, *не* свободу своего нацио-

²⁶ См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 260–261. *Ред.*

нального развития защищают они на деле, а свои рабовладельческие права, свои колонии, «сферы влияния» своего финансового капитала в чужих странах и пр.

В полуколониях и колониях национальное движение еще моложе исторически, чем на востоке Европы.

К чему относятся слова о «высокоразвитых странах» и об империалистской эпохе; *в чем* «особое» положение России (заглавие § 8 во 2-ой главе у П. Киевского) и не одной России; *где* национально-освободительное движение есть лживая фраза и *где* оно есть живая и прогрессивная действительность, ничего этого П. Киевский абсолютно не понял.

3. Что такое экономический анализ?

Гвоздем рассуждений противников самоопределения является ссылка на «неосуществимость» его при капитализме вообще или при империализме. Словечко «неосуществимость» часто употребляется в разнообразных и неточно определяемых значениях. Поэтому в своих тезисах мы потребовали того, что необходимо во всякой теоретической дискуссии: выяснения, в каком смысле говорят о «неосуществимости»? И не ограничиваясь вопросом, мы сделали приступ к такому разъяснению. В смысле политической трудноосуществимости или неосуществимости без ряда революций *все* требования демократии «неосуществимы» при империализме.

В смысле экономической невозможности говорить о неосуществимости самоопределения в корне неверно.

Таково было наше положение. Здесь гвоздь теоретического расхождения, и на этот вопрос в сколько-нибудь серьезной дискуссии надо было бы нашим противникам обратить все внимание.

Посмотрите же, как рассуждает об этом вопросе П. Киевский.

Толкование неосуществимости в смысле «трудной осуществимости» по политическим причинам он определенно отклоняет. Он отвечает на вопрос прямо в смысле экономической невозможности.

«Значит ли, – пишет он, – что самоопределение при империализме так же неосуществимо, как рабочие деньги при товарном производстве?» И П. Киевский отвечает: «Да, значит! Ибо мы говорим именно о логической противоречивости между двумя социальными категориями: «империализм» и «самоопределение наций», такой же логической противоречивости, какая существует между двумя другими категориями: рабочие деньги и товарное производство. Империализм есть отрицание самоопределения, и совместить самоопределение с империализмом не удастся никакому фокуснику».

Как ни страшно это сердитое слово «фокусники», которое направляет в нас П. Киевский, но мы все же должны заметить ему, что он просто-таки не понимает, что значит экономический анализ. «Логической противоречивости», – при условии, конечно, правильного логического мышления – не должно быть *ни* в экономическом *ни* в политическом анализе. Поэтому сослаться на «логическую противоречивость» *вообще*, когда речь идет именно о том, чтобы дать экономический анализ, *а не* политический, никак не доводится. К «социальным категориям» относится *и* экономическое *и* политическое. Следовательно, П. Киевский, ответив сначала решительно и прямо: «да, значит» (т. е. самоопределение *так же* неосуществимо, как рабочие деньги при товарном производстве), отделался на деле тем, что походил кругом да около, а экономического анализа не дал.

Чем доказывается, что рабочие деньги неосуществимы при товарном производстве? Экономическим анализом. Этот анализ, который, как и всякий анализ, не допускает «логической противоречивости», берет экономические и *только* экономические (а не «социаль-

ные» вообще) категории и из них выводит невозможность рабочих денег. В первой главе «Капитала» ни о какой политике, ни о какой политической форме, ни о каких «социальных категориях» вообще нет и речи: анализ берет *только* экономическое, обмен товаров, развитие обмена товаров. Экономический анализ показывает – путем, конечно, «логических» рассуждений – что рабочие деньги при товарном производстве неосуществимы. П. Киевский не делает даже и попытки приступить к экономическому анализу! Он *спутывает* экономическую сущность империализма с его политическими тенденциями, как это видно из первой же фразы первого же параграфа его статьи. Вот эта фраза:

«Промышленный капитал явился синтезом докапиталистического производства и торгово-ссудного капитала. Ссудный капитал оказался на услужении у промышленного. Теперь капитализм преодолевает разные виды капитала, возникает высший, унифицированный тип его, финансовый капитал, и потому всю эпоху можно назвать эпохой финансового капитала, адекватной системой внешней политики которого и является империализм».

Экономически все это определение никуда не годится: вместо точных экономических категорий одни фразы. Но останавливаться на этом сейчас невозможно. Важно то, что империализм П. Киевский объявляет «системой внешней политики».

Это, во-1-х, по существу неверное повторение неверной идеи Каутского.

Это, во-2-х, чисто политическое, только политическое определение империализма. Посредством определения империализма как «системы политики» П. Киевский хочет увернуться от *экономического* анализа, который он обещал дать, заявив, что самоопределение «*так же*» неосуществимо, т. е. экономически неосуществимо, при империализме, как рабочие деньги при товарном производстве!²⁷

Каутский в споре с левыми заявлял, что империализм есть «только система внешней политики» (именно аннексии), что называть империализмом известную экономическую стадию, степень развития, капитализма нельзя.

Каутский неправ. Спорить о словах, конечно, не умно. Запретить употреблять «слово» империализм так или иначе невозможно. Но надо выяснить точно понятия, если хотите вести дискуссию.

Экономически империализм (или «эпоха» финансового капитала, дело не в слове) есть высшая ступень развития капитализма, именно такая, когда производство стало настолько крупным и крупнейшим, что *свободу конкуренции сменяет монополия*. В этом *экономическая* сущность империализма. Монополия проявляется и в трестах, синдикатах и пр., и в всесиили гигантских банков, и в скупке источников сырья и пр., и в концентрации банковского капитала и т. д. В экономической монополии – все дело.

Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом (империализм есть монополистический капитализм) является поворот *от* демократии к политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция. «Финансовый капитал стремится к господству, а не к свободе», – справедливо говорит Р. Гильфердинг в своем «Финансовом капитале».

Выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противопоставлять внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль. И во внешней политике, и во внутренней, одинаково, империализм стремится к нару-

²⁷ Знает ли П. Киевский, каким невежливым словом называл Маркс такие «Логические приемы»? *Отнюдь не применяя* этого невежливого слова к П. Киевскому, мы вынуждены заметить, что Маркс называл это «мошенническими приемами»: в *определение* известного понятия произвольно вставляют как раз то, о чем идет спор, как раз то, что еще надо доказать. Повторяем, мы *не* применяем невежливого выражения Маркса к П. Киевскому. Мы лишь раскрываем источник ее ошибки. (Этот текст в рукописи зачеркнут. *Ред.*)

шениям демократии, к реакции. В этом смысле неоспоримо, что империализм есть «отрицание» *демократии вообще, всей демократии*, а вовсе не *одного* из требований демократии, именно: самоопределения наций.

Будучи «отрицанием» демократии, империализм *так же* «отрицает» и демократию в национальном вопросе (т. е. самоопределение наций): «так же», т. е. он стремится нарушить ее; осуществление ее ровно настолько же и в том же смысле труднее при империализме, насколько труднее при империализме (по сравнению с домонополистическим капитализмом) осуществление республики, милиции, выбора чиновников народом и т. д. Об «экономической» неосуществимости не может быть и речи.

П. Киевского ввело в ошибку здесь, вероятно, еще то обстоятельство (кроме общего непонимания требований экономического анализа), что с обывательской точки зрения аннексия (т. е. присоединение чуженациональной области вопреки воле ее населения, т. е. нарушение самоопределения нации) считается равнозначной «расширению» (экспансии) финансового капитала на более обширную хозяйственную территорию.

Но с обывательскими понятиями нельзя братья за теоретические вопросы.

Империализм есть, экономически, монополистический капитализм. Чтобы монополия была полной, надо устранить конкурентов не только с внутреннего рынка (с рынка данного государства), но и с внешнего, со всего мира. Есть ли *экономическая* возможность «в эру финансового капитала» устранить конкуренцию даже в чужом государстве? Конечно, есть: это средство – финансовая зависимость и скупка источников сырья, а затем и всех предприятий конкурента.

Американские тресты есть высшее выражение экономики империализма или монополистического капитализма. Для устранения конкурента тресты не ограничиваются экономическими средствами, а постоянно прибегают к политическим и даже уголовным. Но было бы глубочайшей ошибкой считать экономически неосуществимой монополию трестов при чисто экономических приемах борьбы. Напротив, действительность на каждом шагу доказывает «осуществимость» этого: тресты подрывают кредит конкурента через посредство банков (хозяева трестов суть хозяева банков: скупка акций); тресты подрывают подвоз материалов конкурентам (хозяева трестов суть хозяева железных дорог: скупка акций); тресты на известное время сбивают цены ниже себестоимости, тратя на это миллионы, чтобы разорить конкурента и *скупить* его предприятия, его источники сырья (рудники, землю и пр.).

Вот – чисто экономический анализ силы трестов и расширения их. Вот чисто экономический путь к расширению: *скупка* предприятий, заведений, источников сырья.

Крупный финансовый капитал одной страны всегда может скупить конкурентов и чужой, политически независимой, страны и всегда делает это. Экономически это вполне осуществимо. Экономическая «аннексия» *вполне* «осуществима» без политической и постоянно встречается. В литературе об империализме вы встретите на каждом шагу такие, например, указания, что Аргентина есть на деле «торговая колония» Англии, что Португалия есть на деле «вассал» Англии и т. п. Это верно: экономическая зависимость от английских банков, задолженность Англии, скупка Англией местных железных дорог, рудников, земель и пр. – все это делает названные страны «аннексией» Англии в экономическом смысле, без нарушения политической независимости этих стран.

Самоопределением наций называется политическая независимость их. Империализм стремится нарушить ее, ибо при политической аннексии экономическая часто удобнее, дешевле (легче подкупить чиновников, добиться концессии, провести выгодный закон и пр.), сподручнее, спокойнее, – совершенно так же, как империализм стремится заменить демократию вообще олигархией. Но толковать об *экономической* «неосуществимости» самоопределения при империализме есть просто сапоги всмятку.

П. Киевский обходит теоретические трудности посредством одного, чрезвычайно легкого и легковесного приема, который по-немецки называется «буршикозными» выражениями, т. е. студенчески простоватыми, грубоватыми, употребительными (и естественными) при студенческой попойке. Вот образец:

«Всеобщее избирательное право, – пишет он, – 8-часовой рабочий день и даже республика *логически* совместимы с империализмом, хотя империализму они далеко не улыбаются (!), а потому осуществление их до крайности затруднено».

Мы решительно ничего не имели бы против буршикозного выражения: республика не «улыбается» империализму, – веселенькое словечко иногда скрашивает ученые материи! – если бы *кроме* них в рассуждении о серьезном вопросе был еще и экономический и политический анализ понятий. У П. Киевского буршикозность заменяет такой анализ, заслоняет отсутствие его.

Что это значит: «республика не улыбается империализму»? И почему это так?

Республика есть одна из возможных форм политической надстройки над капиталистическим обществом и притом самая демократическая при современных условиях. Сказать: республика «не улыбается» империализму значит сказать, что есть противоречие между империализмом и демократией. Очень может быть, что это наше заключение «не улыбается» и даже «далеко не улыбается» П. Киевскому, но оно все же неоспоримо.

Далее. Какого рода это противоречие между империализмом и демократией? Логическое или не логическое? П. Киевский употребляет слово «логический», не подумав, и потому не замечает, что это слово служит ему в данном случае для *сокрытия* (от глаз и ума читателя, как от глаз и ума автора) *как раз того вопроса*, о котором он взялся рассуждать! Этот вопрос – отношение экономики к политике; отношение экономических условий и экономического содержания империализма к одной из политических форм. Всякое «противоречие», которое отмечается в человеческих рассуждениях, есть логическое противоречие; это пустая тавтология. Посредством этой тавтологии П. Киевский обходит *суть* вопроса: есть ли это «логическое» противоречие между двумя *экономическими* явлениями или положениями (1)? или между двумя *политическими* (2)? или между *экономическим* и *политическим* (3)?

Ведь в этом *суть*, раз встал вопрос об экономической неосуществимости или осуществимости при той или иной политической форме!

Если бы П. Киевский не обошел эту *суть*, он бы увидел, вероятно, что противоречие между империализмом и республикой есть противоречие между экономикой новейшего капитализма (именно: монополистического капитализма) и политической демократией вообще. Ибо никогда не докажет П. Киевский, что любая крупная и коренная демократическая мера (выбор чиновников или офицеров народом, полнейшая свобода союзов и собраний и пр.) менее противоречит империализму (более «улыбается» ему, если угодно), чем республика.

Получается именно то положение, на котором *мы* настаивали в тезисах: империализм противоречит, «логически» противоречит, *всей вообще* политической демократии. П. Киевскому «не улыбается» это наше положение, ибо оно разрушает его нелогические построения, но как же быть? Неужели в самом деле помириться с тем, когда хотят якобы опровергнуть известные положения, а на деле тайком проводят именно их посредством выражения: «республика не улыбается империализму»?

Далее. Почему республика не улыбается империализму? и как «совмещает» империализм свою экономику с республикой?

П. Киевский не подумал об этом. Мы ему напомним следующие слова Энгельса. Речь идет о демократической республике. Вопрос стоит такой: может ли богатство господство-

вать при этой форме правления? т. е. вопрос именно о «противоречивости» между экономикой и политикой.

Энгельс отвечает: «... Демократическая республика официально ничего не знает о различиях» (между гражданами) «по богатству. При ней богатство осуществляет свою власть косвенно, но зато тем вернее. С одной стороны, в форме прямого подкупа чиновников» («классический образец – Америка»), «с другой стороны, в форме союза правительства и биржи...»^[45]

Вот вам образчик экономического анализа по вопросу об «осуществимости» демократии при капитализме, частичкой какового вопроса является вопрос об «осуществимости» самоопределения при империализме!

Демократическая республика противоречит «логически» капитализму, ибо «официально» приравнивает богатого и бедного. Это есть противоречие между экономическим строем и политической надстройкой. С империализмом у республики то же противоречие, углубленное или усугубленное тем, что смена свободной конкуренции монополией еще более «затрудняет» осуществление всяких политических свобод.

Как же совмещается капитализм с демократией? Посредством косвенного проведения в жизнь всевластия капитала! Экономических средств для этого два: 1) подкуп прямой; 2) союз правительства с биржей. (В наших тезисах это выражено словами, что финансовый капитал «свободно купит и подкупит любое правительство и чиновников» при буржуазном строе.)

Раз господствует товарное производство, буржуазия, власть денег – подкуп (прямой и через биржу) «осуществим» при любой форме правления, при любой демократии.

Спрашивается, что изменится в рассматриваемом отношении при замене капитализма империализмом, т. е. домонополистического капитализма монополистическим?

Только то, что власть биржи усиливается! Ибо финансовый капитал есть крупнейший, доросший до монополии, промышленный капитал, слившийся с банковым капиталом. Крупные банки сливаются с биржей, поглощая ее. (В литературе об империализме говорят о падении роли биржи, но только в том смысле, что всякий гигантский банк сам есть биржа.)

Далее. Если для «богатства» вообще оказывается вполне осуществимым господство над любой демократической республикой посредством подкупа и биржи, то каким образом может П. Киевский утверждать, не впадая в забавное «логическое противоречие», что крупнейшее богатство трестов и банков, ворочающих миллиардами, не может «осуществить» власти финансового капитала над чужой, т. е. политически независимой, республикой??

Что же? подкуп чиновников «неосуществим» в чужом государстве? или «союз правительства с биржей» есть только союз своего правительства?

* * *

Читатель видит уже отсюда, что для распутывания и популярного разъяснения нужны около 10 печатных страниц против десяти строк путаницы. Разбирать так же подробно каждое рассуждение П. Киевского – у него нет буквально ни одного без путаницы! – мы не можем, да и нет в этом надобности, раз главное разобрано. Остальное отметим вкратце.

4. Пример Норвегии

Норвегия «осуществила» якобы неосуществимое право на самоопределение в 1905 году, в эру самого разнузданного империализма. Толковать о «неосуществимости» поэтому не только теоретически абсурдно, но и смешно.

П. Киевский хочет опровергнуть это, обзывая нас сердито «рационалистами» (при чем это? рационалист ограничивается рассуждением и притом абстрактным, мы же указали конкретнейший факт! не употребляет ли П. Киевский иностранное словечко «рационалист» так же... как бы помягче выразиться?., так же «удачно», как он употребил в начале своей статьи слово «экстрактивный», предлагая свои соображения «в экстрактивном виде»?).

П. Киевский упрекает нас в том, что для нас «важна внешность явлений, а не подлинная суть». Присмотримся же к подлинной сути.

Опровержение начинается с примера: факт издания закона против трестов не доказывает неосуществимости запрещения трестов. Справедливо. Только пример неудачный, ибо он говорит *против* П. Киевского. Закон есть мера политическая, есть политика. Никакой политической мерой нельзя запретить экономики. Никакой политической формой Польши, будет ли она частичкой царской России или Германии, или автономной областью или независимым политически государством, нельзя ни запретить ни отменить ее зависимости от финансового капитала империалистских держав, скупки акций ее предприятий этим капиталом.

Независимость Норвегии «осуществлена» в 1905 г. только политическая. Экономической зависимости она не собиралась и не могла затронуть. Как раз об этом говорят наши тезисы. Мы именно указывали, что самоопределение касается только политики и потому неверно даже ставить вопрос об экономической неосуществимости. А П. Киевский «опровергает» нас, приводя пример бессилия политических запретов против экономики! Хорошо «опровержение»!

Далее.

«Одного или даже многих примеров победы мелких предприятий над крупными недостаточно для опровержения правильной тезы Маркса о том, что общий ход развития капитализма сопровождается и концентрацией и централизацией производства».

Этот довод опять состоит в неудачном *примере*, который выбирается, чтобы отвести внимание (читателя и автора) от действительной сущности спора.

Наш тезис гласит, что об экономической неосуществимости самоопределения в том же смысле, в каком неосуществимы рабочие деньги при капитализме, говорить неверно. Ни единого «примера» *такой* осуществимости быть не может. П. Киевский, молча, признает нашу правоту по этому пункту, ибо переходит к *иному* толкованию «неосуществимости».

Почему он не делает этого прямо? Почему не формулирует открыто и точно *своего* тезиса: «самоопределение, будучи неосуществимо в смысле экономической возможности его при капитализме, противоречит развитию и потому реакционно или является лишь исключением»?

Потому, что открытая формулировка контртезиса сразу разоблачила бы автора, и ему приходится прятаться.

Закон экономической концентрации, победы крупного производства над мелким, признан и нашей и Эрфуртской программой. П. Киевский прячет тот факт, что нигде не признан закон политической или государственной концентрации. Если это такой же закон или тоже закон, отчего бы П. Киевскому не изложить его и не предложить пополнить нашу программу? Справедливо ли с его стороны оставлять нас при плохой, неполной программе, когда он открыл этот новый закон государственной концентрации, закон, имеющий практическое значение, ибо он избавил бы нашу программу от ошибочных выводов?

П. Киевский не дает никакой формулировки закона, не предлагает пополнить нашей программы, ибо смутно чувствует, что он стал бы тогда смешным. Все расхохотались бы над курьезным «империалистическим экономизмом», если бы эта точка зрения выплыла наружу,

и параллельно закону вытеснения мелкого производства крупным был бы выставлен «закон» (в связи с ним или рядом с ним) вытеснения мелких государств крупными!

Чтобы пояснить это, ограничимся одним вопросом П. Киевскому: почему экономисты без кавычек *не* говорят о «распаде» современных трестов или крупных банков? о возможности такого распада и об осуществимости его? почему даже «империалистический экономист» в кавычках вынужден признать возможность и осуществимость распада крупных государств и не только распада вообще, а, например, отделения «малых народностей» (это заметьте!) от России (§ д в главе 2-ой статьи П. Киевского)?

Наконец, чтобы еще нагляднее пояснить, до чего договаривается наш автор, и предостеречь его, отметим следующее: закон вытеснения мелкого производства крупным мы все открыто выставляем и никто не боится назвать отдельные «примеры» «победы мелких предприятий над крупными» явлением реакционным. Назвать реакционным отделение Норвегии от Швеции пока еще *никто* из противников самоопределения не решился, хотя мы с 1914 года подняли этот вопрос в литературе²⁸.

Крупное производство неосуществимо, если сохраняются, например, ручные станки; совершенно нелепа мысль о «распаде» механической фабрики на ручные мастерские. Империалистская тенденция к крупным империям вполне осуществима и на практике нередко осуществляется в форме империалистского союза самостоятельных и независимых, в политическом значении слова, государств. Такой союз возможен и наблюдается не только в форме экономического срастания финансовых капиталов двух стран, но и в форме военного «сотрудничества» в империалистской войне. Национальная борьба, национальное восстание, национальное отделение вполне «осуществимы» и наблюдаются на деле *при* империализме, даже усиливаются, ибо империализм не останавливает развития капитализма и роста демократических тенденций в массе населения, а *обостряет* антагонизм между этими демократическими стремлениями и антидемократической тенденцией трестов.

Только с точки зрения «империалистского экономизма», т. е. карикатурного марксизма, можно игнорировать, напр., следующее своеобразное явление империалистской политики: с одной стороны, теперешняя империалистская война показывает нам примеры того, как удастся втянуть маленькое, независимое политически государство, силой финансовых связей и экономических интересов, в борьбу между великими державами (Англия и Португалия). С другой стороны, нарушение демократизма по отношению к маленьким нациям, гораздо более бессильным (и экономически и политически) против своих империалистских «покровителей», вызывает либо восстание (Ирландия), либо переход целых полков на сторону врага (чехи). При таком положении дела не только «осуществимо» с точки зрения финансового капитала, но *иногда* прямо *выгодно* для трестов, для *их* империалистской политики, для *их* империалистской войны, дать как можно больше демократической свободы, вплоть до государственной независимости, *отдельным* маленьким нациям, чтобы не рисковать порчей «своих» военных операций. Забывать своеобразие политических и стратегических соотношений и твердить, кстати и некстати, одно только заученное словечко: «империализм» – это совсем не марксизм.

О Норвегии П. Киевский сообщает нам, во-1-х, что она «всегда была самостоятельным государством». Это неверно, и объяснить такую неверность нельзя иначе, как буршикозной небрежностью автора и невниманием к политическим вопросам. Самостоятельным государством Норвегия до 1905 года *не* была, она лишь пользовалась чрезвычайно широкой автономией. Государственную самостоятельность Норвегии Швеция признала лишь *после* того, как Норвегия отделилась от нее. Если бы Норвегия «всегда была самостоятельным

²⁸ См. Сочинения, 5 изд., том 25, стр. 289–294. *Ред.*

государством», то шведское правительство не могло бы сообщить иностранным державам 26 октября 1905 г., что оно теперь признает Норвегию независимой страной.

Во-2-х, П. Киевский приводит ряд выписок, чтобы доказать, что Норвегия смотрела на запад, а Швеция на восток, что в одной «работал» преимущественно английский, в другой – немецкий финансовый капитал и пр. Отсюда делается торжественный вывод: «этот пример» (Норвегии) «целиком укладывается в наши схемы».

Вот вам образчик логики «империалистического экономизма»! В наших тезисах значится, что финансовый капитал может господствовать в «любой», «хотя бы и независимой стране» и что поэтому все рассуждения о «неосуществимости» самоопределения с точки зрения финансового капитала – сплошная путаница. Нам приводят данные, *подтверждающие* наше положение о роли чужого финансового капитала в Норвегии *и до* отделения *и после* отделения, – с таким видом, будто это *опровергает* нас!!

Поговорить о финансовом капитале и на этом основании *забыть* политические вопросы – неужели это значит рассуждать о политике?

Нет. От логических ошибок «экономизма» политические вопросы не исчезли. В Норвегии «работал» английский финансовый капитал и до и после отделения. В Польше «работал» немецкий финансовый капитал до ее отделения от России, и будет «работать» при *любом* политическом положении Польши. Это до такой степени азбучно, что неловко повторять это, но как же быть, когда забывают азбуку?

Исчезает ли от этого политический вопрос о том или ином положении Норвегии? о ее принадлежности к Швеции? о поведении рабочих, когда встал вопрос об отделении?

П. Киевский уклонился от этих вопросов, ибо они больно бьют «экономистов». Но в жизни эти вопросы стояли – и стоят. В жизни стоял вопрос, может ли быть эсдеком шведский рабочий, не признающий права Норвегии на отделение? *Не может.*

Шведские аристократы были за войну против Норвегии, попы тоже. Этот факт не исчез от того, что П. Киевский «забыл» прочитать о нем в историях норвежского народа. Шведский рабочий мог, оставаясь эсдеком, советовать норвежцам голосовать против отделения (народное голосование в Норвегии по вопросу об отделении состоялось 13 августа 1905 года и дало 368 200 голосов за отделение и 184 против, причем участвовало в голосовании около 80 % имевших право голосовать). Но тот шведский рабочий, который, подобно шведской аристократии и буржуазии, отрицал бы право норвежцев решить этот вопрос самим, без шведов, независимо от их воли, был бы *социал-шовинистом* и *нетерпимым в социал-демократической партии негодяем.*

Вот в чем состоит применение § 9 нашей партийной программы, через который пытался *перескочить* наш «империалистический экономист». Не перескочите, господа, не попадая в объятия шовинизма!

А норвежский рабочий? Обязан ли он был, с точки зрения интернационализма, голосовать *за* отделение? Нисколько. Он мог, оставаясь эсдеком, голосовать против. Он нарушил бы свой долг члена социал-демократической партии лишь в том случае, если бы протянул товарищескую руку такому черносотенному шведскому рабочему, который бы высказался против *свободы* отделения Норвегии.

Этой элементарной разницы в положении норвежского и шведского рабочего не хотят видеть некоторые люди. Но они изобличают сами себя, когда *обходят* этот конкретнейший из конкретнейших политических вопросов, который мы в упор ставим им. Молчат, увертываются, и этим сдают позицию.

Чтобы доказать, что «норвежский» вопрос может стоять в России, мы нарочно поставили тезис: при условиях *чисто* военного и стратегического характера вполне осуществимо и *теперь* особое государство польское. П. Киевский желает «дискутировать» – и молчит!!

Добавим: и Финляндия по *чисто* военным и стратегическим соображениям, при известном исходе *данной* империалистской войны (например, присоединение Швеции к немцам и полупобеда их) вполне *может* стать отдельным государством, не подрывая «осуществимости» ни единой операции финансового капитала, не делая «неосуществимой» скупку акции финляндских железных дорог и прочих предприятия²⁹.

П. Киевский спасается от неприятных для него вопросов политики под сень великолепной фразы, замечательно характерной для всего его «рассуждения»:… «Каждую минуту»… (буквально так и стоит в конце § 6 главы I)… «дамоклов меч может оборваться и прекратить существование «самостоятельной» мастерской» («намек» на маленькую Швецию и Норвегию).

Вот, должно быть, настоящий марксизм: каких-то всего 10 лет существует отдельное государство норвежское, отделение которого от Швеции *шведское* правительство назвало «революционной мерой». Но стоит ли нам разбирать вытекающие отсюда *политические* вопросы, если мы прочитали «Финансовый капитал» Гильфердинга и «поняли» его так, что «каждую минуту» – коль рубить, так уж сплеча! – малое государство может исчезнуть? Стоит ли обращать внимание на то, что мы марксизм исказили в «экономизм», а политику свою превратили в перепевы речей истинно русских шовинистов?

Как ошибались, должно быть, русские рабочие в 1905 году, добиваясь республики: ведь финансовый капитал уже мобилизовался против нее и во Франции и в Англии и пр., и «каждую минуту» мог бы «дамкловым мечом» рубить ее, если бы она возникла!

* * *

«Требование национального самоопределения не является… утопичным в минимальной программе: оно не противоречит общественному развитию, поскольку его осуществление не остановило бы этого развития». Эту цитату из Мартова оспаривает П. Киевский в том самом параграфе своей статьи, где он привел «выписки» о Норвегии, *доказывающие* паки и паки тот общеизвестный факт, что *ни* развития вообще, *ни* роста операций финансового капитала в частности, *ни* скупки Норвегии англичанами «самоопределение» и отделение Норвегии *не остановило!*

У нас не раз бывали большевики, например, Алексинский в 1908–1910 гг., которые спорили с Мартовым *как раз тогда*, когда Мартов был прав! Избави боже от таких «союзников»!

5. О «монизме и дуализме»

Упрекая нас в «дуалистическом толковании требования», П. Киевский пишет:

«Монистическое *действие* Интернационала заменяется дуалистической *пропагандой*».

²⁹ Если при одном исходе современной войны вполне «осуществимо», без малейшего нарушения условий развития империализма и силы его, – напротив, при *усилении* влияния, связей и давления финансового капитала – образование новых государств в Европе, польского, финляндского и т. п., – то при другом исходе войны *так же* «осуществимо» образование нового государства венгерского, чешского и т. п. Английские империалисты уже сейчас намечают этот второй исход на случай своей победы. Империалистская эпоха не уничтожает ни стремлений к политической независимости наций, ни «осуществимости» этих стремлений в *пределах* мировых империалистических соотношений. *Вне* же этих пределов «неосуществима» без ряда революций и непрочно без социализма ни республика в России, ни вообще какое бы то ни было очень крупное демократическое преобразование нигде в мире. П. Киевский совсем, совсем не понял отношений империализма к демократии.

Это звучит совсем по-марксистски, материалистически: действие, которое едино, противопологается пропаганде, которая «дуалистична». К сожалению, присматриваясь ближе, мы должны сказать, что это такой же *словесный* «монизм», каким был «монизм» Дюринга. «От того, что сапожную щетку мы зачислим в *единую* категорию с млекопитающими, – писал Энгельс против «монизма» Дюринга – от этого у нее не вырастут молочные железы»^[46].

Это значит, что *объявлять* «единым» можно лишь такие вещи, свойства, явления, действия, которые *едины* в объективной действительности. Эту «мелочь» как раз и забыл наш автор!

Он видит наш «дуализм», во-1-х, в том, что от рабочих угнетенных наций мы требуем в первую голову *не того*, – речь идет только о национальном вопросе – чего мы требуем от рабочих угнетающих наций.

Чтобы проверить, не является ли здесь «монизм» П. Киевского «монизмом» Дюринга, надо посмотреть, как обстоит дело в *объективной действительности*.

Одинаково ли *действительное* положение рабочих в угнетающих и в угнетенных нациях с точки зрения национального вопроса?

Нет, не одинаково.

(1) *Экономически* разница та, что части рабочего класса в угнетающих странах пользуются крохами *сверхприбыли*, которую получают буржуа угнетающих наций, сдирая всегда по две шкуры с рабочих угнетенных наций. Экономические данные говорят, кроме того, что из рабочих угнетающих наций *большой* процент проходит в «мастерки», чем из рабочих угнетенных наций, – *большой* процент поднимается в *аристократию* рабочего класса³⁰. Это факт. Рабочие угнетающей нации *до известной степени* участники *своей* буржуазии в деле ограбления ею рабочих (и массы населения) угнетенной нации.

(2) *Политически* разница та, что рабочие угнетающих наций занимают *привилегированное* положение в целом ряде областей политической жизни по сравнению с рабочими угнетенной нации.

(3) *Идейно* или духовно разница та, что рабочие угнетающих наций всегда воспитываются и школой и жизнью в духе презрения или пренебрежения к рабочим угнетенных наций. Например, всякий великоросс, воспитавшийся или живший среди великороссов, *испытал* это.

Итак, в объективной действительности *по всей линии* различие, т. е. «дуализм» в объективном мире, независимом от воли и сознания отдельных лиц.

Как же отнестись после этого к словам П. Киевского о «монистическом действии Интернационала»?

Это – пустая звонкая фраза, ничего больше.

Для того, чтобы действие Интернационала, состоящего в *жизни* из рабочих, *расколотых* на принадлежащих к нациям угнетающим и к нациям угнетенным, было *едино*, для этого необходимо *не одинаково* вести пропаганду в том и другом случае: вот как рассуждать надо с точки зрения действительного (а не дюринговского) «монизма», с точки зрения материализма Маркса!

Пример? Пример мы уже привели (в легальной печати 2 с лишним года тому назад!) – относительно Норвегии, и никто не попытался опровергнуть нас. *Действие* норвежских и шведских рабочих было в этом конкретном и взятом из жизни случае «монистическим», единым, интернационалистским *лишь* потому и постольку, поскольку шведские рабочие *безусловно* отстаивали свободу отделения Норвегии, а норвежские *условно* ставили вопрос об этом отделении. Если бы шведские рабочие не *безусловно* стояли за свободу отделения нор-

³⁰ См., например, английскую книгу Гурвича об иммиграции и положении рабочего класса в Америке («Immigration and Labor») («Иммиграция и труд». Ред.).

вежцев, то они были бы *шовинистами*, соучастниками шовинизма шведских помещиков, которые хотели силой, войной, «удержать» Норвегию. Если бы норвежские рабочие *не* ставили вопроса об отделении *условно*, т. е. так, что голосовать и пропагандировать против отделения могут и члены социал-демократической партии, то норвежские рабочие нарушили бы долг интернационалистов и впали в узкий, *буржуазный* норвежский национализм. Почему? потому, что отделение совершала *буржуазия*, а не пролетариат! потому, что норвежская (как и всякая) буржуазия *всегда* старается расколоть рабочих своей страны и «чужой»! потому, что любое демократическое требование (в том числе и самоопределение) для сознательных рабочих *подчинено* высшим интересам социализма. Если бы, например, отделение Норвегии от Швеции наверное или вероятно означало войну Англии с Германией, то норвежские рабочие *по этой причине* должны бы быть против отделения. А шведские получили бы право и возможность, не переставая быть социалистами, агитировать в подобном случае против отделения *только* в том случае, если они систематически, последовательно, постоянно боролись *против* шведского правительства за *свободу* отделения Норвегии. В противном случае норвежские рабочие и норвежский народ *не поверил бы и не мог бы* поверить в искренность совета шведских рабочих.

Вся беда противников самоопределения происходит от того, что они отделяются мертвыми абстракциями, *боясь* разобрать до конца хоть один конкретный пример из живой жизни. Наше конкретное указание в тезисах, что новое государство польское вполне «существимо» *теперь*, при известном сочетании условий исключительно военных, стратегических³¹, осталось без возражений и со стороны поляков и со стороны П. Киевского. Но *подумать* о том, что же вытекает из этого молчаливого признания нашей правоты, никто не пожелал. А вытекает отсюда явно то, что пропаганда интернационалистов *не может быть* одинаковой среди русских и среди поляков, если она хочет воспитать и тех и других к «единому действию». Великоросский (и немецкий) рабочий обязан стоять безусловно за свободу отделения Польши, ибо иначе он *на деле, теперь* – лакей Николая II или Гинденбурга. Польский рабочий *мог бы* стоять за отделение *только* условно, ибо спекулировать (как фраки) на победу той или иной империалистской буржуазии значит становиться *ее* лакеем. Не понять этой разницы, являющейся условием «монистического действия» Интернационала, все равно, что не понять того, почему для «монистического действия» против царской армии, допустим, под Москвой, революционное войско из Нижнего должно бы идти на запад, а из Смоленска на восток.

* * *

Во-2-х, наш новый сторонник дюринговского монизма упрекает нас за то, что мы не заботимся о «теснейшем организационном сплочении различных национальных секций Интернационала» при социальном перевороте.

При социализме самоопределение отпадает – пишет П. Киевский – ибо тогда отпадает государство. Это пишется якобы в опровержение нас! Но у нас в *трех* строках – трех последних строках первого параграфа наших тезисов – сказано точно и ясно, что «демократия есть тоже форма государства, которая должна исчезнуть, когда исчезнет государство»³². Именно эту истину повторяет – конечно, «в опровержение» нас! – П. Киевский на *нескольких страницах* своего параграфа с (глава I), притом повторяет, *извращая*. «Мы мыслим, – пишет он, – и всегда мыслили себе социалистический строй, как строго демократически (!?) централизованную систему хозяйства, при которой государство, как аппарат господства одной

³¹ См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 253–254. *Ред.*

³² См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 253. *Ред.*

части населения над другой, исчезает». Это путаница, ибо демократия есть *тоже* господство «одной части населения над другой», есть *тоже* государство. В чем состоит *отмирание* государства после победы социализма и каковы условия этого процесса, автор явно не понял.

Но главное, это – его «возражения», относящиеся к эпохе социальной революции. Обругав нас ужасно страшным словом «талмудисты самоопределения», автор говорит: «Этот процесс (социальный переворот) мы мыслим, как объединенное действие пролетариев всех (!) стран, разрушающих границы буржуазного (!) государства, сносящих пограничные столбы» (независимо от «разрушения границ?»), «взрывающих (!) национальную общность и устанавливающих общность классовую».

Не во гнев будь сказано суровому судии «талмудистов», – здесь много фраз и совсем не видать «мысли».

Социальный переворот не может быть объединенным действием пролетариев *всех* стран по той простой причине, что большинство стран и большинство населения земли до сих пор стоят еще даже не на капиталистической или только в начале капиталистической ступени развития. Об этом мы сказали в § 6-ом наших тезисов³³, и П. Киевский просто по невнимательности или по неумению думать «не заметил», что этот § выставлен нами не зря, а как раз в опровержение карикатурных искажений марксизма. Для социализма созрели *лишь* передовые страны запада и Северной Америки, и в письме Энгельса к Каутскому («Сборник Социал-Демократа») П. Киевский может прочесть конкретную иллюстрацию той – действительной, а не только обещанной – «мысли», что об «объединенном действии пролетариев *всех* стран» мечтать значит откладывать социализм до греческих календ, т. е. до «никогда».

Социализм осуществляют объединенными действиями пролетарии не всех, а меньшинства стран, дошедших до ступени развития *передового* капитализма. Именно непонимание этого и вызвало ошибку П. Киевского. В *этих* передовых странах (Англия, Франция, Германия и пр.) национальный вопрос давно решен, национальная общность давно изжила себя, «общенациональных задач» *объективно* нет. Поэтому только в этих странах возможно *теперь* же «взорвать» национальную общность, установить общность классовую.

Иное дело в странах неразвитых, в тех странах, которые мы выделили (в § 6-ом наших тезисов) во 2-ую и 3-ью рубрику, т. е. на всем востоке Европы и во всех колониях и полуколониях. Здесь *еще* есть, по общему правилу, угнетенные и капиталистически неразвитые нации. В таких нациях есть еще *объективно* общенациональные задачи, именно задачи *демократические*, задачи *свержения чужденационального гнета*.

Именно как образец таких наций приводит Энгельс Индию, говоря, что она может сделать революцию против победившего социализма, – ибо Энгельс был далек от того смешного «империалистского экономизма», который воображает, что победивший в передовых странах пролетариат «само собой», без определенных *демократических* мер уничтожит национальный гнет везде и повсюду. Победивший пролетариат реорганизует те страны, в коих он победил. Этого нельзя сделать сразу, да и «победить» буржуазию нельзя сразу. Мы нарочно подчеркнули это в своих тезисах, и П. Киевский опять-таки не подумал, *для чего* мы подчеркиваем это в связи с национальным вопросом.

Пока пролетариат передовых стран свергает буржуазию и отражает ее контрреволюционные попытки, – неразвитые и угнетенные нации не ждут, не перестают жить, не исчезают. Если они пользуются даже таким, сравнительно с социальной революцией совсем маленьким, кризисом империалистской буржуазии, как война 1915–1916 годов, для восстаний (колонии, Ирландия), то не подлежит сомнению, что *великим кризисом* гражданской войны в передовых странах они воспользуются тем более для восстаний.

³³ См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 260–261. *Ред.*

Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях.

Почему? Потому, что капитализм развивается неравномерно, и объективная действительность показывает нам, наряду с высокоразвитыми капиталистическими нациями, целый ряд наций очень слабо и совсем неразвитых экономически. П. Киевский абсолютно не продумал *объективных* условий социальной революции с точки зрения экономической зрелости разных стран, и потому его упрек, будто *мы* «выдумываем», где бы применить самоопределение, направляется поистине с больной головы на здоровую.

С усердием, достойным лучшей участи, П. Киевский повторяет много раз цитаты из Маркса и Энгельса на тему о том, что «не выдумывать из головы, а открывать посредством головы в наличных материальных условиях» должны мы средства к избавлению человечества от тех или иных социальных бедствий. Читая эти повторные цитаты, я не могу не вспоминать печальной памяти «экономистов», которые так же скучно... жевали свое «новое открытие» о победе капитализма в России. П. Киевский хочет этими цитатами «поразить» нас, ибо мы-де из головы выдумываем условия применения самоопределения наций в империалистскую эпоху! Но у того же самого П. Киевского мы читаем следующее «неосторожное признание»:

«Уже одно то, что мы *против* (курсив автора) защиты отечества, яснее ясного говорит о том, что мы будем активно сопротивляться всякому подавлению национального восстания, так как этим мы будем вести борьбу против нашего смертельного врага – империализма» (гл. II, § с в статье П. Киевского).

Нельзя критиковать известного автора, нельзя *ответить* ему, если не приводить целиком хотя бы главнейших положений его статьи. А как только приведешь целиком хотя бы одно положение П. Киевского, всегда оказывается, что у него на любую фразу приходится 2–3 ошибки или непродуманности, извращающие марксизм!

1) П. Киевский не заметил, что национальное восстание есть *тоже* «защита отечества»! А между тем капелька размышления убедит всякого, что это именно так, ибо *всякая* «восстающая нация» «защищает» себя от нации угнетающей, защищает свой язык, свой край, свое отечество.

Всякий национальный гнет вызывает отпор в *широких массах* народа, а *тенденция* всякого отпора национально угнетенного населения есть национальное восстание. Если мы наблюдаем нередко (особенно в Австрии и России), что буржуазия угнетенных наций *только* болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные сделки с буржуазией угнетающей нации за спиной *и против* своего народа, то в таких случаях критика революционных марксистов должна направляться не против национального движения, а против измелчания, опошления его, извращения в мелочную драчку. Кстати сказать, очень многие австрийские и российские социал-демократы забывают это и свою *законную* ненависть к мелкой, пошлой, мизерной национальной грызне вроде споров и драк из-за того, на каком языке название улицы должно стоять наверху вывески и на каком внизу, – свою законную ненависть к этому превращают в отрицание поддержки национальной борьбы. Мы не будем «поддерживать» комедийной игры в республику в каком-нибудь княжестве Монако или «республиканские» авантюры «генералов» в мелких государствах южной Америки или какого-нибудь острова в Тихом океане, но отсюда не вытекает позволительность забыть лозунг республики для серьезных демократических и социалистических движений. Мы осмеиваем и должны осмеивать мизерную национальную грызню и национальное торгашество наций в

России и Австрии, но отсюда не вытекает, чтобы позволительно было отказать в поддержке национальному восстанию или всякой серьезной, общенародной борьбе против национального гнета.

2) Если национальные восстания невозможны в «империалистскую эпоху», то П. Киевский не вправе говорить о них. Если они возможны, то все его бесконечные фразы о «монизме», о том, что мы «выдумываем» примеры самоопределения при империализме и прочее и тому подобное – *все* это разлетается в прах. П. Киевский побивает сам себя.

Если «мы» «активно сопротивляемся подавлению» «национального восстания» – случай, взятый, как возможный, «*самим*» П. Киевским, – то что это значит?

Это значит, что *действие* получается двоякое, «дуалистическое», если употреблять философский термин столь же некстати, как некстати употребляет его наш автор, (а) во-1-х, «действие» национально-угнетенного пролетариата и крестьянства *вместе* с национально-угнетенной буржуазией *против* угнетающей нации; (б) во-2-х, «действие» пролетариата или сознательной его части в угнетающей нации *против* буржуазии и всех идущих за ней элементов угнетающей нации.

Бесконечное количество фраз против «национального блока», национальных «иллюзий», против «яда» национализма, против «разжигания национальной ненависти» и тому подобное – фраз, которые наговорил П. Киевский, оказалось пустяками, ибо, советуя пролетариату угнетающих стран (не забудем, что автор считает этот пролетариат силой серьезной) «активно сопротивляться подавлению национального восстания», автор тем *самым разжигает* национальную ненависть, автор тем *самым поддерживает* «блок с буржуазией» рабочих угнетенных стран.

3) Если возможны национальные восстания при империализме, то возможны и национальные войны. Никакой серьезной разницы между тем и другим в политическом отношении нет. Военные историки войн вполне правы, когда восстания тоже относят к войнам. П. Киевский, не подумав, побил не только себя, но и Юниуса и группу «Интернационал», которые отрицают *возможность* национальных войн при империализме. А это отрицание есть единственное мыслимое теоретическое обоснование для взгляда, отрицающего самоопределение наций при империализме.

4) Ибо – что такое «национальное» восстание? Восстание, стремящееся создать *политическую* независимость угнетенной нации, т. е. *особое* национальное государство.

Если пролетариат угнетающей нации является серьезной силой (как предполагает и должен предполагать автор для эпохи империализма), то решимость этого пролетариата «активно сопротивляться подавлению национального восстания» *не есть ли содействие* созданию особого национального государства? Конечно, есть!

Наш храбрый отрицатель «осуществимости» самоопределения договорился до того, что сознательный пролетариат передовых стран должен *содействовать* осуществлению этой «неосуществимой» меры!

5) *Почему* «мы» должны «активно сопротивляться» подавлению национального восстания? П. Киевский приводит только один довод: «так как этим мы будем вести борьбу против нашего смертельного врага – империализма». Вся *сила* этого довода сводится к *сильному* словечку: «смертельный», как вообще у автора сила аргументов заменяется силой крепких и звонких фраз, «вбиванием кола в трепещущее тело буржуазии» и тому подобными украшениями стиля в духе Алексинского.

Но этот аргумент П. Киевского *неверен*. Империализм; такой же «смертельный» наш враг, как и капитализм. Это так. Но ни один марксист не забудет, что капитализм прогрессивен по отношению к феодализму, а империализм по отношению к домонополистическому капитализму. Значит, *не* всякую борьбу против империализма мы вправе поддержать.

Борьбу реакционных классов против империализма мы *не* поддержим, восстания реакционных классов против империализма и капитализма мы *не* поддержим.

Значит, если автор признает необходимость помочь восстанию угнетенных наций («активно сопротивляться» подавлению значит помогать восстанию), то автор тем самым признает *прогрессивность* национального восстания, *прогрессивность* образования, в случае успеха этого восстания, особого и нового государства, установления новых границ и т. д.

Автор буквально не сводит концов с концами *ни в одном* своем политическом рассуждении!

Ирландское восстание 1916 года, происшедшее после опубликования в «Vorbote» № 2 наших тезисов, доказало, кстати сказать, что о возможности национальных восстаний *далее* в Европе говорилось не на ветер!

6. Остальные политические вопросы, затронутые и извращенный П. Киевским

Мы заявили в своих тезисах, что освобождение колоний есть не что иное, как самоопределение наций. Европейцы часто забывают, что колониальные народы *тоже* нации, но терпеть такую «забывчивость» значит терпеть шовинизм.

П. Киевский «возражает»:

«Пролетариата в собственном смысле этого слова *нет*» в чистом типе колоний (конец § с в гл. II). «Для кого же тогда выставлять «самоопределение»? Для колониальной буржуазии? Для феллахов? Для крестьян? Конечно, нет. По отношению к колониям *социалистам* (курсив П. Киевского) нелепо выставлять лозунг самоопределения, ибо вообще нелепо выставлять лозунги рабочей партии для стран, где нет рабочих».

Как ни страшен гнев П. Киевского, объявляющего нашу точку зрения «нелепой», мы все же осмелимся почтительно заметить ему, что его доводы ошибочны. Только печальной памяти «экономисты» думали, что «лозунги рабочей партии» выставляются *только* для рабочих³⁴. Нет, эти лозунги выставляются для всего трудящегося населения, для всего народа. Демократической частью нашей программы – о значении которой «вообще» не подумал П. Киевский – мы обращаемся специально ко всему народу и потому говорим в этой части программы о «народе»³⁵.

К колониальным и полуколониальным народам мы отнесли 1000 млн. населения, и П. Киевский этого конкретнейшего заявления нашего опровергнуть не потрудился. Из 1000 млн. населения свыше 700 млн. (Китай, Индия, Персия, Египет) принадлежит к странам, где рабочие *есть*. Но даже для тех колониальных стран, где нет рабочих, где есть только рабовладельцы и рабы и т. п., не только *не* нелепо, а *обязательно* для всякого марксиста выставлять «самоопределение». Немножко подумав, П. Киевский, вероятно, поймет это, как поймет и то, что «самоопределение» выставляется всегда «для» *двух* наций: угнетенной *ж* угнетающей.

Другое «возражение» П. Киевского:

«Поэтому мы ограничиваемся по отношению к колониям отрицательным лозунгом, т. е. требованием, предъявляемым социалистами к

³⁴ Советуем П. Киевскому перечитать писания А. Мартынова и К^о в 1899–1901 годах. Он найдет там много «своих» аргументов.

³⁵ Некоторые курьезные противники «самоопределения наций» возражают против нас тем доводом, что «нации» разделены на классы! Этим карикатурным марксистам мы указываем обычно, что у нас в демократической части программы говорится о «самодержавии народа».

своим правительствам – «вон из колоний!» Это требование, не реализуемое в пределах капитализма, заостряет борьбу против империализма, но не противоречит развитию, ибо социалистическое общество не будет владеть колониями».

Неспособность или нежелание автора хоть сколько-нибудь подумать о теоретическом содержании политических лозунгов прямо поразительны! Неужели дело меняется от того, что мы вместо теоретически точного политического термина употребим агитационную фразу? Сказать «вон из колоний» значит именно спрятаться от теоретического анализа за сень агитационной фразы! Всякий агитатор нашей партии, говоря об Украине, Польше, Финляндии и пр., вправе сказать царизму («своему правительству») «вон из Финляндии и т. д.», но толковый агитатор поймет, что нельзя выставлять ни положительных ни отрицательных лозунгов только для «заостривания». Только люди типа Алексинского могли настаивать на том, что «отрицательный» лозунг «вон из черной Думы» можно оправдать стремлением «заострить» борьбу против известного зла.

Заостривание борьбы есть пустая фраза субъективистов, забывающих, что марксизм требует для оправдания всякого лозунга точного анализа и *экономической* действительности, и *политической* обстановки, и *политического* значения этого лозунга. Неловко разжевывать это, но как же быть, когда вынуждают к этому?

Обрывать теоретическую дискуссию по теоретическому вопросу агитационными выкриками – к этой манере Алексинского мы присмотрелись, но это плохая манера. Политическое и экономическое содержание лозунга «вон из колоний» одно и только одно: свобода отделения Для колониальных наций, свобода образования отдельного государства! Если *общие* законы империализма, как думает П. Киевский, препятствуют самоопределению наций, делают его утопией, иллюзией и пр. и пр., то как же можно, не подумав, устанавливать исключение из этих общих законов для *большинства* наций мира? Ясно, что «теория» П. Киевского есть карикатура на теорию.

Товарное производство и капитализм, ниточки связей финансового капитала существуют в громадном большинстве колониальных стран. Как же можно призывать государства, правительства империалистских стран убраться «вон из колоний», если *с точки зрения* товарного производства, капитализма и империализма это «ненаучное», *самим* Ленчем, Куновым и пр. «опровергнутое», «утопичное» требование?

Ни тени *мысли* нет в рассуждениях автора!

О том, что освобождение колоний «не реализуемо» *лишь* в смысле: «не реализуемо без ряда революции», автор не подумал. О том, что оно реализуемо *в связи* с социалистической революцией в Европе, он не подумал. О том, что «социалистическое общество не будет владеть» *не только* колониями, но и угнетенными нациями *вообще*, он не подумал. О том, что ни экономической, ни политической разницы между «владением» со стороны России Польшей или Туркестаном по рассматриваемому нами вопросу *нет*, он не подумал. О том, что «социалистическое общество» хочет убраться «вон из колоний» *только* в смысле предоставления им *права* свободно отделиться, *отнюдь* не в смысле *рекомендации* им *отделиться*, он не подумал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Статья «О брошюре Юниуса» была напечатана в «Сборнике «Социал-Демократа»» № 1, в октябре 1916 года.

2.

ИСК (Интернациональная социалистическая комиссия) – исполнительный орган Циммервальдского объединения; была основана на первой международной социалистической конференции, происходившей в Циммервальде 5–8 сентября 1915 года. В ее состав были избраны Р. Гримм, О. Моргари, Ш. Нэн, А. Балабанова. Местопребыванием ИСК являлся г. Берн. Вскоре после Циммервальдской конференции, по предложению Р. Гримма, была создана расширенная Интернациональная социалистическая комиссия, в состав которой вошли представители от всех партий, присоединившихся к решениям Циммервальдской конференции. От ЦК РСДРП в расширенную ИСК входили В. И. Ленин, И. Ф. Арманд, Г. Е. Зиновьев. Органом ИСК являлся ее бюллетень «Internationale Sozialistische Kommission zu Bern. Bulletin» («Интернациональная социалистическая комиссия в Берне. Бюллетень»), издававшийся на немецком, французском и английском языках с сентября 1915 по январь 1917 года. Вышло шесть номеров.

3.

Группа «Интернационал» – революционная организация германских левых социал-демократов; образована в начале мировой империалистической войны К. Либкнехтом, Р. Люксембург, Ф. Мерингом, К. Цеткин, Ю. Мархлевским, Л. Иогихесом (Тышка), В. Пиком. В апреле 1915 года Р. Люксембург и Ф. Меринг основали журнал «Die Internationale», вокруг которого сплотилась основная группа левых социал-демократов Германии. 1 января 1916 года в Берлине состоялась обще германская конференция левых социал-демократов, на которой группа оформилась организационно и приняла решение именовать себя группой «Интернационал». В качестве платформы группы конференция приняла «Leitsätze» («Основные положения»), разработанные Р. Люксембург при участии К. Либкнехта, Ф. Меринга и К. Цеткин. С 1916 года группа «Интернационал», кроме политических листовок, выпускавшихся в 1915 году, стала нелегально издавать и распространять «Политические письма» за подписью «Спартак» (выходили регулярно до октября 1918 года); в связи с этим группа «Интернационал» стала называться также группой «Спартак».

4.

«Vorwärts» («Вперед») – ежедневная газета, центральный орган Германской социал-демократической партии; выходила в Берлине с 1891 года по постановлению Галльского съезда партии как продолжение издававшейся с 1884 года газеты «Berliner Volksblatt» («Берлинский Народный Листок») под названием «Vorwärts. Berliner Volksblatt». На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Энгельса, редакция «Vorwärts» оказалась в руках правого крыла партии и систематически печатала статьи оппортунистов.

5.

«Bremer Bürger-Zeitung» («Бременская Гражданская Газета») – ежедневная социал-демократическая газета, выходила в Бремене с 1890 по 1919 год; до 1916 года находилась под влиянием бременских левых социал-демократов, затем перешла в руки социал-шовинистов.

6.

«Volksfreund» («Друг Народа») – ежедневная социал-демократическая газета, основанная в 1871 году в Брауншвейге; в 1914–1915 годах была фактически органом германских левых социал-демократов; в 1916 году перешла в руки каутскианцев.

7.

«Интернациональные социалисты Германии» («Internationale Sozialisten Deutschlands», I. S. D.) – группа германских левых социал-демократов, объединившихся в годы мировой империалистической войны вокруг журнала «Lichtstrahlen» («Лучи Света»), который издавался в Берлине с 1913 по 1921 год. «Интернациональные социалисты Германии» открыто выступали против войны и оппортунизма; в вопросе о размежевании с социал-шовинистами и центристами они занимали в Германии наиболее последовательную позицию. На Циммервальдской конференции представитель группы «Интернациональные социалисты Германии» Ю. Борхардт подписал проекты резолюции и манифеста Циммервальдской левой. Вскоре после конференции бюро Циммервальдской левой получило извещение о том, что группа «Интернациональные социалисты Германии» присоединяется к ней; сообщение об этом было напечатано в «Internationale Flugblätter» («Интернациональные Летучие Листки») № 1 за 1915 год. Группа не имела широких связей с массами и вскоре распалась.

8.

«Die Neue Zeit» («Новое Время») – теоретический журнал Германской социал-демократической партии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. До октября 1917 года редактировался К. Каутским, затем – Г. Куновым. В «Die Neue Zeit» были впервые опубликованы некоторые произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. Энгельс помогал своими советами редакции журнала и нередко критиковал ее за допускаявшиеся в журнале отступления от марксизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов, в том числе серия статей Э. Бернштейна «Проблемы социализма», открывших поход ревизионистов против марксизма. В годы мировой империалистической войны (1914–1918) журнал занимал центристскую позицию, поддерживая фактически социал-шовинистов.

9.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 365.

10.

Призывцами В. И. Ленин называл сторонников группы «Призыв», основанной меньшевиками и эсерами в сентябре 1915 года и занимавшей крайнюю социал-шовинистическую позицию. Группа издавала газету «Призыв», выходившую в Париже с октября 1915 по март 1917 года; в ней руководящее участие принимали – Г. В. Плеханов, Г. А. Алексинский, И. Бунаков, Н. Д. Авксентьев и др.

11.

Циммервальдская левая группа была основана по инициативе В. И. Ленина на Международной социалистической конференции в Циммервальде в сентябре 1915 года. Она объединила 8 делегатов – представителей от ЦК РСДРП и от левых социал-демократов Швеции, Норвегии, Швейцарии, Германии, польской с.-д. оппозиции и с.-д. Латышского края. Циммервальдская левая группа, возглавляемая В. И. Лениным, вела борьбу против центристского большинства конференции и внесла проекты резолюции и

манифеста, в которых осуждалась война, разоблачалось предательство социал-шовинистов и указывалось на необходимость вести активную борьбу против войны. Эти проекты были отвергнуты центристским большинством конференции. Однако Циммервальдской левой удалось добиться включения в манифест, принятый конференцией, ряда важных положений из своего проекта резолюции. Оценивая манифест как первый шаг в борьбе против империалистической войны, Циммервальдская левая голосовала за этот манифест, отметив в особом заявлении недоговоренность, непоследовательность манифеста и мотивы своего голосования за него. Вместе с тем Циммервальдская левая заявила, что, оставаясь в общем Циммервальдском объединении, она будет вести самостоятельную работу в международном масштабе и распространять свои взгляды. Она избрала руководящий орган – бюро, в состав которого вошли В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев и К. Радек. Циммервальдская левая издавала свой орган – журнал «Vorbote» («Предвестник») на немецком языке, в нем был напечатан ряд статей В. И. Ленина.

12.

«Социал-Демократ» – нелегальная газета, Центральный Орган РСДРП; издавалась с февраля 1908 по январь 1917 года. После неудачных попыток выпустить № 1 газеты в России, ее издание было перенесено за границу; №№ 2–32 (февраль 1909 – декабрь 1913) вышли в Париже, №№ 33–58 (ноябрь 1914 – январь 1917) – в Женеве. Всего вышло 58 номеров, из них 5 имели приложения. С декабря 1911 года «Социал-Демократ» редактировался В. И. Лениным. В газете было опубликовано более 80 статей и заметок Ленина.

13.

«Газета Роботнича» («Gazeta Robotnicza» – «Рабочая Газета») – нелегальный орган Варшавского комитета социал-демократии Польши и Литвы; издавался в мае – октябре 1906 года, вышло 14 номеров под редакцией Г. Каменского, после чего издание было прекращено. После раскола в 1912 году в польской социал-демократии возникли два Варшавских комитета и издавались два органа под названием «Рабочая Газета»: один – сторонниками Главного правления в Варшаве (июль 1911 – июль 1913), другой – оппозиционным Варшавским комитетом в Кракове (июль 1911 – февраль 1916). Эту газету имеет в виду В. И. Ленин.

14.

Дискуссия в «Die Neue Zeit» по национальному вопросу, развернувшаяся перед Лондонским конгрессом II Интернационала, открылась статьей Р. Люксембург «Neue Strömungen in der polnischen sozialistischen Bewegung in Deutschland und Österreich» («Новые течения в польском социалистическом движении в Германии и Австрии»), опубликованной в № 32 и № 33 журнала за 1895–1896 год. Статья была направлена против националистической позиции лидеров Польской социалистической партии (ППС), которые, выступая под флагом борьбы за независимую Польшу, вели сепаратистскую националистическую пропаганду среди польских рабочих и стремились отвлечь их от совместной с русским пролетариатом борьбы против царизма и капитализма. Указывая на тесные экономические связи отдельных частей Польши, находившихся под властью Австрии, Германии и царской России, с этими странами, Р. Люксембург считала, что польские социалисты не должны требовать независимости Польши. В связи с этим она вообще отрицательно относилась к требованию права наций на самоопределение.

15.

В 1903 году, в период подготовки ко II съезду РСДРП и на съезде, развернулась дискуссия по поводу требования права наций на самоопределение в связи с обсуждением проекта программы РСДРП, разработанного редакцией «Искры». В статьях «О манифесте «Союза армянских социал-демократов»» и «Национальный вопрос в нашей программе», опубликованных в «Искре» (см. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 102–106 и 233–242), Ленин разъяснил позицию российских марксистов-искровцев по этому вопросу. Острая борьба вокруг требования права наций на самоопределение, сформулированного в § 9 проекта программы, разгорелась в программной комиссии съезда. Польские социал-демократы, считая, что это требование сыграет на руку польским националистам, предложили заменить его требованием культурно-национальной автономии. На такой же позиции стояли бундовцы, которые хотя и не возражали тогда прямо против самоопределения наций, предлагали дополнить § 9 положением о культурно-национальной автономии. Вместе с тем бундовцы выступили против интернационализма в партийном строительстве, выдвинув федеративный принцип построения партии. Съезд отверг точку зрения польских социал-демократов и националистические притязания бундовцев, принял пункт о самоопределении наций и интернациональный принцип построения партии.

16.

«Экономизм» – оппортунистическое течение в российской социал-демократии конца XIX – начала XX века, разновидность международного оппортунизма. «Экономисты» ограничивали задачи рабочего класса экономической борьбой за повышение заработной платы, улучшение условий труда и т. д., утверждали, что политическая борьба является делом либеральной буржуазии, отрицали руководящую роль партии рабочего класса. Преклоняясь перед стихийностью рабочего движения, «экономисты» принижали значение революционной теории, отрицали необходимость внесения в рабочее движение социалистического сознания извне – марксистской партией и тем самым расчищали дорогу буржуазной идеологии. «Экономисты» защищали разрозненность и кустарничество в социал-демократическом движении, выступали против необходимости создания централизованной партии рабочего класса.

17.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 27.

18.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 13, стр. 281.

19.

«Культурно-национальная автономия» – антимарксистская, буржуазно-националистическая программа решения национального вопроса; была разработана австрийскими социал-демократами О. Бауэром и К. Реннером и принята австрийской с.-д. партией, а также другими партиями II Интернационала. Эта программа отвергала право наций на самоопределение вплоть до отделения, размежевывала рабочих по признаку национальностей и разрушала интернациональное единство пролетариата; она облегчала вовлечение пролетариев и трудящихся крестьян в сферу влияния идей буржуазного национализма, отвлекала их от борьбы против эксплуататорских классов своей нации, от задачи последовательно-демократических преобразований государства в целом. Требование «культурно-национальной автономии» Ленин подверг резкой критике в работах «Критические заметки по национальному вопросу», «О праве наций на

самоопределение» (см. Сочинения, 5 изд., том 24, стр. 113–150 и том 25, стр. 255–320) и других произведениях.

20.

Брошюра «Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)» была задумана В. И. Лениным в связи с подготовкой к первой международной социалистической конференции. В работе над брошюрой принял участие Г. Е. Зиновьев, однако в основном брошюра была написана В. И. Лениным. Ему же принадлежала общая редакция всей брошюры.

21.

Струвизм – либерально-буржуазное извращение марксизма, получившее свое название по имени главного представителя «легального марксизма» в России П. Б. Струве. «Легальный марксизм» возник как общественно-политическое течение среди либерально-буржуазной интеллигенции России в 90-х годах XIX века. «Легальные марксисты» во главе со Струве пытались использовать марксизм в интересах буржуазии. Ленин указывал, что струвизм берет из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, и отбрасывает живую душу марксизма – его революционность, учение о неизбежной гибели капитализма, о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. Струве восхвалял капиталистические порядки, призывал «пойти на выучку к капитализму». В работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Ленин подверг резкой критике «легальный марксизм», назвав его «отражением марксизма в буржуазной литературе», разоблачил «легальных марксистов» как идеологов либеральной буржуазии. Ленинская характеристика «легальных марксистов» впоследствии целиком подтвердилась: многие из них стали видными кадетами, а потом ярыми белогвардейцами. Решительная борьба Ленина против «легального марксизма» в России была вместе с тем борьбой против международного ревизионизма и являлась примером идейной непримиримости к искажениям марксистской теории.

22.

«Колокол» («Die Glocke») – двухнедельный журнал, издавался в Мюнхене, а затем в Берлине в 1915–1925 годах германским социал-шовинистом Парвусом (Гельфандом).

23.

См. Ф. Энгельс. «Демократический панславизм» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 6, стр. 289–306).

24.

См. Ф. Энгельс. «Эмигрантская литература» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 509).

25.

«Lichtstrahlen» («Лучи Света») – ежемесячный журнал, орган группы левых социал-демократов Германии («Интернациональные социалисты Германии»), издавался под редакцией Ю. Борхардта. Журнал выходил нерегулярно с 1913 по 1921 год в Берлине; в нем принимали участие А. Паннекук, А. Балабанова и др.

26.

В. И. Ленин имеет в виду статью Р. Люксембург «Национальный вопрос и автономия», напечатанную в журнале «Przegląd Socialdemokratyczny» («Социал-Демократическое Обозрение») №№ 6, 7, 8–9, 10, 1908 г., №№ 12, 14–15, 1909 г.

27.

«Фраки» («революционная фракция») – правое крыло Польской социалистической партии (ППС) – реформистской националистической партии, основанной в 1892 году. Выступая под лозунгом борьбы за независимую Польшу, ППС, возглавляемая Пилсудским и его сторонниками, вела сепаратистскую националистическую пропаганду среди польских рабочих и стремилась отвлечь их от совместной с русскими рабочими борьбы против самодержавия и капитализма.

28.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 356–357.

29.

«Наше Слово» – меньшевистская газета; выходила в Париже с января 1915 по сентябрь 1916 года вместо газеты «Голос». Одним из редакторов газеты был Л. Троцкий.

30.

«Речь» – ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с 23 февраля (8 марта) 1906 года под фактической редакцией П. Н. Милюкова и И. В. Гессена при ближайшем участии М. М. Винавера, П. Д. Долгорукова, П. Б. Струве и других. Газета была закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. Впоследствии (до августа 1918 года) выходила под разными названиями: «Наша Речь», «Свободная Речь», «Век», «Новая Речь», «Наш Век».

31.

«Наш Голос» – легальная меньшевистская газета; издавалась в Самаре в 1915–1916 годах; занимала социал-шовинистическую позицию.

32.

Статья «О рождающемся направлении «империалистического экономизма»» и публикуемые вслед за ней статьи «Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову)» и «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»» были направлены против немарксистской, антибольшевистской позиции группы Бухарина – Пятакова – Бош. Эта группа начала складываться в ходе подготовки к печати журнала «Коммунист», издание которого было предпринято весной 1915 года редакцией «Социал-Демократа» совместно с Г. Л. Пятаковым и Е. Б. Бош, взявшими на себя финансирование издания, и П. И. Бухариным, вошедшим в редакцию журнала. Еще летом 1915 года Пятаков и Бош, по выражению Ленина, «закатывали сцены» из-за Чхеидзе!!» (Сочинения, 4 изд., том 35, стр. 167), требуя соглашения с меньшевистской фракцией Думы («фракцией Чхеидзе», как называл ее Ленин) и другими центристами. Вопреки Ленину Пятаков и Бош, при пособничестве члена редакции «Социал-Демократа» Г. Е. Зиновьева, добились включения в № 1–2 «Коммуниста» первой части статьи К. Радека «Четверть века развития империализма», в которой проводились идеи «империалистического экономизма». Разногласия между Лениным, с одной стороны, и Пятаковым, Бош и Бухариным, с другой, обострились после выхода в свет в сентябре 1915 года № 1–2 журнала «Коммунист». Бухарин, Пятаков и Бош, переехавшие летом 1915 года из Божии в Стокгольм, объединились на базе подписанных

ими и присланных осенью 1915 года в редакцию «Социал-Демократа» тезисов «О лозунге права наций на самоопределение», в которых они выступали против ленинской теории социалистической революции, отвергали необходимость борьбы за демократию в эпоху империализма, требовали отказа партии от лозунга права наций на самоопределение.

33.

Речь идет о статье «Кто совершит политическую революцию?», которая была напечатана в сборнике «Пролетарская борьба» № 1, изданном «Уральской социал-демократической группой» в 1899 году, а затем переизданной Киевским комитетом в виде отдельной брошюры. Автор брошюры А. А. Санин, стоявший на позициях «экономизма», выступал против создания самостоятельной политической партии рабочего класса, отрицал необходимость политической революции и считал, что социалистическое преобразование в России являлось непосредственной задачей и что его можно совершить путем всеобщей стачки.

34.

Речь идет о Конференции заграничных секций РСДРП, происходившей в Берне 14–19 февраля (27 февраля – 4 марта) 1915 года. Конференция была созвана по инициативе Ленина и имела значение общепартийной конференции, поскольку созвать во время войны съезд партии или всероссийскую конференцию РСДРП не представлялось возможным.

35.

Имеются в виду тезисы «О лозунге права наций на самоопределение», составленные Н. И. Бухариным в ноябре 1915 года и посланные редакции «Социал-Демократа» за подписью Н. И. Бухарина, Г. Л. Пятакова, Е. Б. Бош.

36.

Речь идет о проекте программы голландских левых, написанном Г. Роланд-Гольст и напечатанном 29 февраля 1916 г. в № 3 «Бюллетеня» Интернациональной социалистической комиссии под заглавием «Ein Programm-Entwurf der R. S. V. und der S. D. A. P. Hollands» («Проект программы Революционно-социалистического союза и Социал-демократической рабочей партии Голландии»), за подписью Г. Роланд-Гольст, И. Фишера, Д. Вайнкопа, И. Сетон.

37.

Ленин имеет в виду совещание расширенной Интернациональной социалистической комиссии, которое состоялось в Берне с 5 по 9 февраля 1916 года. На совещании присутствовали 22 представителя от интернационалистов ряда стран, в том числе Германии, России, Италии, Норвегии, Австрии, Польши, Швейцарии, Болгарии и Румынии. Состав совещания свидетельствовал об изменении соотношения сил в пользу левых, однако большинство его участников, как и на Циммервальдской конференции, было центристским.

38.

«Просвещение» – ежемесячный большевистский теоретический легальный журнал; издавался в Петербурге с декабря 1911 по июнь 1914 года. Тираж журнала доходил до 5 тыс. экземпляров. Ленин из Парижа, а затем из Кракова и Поронина руководил «Просвещением», редактировал статьи, вел регулярную переписку с членами редакционной коллегии. В журнале были опубликованы работы Ленина: «Принципиальные вопросы избирательной кампании», «Три источника и три составных части марксизма», «Критические заметки по

национальному вопросу», «О праве наций на самоопределение», «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве», «Приемы борьбы буржуазной интеллигенции против рабочих» и ряд других.

39.

В. И. Ленин имеет в виду программу французской рабочей партии 1880 года и программы германской социал-демократии – Готскую 1875 года и Эрфуртскую 1891 года.

40.

Настоящая статья явилась ответом на статью Г. Л. Пятакова (П. Киевского) «Пролетариат и «право наций на самоопределение» в эпоху финансового капитала», написанную в августе 1916 года. На рукописи статьи имеется надпись В. И. Ленина: «Статья Киевского о самоопределении и ответ на нее Ленина». Ответ В. И. Ленина был послан Пятакову. «После присылки нам статьи Юрия, – писал Ленин в письме Инессе Арманд, – и принятия им (он принял! пришлось принять) моего ответа – их дело, как «группы», кончено» (Сочинения, 4 изд., том 35, стр. 204). Обе статьи предназначались к опубликованию в «Сборнике «Социал-Демократа»» № 3. Несколько позднее вместо статьи «Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову)» Ленин написал большую статью «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»» (см. настоящий том, стр. 77–130).

41.

В. И. Ленин имеет в виду статью «Miliz oder Abrüstung?» («Милиция или разоружение?») голландской левой социал-демократки Г. Роланд-Гольст, напечатанную в журнале швейцарской социал-демократической партии «Neues Leben» («Новая Жизнь») № 10–11 (октябрь – ноябрь) и № 12 (декабрь) 1915 года.

42.

Статья «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»» была написана в ответ на статью П. Киевского «Пролетариат и «право наций на самоопределение» в эпоху финансового капитала». Обе статьи предполагалось опубликовать в «Сборнике «Социал-Демократа»» № 3. В декабре 1916 года в № 2 сборника было напечатано объявление о поступивших в редакцию материалах для третьего номера сборника, в числе которых были упомянуты две названные статьи. Ввиду отсутствия средств № 3 сборника в то время не вышел и статьи в печати не появились. В рукописном виде статья «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»» была широко известна среди большевиков, проживавших за границей, и некоторых левых социал-демократов. В письме А. Г. Шляпникову, написанном в начале октября 1916 года, перед поездкой его в Россию, В. И. Ленин писал: «Крайне жаль, если Белении не дождется моей статьи в ответ Киевскому (она как раз вчера послана в переписку и только через несколько дней будет готова)» (Сочинения, 4 изд., том 35, стр. 185). Во время дискуссии по национальному вопросу за границей В. И. Ленин посылал эту статью большевикам для «теоретической спевки». В ответ на письмо Н. Д. Кикнадзе, в котором сообщалось о спорах в Женеве с А. В. Луначарским и другими по национальному вопросу, В. И. Ленин писал: «Раз Вы хотите спорить с ними, посылаю Вам свою статью из № 3 (или 4) сборника на эту тему» (Сочинения, 4 изд., том 35, стр. 189). Эта статья была послана также В. А. Карпинскому, И. Ф. Арманд и другим большевикам.

43.

6 (19) августа 1905 года были опубликованы царский манифест – закон об учреждении Государственной думы и положение о выборах в нее. Дума получила название булыгинской по имени министра внутренних дел А. Г. Булыгина, которому царь поручил составить проект Думы. Большевики призвали рабочих и крестьян к активному бойкоту булыгинской Думы, сосредоточив всю агитационную кампанию вокруг лозунгов: вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство. Кампания бойкота булыгинской Думы была использована большевиками для мобилизации всех революционных сил, для проведения массовых политических стачек и подготовки вооруженного восстания. Выборы в булыгинскую Думу не производились, и правительству не удалось созвать ее; нараставший подъем революции и Всероссийская октябрьская политическая стачка 1905 года смели Думу. О булыгинской Думе см. статьи В. И. Ленина: «Конституционный базар», «Бойкот булыгинской Думы и восстание», ««Единение царя с народом и народа с царем»», «В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства?» (Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 67–71; том 11, стр. 166–174, 179–188, 196–208) и другие произведения.

44.

Речь идет об отзовистах и ультиматистах.

45.

Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 304).

46.

Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 20, стр. 41).

142.

«Berner Tagwacht» («Бернский Часовой») – газета, орган Социал-демократической партии Швейцарии; выходит с 1893 года в Берне. В 1909–1918 гг. редактором газеты был Р. Гримм. В начале мировой империалистической войны в газете публиковались статьи К. Либкнехта, Ф. Меринга и других левых социал-демократов. С 1917 года газета стала открыто поддерживать социал-шовинистов. В настоящее время позиция газеты по основным вопросам внутренней и внешней политики совпадает с позицией буржуазных газет.

143.

Ф. Энгельс. «Какое дело рабочему классу до Польши?» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 16, стр. 160).

144.

Имеется в виду «Декларация» польских социал-демократов на международной социалистической конференции в Циммервальде (1915). В этой «Декларации» выражался протест против угнетательской политики царского самодержавия, немецкого и австрийского правительств, которые, «лишая польский народ возможности самому решить свою судьбу, рассматривают польские области как залог в предстоящей игре компенсациями»... «В этом, – говорилось в «Декларации», – с особенной грубостью проявляется сущность политики капиталистических правительств, которые, посылая народные массы на убой, вместе с тем самовластно определяют судьбы народов на целые поколения». Польская социал-демократия высказывала убеждение, что только участие в надвигающейся борьбе революционного международного пролетариата за социализм, «в борьбе, которая

разорвет оковы национального угнетения и уничтожит всякие формы чужестранного владычества, обеспечит и польскому народу возможность всестороннего развития в качестве равноправного члена в союзе народов». Об этой декларации см. также настоящий том, стр. 369.